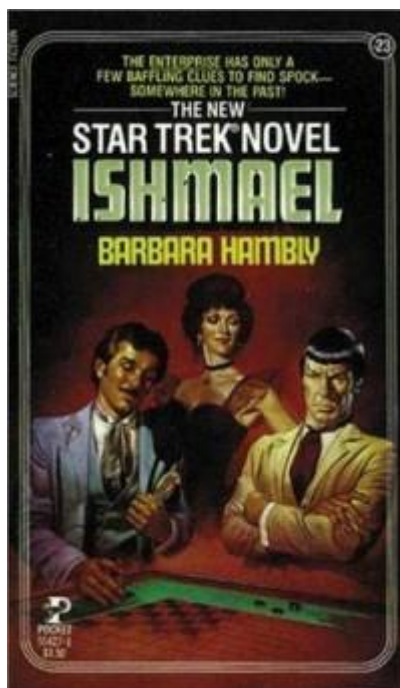

Барбара Хэмбли Ишмаэль

Звездный путь – 23

<http://www.litportal.ru>

«Дредноут»: Русич; Смоленск; 1996

ISBN 5885904847

Оригинал: Barbara Hambly, “Ishmael”

Аннотация

Клингоны смогли совершить прыжок во времени, желая найти человека, от которого зависит будущее всего человечества.

Если им удастся убить его, изменится ход истории и Земля окажется захваченной клингонами...

Глава 1

В полутьме послышался негромкий звонок в дверь — звонили осторожно, словно извиняясь за вторжение.

Капитан Джеймс Т. Кирк лежал на чистой койке, глядя в потолок своего отсека. Ему очень не хотелось отвечать на звонок, хотя капитан космического корабля вооруженных сил был обязан сделать это, даже когда окончилось дежурство и можно было отдыхать.

Он не спал две ночи подряд. Эта ночь, уже третья, заканчивалась. Кирк ненадолго забылся неглубоким и тревожным сном, но и во сне перед его мысленным взором все время вставали одни и те же картины. Это был сплошной кошмар: его постоянно терзала горечь утраты и в то же время мучили сомнения. И все сны обрывались на одном и том же месте: все та же загадочная картина на экране и мертвая тишина, повисшая в бесконечном темном пространстве. Снова, уже наверное в тысячный раз, Кирк подумал, что Спок должен был погибнуть.

— Он не мог выжить, — сказал капитан сам себе. — Прошло слишком много времени.

Но кто-то другой в его мозгу настойчиво нашептывал: Спок — твердый орешек. И хотя клингоны очень ловки в таких делах, — двадцать четыре часа — это не так уж и много.

Кирк закрыл глаза, как будто от этого могло исчезнуть проклятое видение, затем снова открыл их и взглянул в темноте на потолок. Он почти все время смотрел туда. Но если в этой тусклой перламутровой поверхности и таилось какое-то утешение или ответ, то обнаружить их никак не удавалось.

В дверь снова позвонили. Кирк вздохнул. Было четыре часа, глубокая ночь на борту «Энтерпрайза». Но почти всему экипажу известно, что Кирк не спит, и известно почему. Он дотронулся до выключателя, расположенного возле кровати.

В дверном проеме возник силуэт Боунза Маккоя.

— А я уже было понадеялся, когда ты не ответил на звонок, — начал он укоризненно, входя в комнату. Дверь тут же захлопнулась за ним. — Джим, позволь мне...

Кирк перевалился на бок и сел на смятой постели.

— Если ты снова будешь предлагать мне принять снотворное, я прикажу надеть на тебя наручники, — устало произнес он, — мне не нужно снотворное, я должен думать.

Маккой пронзил его острым взглядом, словно сканирующим лучом, и уголки его рта поползли вниз.

— Если эти мысли доводят тебя до такого состояния, то я все же рекомендовал бы тебе принять снотворное, но решать тебе самому.

Маккой прошел мимо голубой форменной куртки, на которую падал луч света, льющегося из коридора, и остановился возле койки Кирка, глядя вниз на своего друга. Затем спокойно произнес:

— Джим, ты ничего не мог тогда сделать.

— И знаю, — Кирк вздохнул, устало запустив пятерню в шевелюру. Именно об этом я и думаю. Какой-то выход все равно должен был существовать.

В другом конце комнаты заморгал зеленый огонек. Кирк автоматически вскочил на ноги и бросился к пульту. Он нажал клавишу.

— Кирк слушает.

— Капитан?

Дежурный офицер несколько не удивился тому, что капитан не спит в четыре часа ночи.

— Сэр, на экране появилась Звездная База номер Двенадцать. Расчетное время прибытия 12.00.

— Передайте изображение на мой экран, лейтенант.

Небольшой экран, расположенный над пультом, ожил.

Кирк долго стоял молча, глядя на глубины межзвездного пространства.

Звезды же отвечали ему далекими немигающими взглядами, идущими из звездной темноты.

На протяжении всех этих пустых и бесконечных лет Двенадцатая Звездная База оставалась для них волшебной игрушкой с рождественской елки, интригующим вращающимся шаром планетоида, поверхность которого усеяна множеством огней. Базу окружала масса готовых к стыковке космических кораблей, роившихся вокруг нее, словно сверкающие электроны вокруг атомного ядра. Она манила к себе словно свет домашнего очага.

Кирк подумал: неужели он виделся со Споком на Двенадцатой Звездной Базе в последний раз?

Кто мог знать, что эта встреча станет последней. Такое Кирку и в голову не приходило. Двенадцатая Звездная База всегда считалась совершенно обычной остановкой в пути. Они имели задание доставить туда пару астрофизиков высокого ранга и оборудование для записи эффектов прохождения блуждающей белой карликовой звезды через так называемое Эриданово Облако, — тот обширный аморфный участок ионных бурь и необъяснимых гравитационных аномалий, который всегда был предметом беспокойства на Двенадцатой

Звездной Базе. В тот вечер в баре «Уандер» ему не могла даже в голову прийти мысль о том, что когда, они будут улетать, Спока может не оказаться на борту «Энтерпрайза».

При виде изображения базы на крошечном черном экране у Кирка появилось ощущение, будто он лишился своей правой руки, но все еще по привычке пытается, ею действовать.

Кирк прекрасно помнил, как они сидели тогда в полутемном баре, уютном и очень дорогом. Слышалась негромкая музыка в стиле регтайм, а на губах он ощущал вкус крепчайшего коктейля «Альдебаран». Кирк беседовал с Марией Келлог, старой подругой по академии. Маккой ухаживал за лейтенантом Уху-рой. Спок приехал один — он почти всегда бывал здесь один и, как обычно, не стал ничего пить, сказав, что если бы он хотел напиться, то смог бы купить спиртное куда дешевле в лабораториях «Энтерпрайза», да еще с гарантией высокого качества.

— А если бы ты еще сделал себе внутривенную инъекцию алкоголя, то добился бы гораздо большего эффекта, — вставил Маккой, и Спок строго вскинул брови.

— Я вполне мог бы сделать это, — согласился он преувеличенно вежливым тоном. — но я никогда не мог понять, почему все уделяют так много внимания спиртному, особенно когда находятся в компании незнакомых людей, некоторые из которых уже, возможно, несколько перебрали.

Возле стойки бара, в другом конце комнаты, устроенной в виде пещеры, с глухим стуком съехал со стула математик, специализирующийся по проблемам гравитации.

— И все же ты здесь, — съязвила Ухура.

— Разумеется, — ответил Спок, — где же еще я смогу иметь такую редкую возможность посмотреть на чудеса человеческой природы?

Ухура рассмеялась, и в ее темных глазах сверкнули теплые искорки.

Спок слегка откинулся на стуле, и его силуэт четко обрисовался на фоне красного света, лившегося из большого зала. Он был высок, строен, и когда незаметно наблюдал за причудами людей, слегка напоминал хищного зверька, отслеживающего добычу. Спок здорово умел скрывать свои эмоции.

Кирк уже сотни раз бывал свидетелем такого поведения Спока в часы отдыха. Во время бесчисленных вечеров в гостиной на «Энтерпрайзе», когда Ухура играла на арфе, а мичман Рейли напевал ирландские баллады, Спок всегда оставался сторонним наблюдателем. Обитатель Вулкана, обладающий холодным расчетливым умом, оказался в обществе существ, подверженных различным случайным эмоциям.

Но Спок спасал жизнь Кирка, помогал ему сохранить душевное и психическое здоровье так часто, что Кирк даже не смог бы сказать, сколько именно раз Спок выручил его, ставя себя самого под удар в таких ситуациях, где логика не помогала и не было никакой надежды на спасение, а сам Кирк ни за что бы не выкарабкался. И все это благодаря тому, что по словам самого Спока, вулканцы никогда не поддаются никаким эмоциям.

Мимо прошествовала парочка хокасов, пышно разодетых для одной из своих бесконечных игр. В отдалении возле стойки послышался шум голосов: какой-то контрабандист в грязной одежде затеял спор из-за девчонки с двумя пилотами в коричневых мундирах из захудалой военно-воздушной компании.

Маккой, изрядно надравшийся качественным виски, поднял стакан и произнес:

— Спок, ты должен признать, что твоя логика не допускает ничего подобного.

— Это очень утешает меня, — отвечал житель Вулкана, — временами, доктор, я чувствую себя так, как будто меня одурманила целая команда хокасов, но, что касается хокасов, как только поймешь их систему постоянной игры, следующий ход легко можно предугадать.

Кирк фыркнул и прикрылся бокалом с еще одной порцией «Альдебарана», чтобы спрятать лицо — он с трудом сдерживал смех, глядя на разозлившегося Маккоя. Сравнение с этим причудливым племенем, напоминающим плюшевых медведей, вряд ли могло кому-нибудь показаться лестным. У стойки бара он заметил девицу, равнодушно вззирающую на

ссору пилотов и контрабандиста, которая дошла уже почти до рукоприкладства. Осушив свой бокал, она удалилась в сопровождении какого-то блондина в эксцентричном наряде космических бродяг — между тем, спору еще не видно было конца.

Вспоминая подробности того вечера, Кирк подумал, что о транспортном корабле клингона, перевозящем руду, вообще никто не упоминал.

Его внимание привлекло название судна, указанное в декларации, и Кирк подумал, что команда транспорта может стать источником конфликтов. И все же тогда должного интереса он не проявил. Несмотря на внушительные размеры транспортных кораблей, экипажи их обычно не слишком велики, чтобы могла случиться какая-нибудь крупная неприятность даже в том случае, если вся команда покинет судно. Но команда этого корабля так и не вышла за его пределы.

Может быть, именно это насторожило Спока, наделенного чутьем Шерлока Холмса. Тут что-то было не так.

На следующее утро, когда Спок связался с Кирком, тот поджидал Марию Келлог.

— У этого транспортного корабля подозрительно высокие показатели мощности, — услышал Кирк серьезный, немного хриплый голос, раздавшийся из устройства связи. — Кроме того, зарегистрирован экипаж, численность которого вдвое больше обычной. Я хочу посмотреть, что там у них на борту.

— У тебя появились какие-то подозрения? — Кирк тревожно взглянул на хронометр, установленный в небольшой нише слева от двери.

Жилища, в которых останавливались прилетающие офицеры, как и большая часть старых помещений Двенадцатой Звездной Базы, представляли собой перестроенные старые тоннели, прорытые еще в те времена, когда давно исчезнувшая империя карсидов использовала этот планетоид как базу. Поэтому во всех помещениях возникало несколько неприятное ощущение ограниченного пространства, предназначенного не для человеческих параметров; в стенах были оборудованы ниши приблизительно на полметра выше или ниже того уровня, на котором им следовало бы находиться. Согласно показаниям хронометра, было ровно 10 часов. «Очевидно, Спок давно уже встал, подумал Кирк. — И скорее всего, накануне он засиделся допоздна, изучая информацию о различных кораблях, находящихся на базе. Кроме того, необходимо было установить, какие правительства посылали группы ученых для изучения последних изменений Эриданова Облака. Конечно, в списках он находил фамилии ученых, с которыми был лично знаком. Видимо Спок что-то обнаружил, но что?»

— Капитан, — резко сказал Спок, — у жителей Вулкана не бывает просто «подозрений». Вероятность того, что происходит неладное, достаточно высока, есть и определенное предчувствие. В декларации указано, что это обычное транспортное средство, перевозящее руду. Клингоны могут использовать его с целью научных наблюдений за Эридановым Облаком, но для чего бы им это могло понадобиться, если на базе и так уже легально работают две группы их ученых?

Кирк задумался, и мысли его неожиданно заработали в другом направлении.

— Курсирующий военный корабль клингонов «Рапач» должен улететь через восемь часов, — заметил он. — Расчетное время отправления 18.00. Никого из команды здесь не остается.

— И корабль, транспортирующий руду, улетает тоже в 18,00, — задумчиво произнес Спок, — забавно.

Что касается Кирка, то ему это показалось не столько забавным, сколько подозрительным и тревожащим. Спок же, по всей видимости, был искренне увлечен своим расследованием, хотя и побаивался возможных последствий. Кирк уже обдумывал причины и прикидывал различные варианты действий. Двенадцатая Звездная База находилась в открытом космосе и даже командование базы не имело права инспектировать правильно зарегистрировавшийся корабль. Больше того, на каком основании мог бы он требовать проведения такой инспекции? На основании того, что интуиция предупреждает его и Спока

об опасности? И даже если бы можно было бы организовать расследование, кто на базе кроме Спока обладал такими глубокими научными знаниями, чтобы разобраться с компьютерной системой клингонов и их военной техникой?

Все эти мысли промелькнули в его мозгу за несколько секунд. Потом он сказал:

— Ты сможешь попасть на борт этого корабля?

— Разумеется, капитан. Я уже сделал необходимые приготовления для того, чтобы попасть туда в качестве члена технической бригады. Наша деятельность будет ограничена очень небольшим участком судка, но я надеюсь получить доступ к базе данных компьютера.

После долгой паузы Кирк спокойно сказал:

— Мистер Спок, вы знаете, как это называется.

— Поскольку на мне будет форма техника звездной базы, я думаю, что будет правильно назвать это «шпионажем», капитан.

Кирк молчал, быстро взвешивая в уме все возможные варианты и тут же отбрасывая их. Он достаточно хорошо знаком с чужой военной техникой, чтобы понимать всю опасность решительного прорыва в этой области, ведь густонаселенное сердце Федерации находится не так уж далеко. И все же трудно представить себе, что произойдет, если Спока схватят. И отвечать придется не только ему самому, но и тому, кто его послал. Клингоны держат в секрете то, что у них находится на корабле, и неизвестно, на что они способны ради сохранения тайны.

— Мы не сможем выяснить, что они затеяли, пока не узнаем, что они скрывают, — подумал Кирк.

— Мистер Спок, — колебался Кирк, понимая, что риск, на который шел человек, решившийся проникнуть на корабль, ничтожно мал по сравнению с опасностью, которая могла возникнуть, если бы они оставили корабль в покое, но от этой мысли было не легче.

«Если что-нибудь случится, — подумал он, — если Спок не сумеет выйти оттуда, если его поймут в таком месте, где он не имеет права находиться, даже если клингоны только заподозрят, что у него есть другие намерения, кроме технической проверки, то Кирк абсолютно ничем не сможет ему помочь».

— Будь осторожен, — сказал он наконец.

— Шпионаж — это не такое уж простое дело, чтобы им можно было заниматься небрежно, капитан. — ответил Спок, немного подумав. — Я свяжусь с вами в 14.00. Конец связи.

* * *

Внезапно до Кирка дошло, что он смотрит как загипнотизированный на экран своего отсека и на сверкающие на его темном фоне огни, повисшие в центре. Он устало вытер глаза и повернулся к Маккой, который все еще стоял сзади, прислонившись плечом к перегородке, отделяющей зону вокруг пульта от остальной части помещения. Ироничное лицо врача казалось очень усталым при тусклом свете экрана. Кирк спокойно сказал:

— До сих пор я так и не придумал, что можно было еще сделать в той ситуации.

— Ничего, — ответил Маккой.

— Ничего, — горько повторил Кирк, — и если бы я тогда не отпустил Спока, ситуация с этим кораблем вряд ли бы изменилась. Зато Спок был бы сейчас с нами.

Он повернулся к расположенному в углу конвейерному устройству доставки пищи и нажал кнопку «кофе». Она не всегда срабатывала, и порой то, что ему доставляло устройство, больше напоминало жидкость для охлаждения реактора, чем кофе, но сейчас Кирк был не в настроении идти в гостиную или на кухню за чем-то более съедобным.

— Боунз, хочешь кофе? Уже почти пять часов, так что ложиться спать уже нет смысла.

Когда конвейер жутко заскрежетал и произвел на свет чашку с какой-то горячей черной жидкостью, Маккой кисло улыбнулся.

— Не забывай о том, что ты вполне можешь вызвать кого-нибудь из резерва, пока мы

доберемся до базы, — напомнил Маккой.

— Передать управление другим, пока я сам нахожусь здесь, и снова смотреть в потолок? — Кирк отвернулся, не сделав из чашки ни, одного глотка и побрел вдоль своего тесного отсека.

— Боунз, скоро я приду в норму, — добавил он более миролюбиво, — не волнуйся.

Маккой напряжено следил за ним, стоя возле пульта. Наконец он произнес:

— Передавал ли Спок какие-нибудь данные? Кирк остановился, повернувшись спиной к двери. Он глубоко вздохнул, и от опытного взгляда Маккоя не ускользнуло то, как неожиданно расслабились напряженные мускулы капитана, обтянутые золотистой тканью одежды. Обычно моложавое лицо Кирка выглядело изможденным.

— Знаешь, Боунз, если бы не эти сообщения, могло бы показаться, что того корабля вообще никогда не было.

Маккой подал ему чашку с кофе.

— Давай, — сказал он, — выпей-ка это, если не собираешься ложиться.

Тебе нужно взбодриться. Я снова зайду через несколько часов и принесу витаминов к завтраку.

Кирк резко вздохнул, издав звук, отдаленно напоминающий усмешку, затем отхлебнул немного темного месива.

— За это время мне нужно решить, что следует сообщить командованию базы, — сказал он, затем, видя, что доктор собирается уходить, добавил: Спасибо, Боунз.

Маккой остановился в дверном проеме, молча изучая его. Он уже сказал все, что мог сказать своим появлением в отсеке капитана в такой час, когда согласно его собственному совету он тоже должен был спать. Поэтому он повернулся и вышел, а Кирк все ходил и ходил, пока не опустился на край койки, ломая голову над сообщениями, которые передал Спок с корабля клингонов.

Как раз тогда на него наконец подействовал филозин — Маккой ухитрился растворить половину капсулы в кофе, когда Кирк отвернулся, — и он, почти не заметив этого, погрузился в тяжелый сон, сопровождаемый мучительными видениями.

* * *

Первое сообщение Спока пришло в то время, когда на борт «Энтерпрайза» поднимались последние члены команды. Кирк рано вернулся в помещение, где останавливались прибывшие на базу служащие, и метался по странным комнатам словно тигр в клетке. Назначенное время связи прошло, прошел еще один час.

Беспокойство не покидало его. Он давно уже вывел на экран своего компьютера изображение транспортного корабля: это был мрачный черный гигант, целая движущаяся гора. Сзади него на небольшом расстоянии Кирк видел военный крейсер «Рапач», прибывший на базу необычайно рано и теперь находившийся на орбите. Он висел в ночном небе словно хищная птица.

Спока все еще не было.

В 15.40 Кирк снова запросил командование базы и узнал, что корабль, перевозящий руду, только что покинул орбиту и полетел по направлению к Эриданову Облаку. В 17.30 Кирк начал отзывать людей с базы, приказав персоналу возвращаться на «Энтерпрайз». Внимательно осмотрев всю станцию в последний раз, он вернулся на корабль и занял свое место на командном посту. Готовя корабль к взлету и взвешивая в уме возможные варианты развития событий, Кирк следил за мерцающими очертаниями Рапача, все еще находящегося на орбите.

«Рапач» — мощный корабль, специально предназначенный для военных действий. Если он заранее приготовился вести сражение на определенном участке, «Энтерпрайз» может здорово пострадать. Но он сам виноват в том, что послал Спока на то транспортное судно, поставив и себя, и Федерацию в неудобное положение. Конечно, сейчас клингоны еще

не знают об этом. но если что-то обнаружится... Кто знает, как высоко они оценят свои секреты.

Ему совсем не хотелось думать о том, что они могут обнаружить Спока.

— Мистер Зулу, — спокойно сказал Кирк, — держите курс на Альфу Эридана III.

— Да, сэр.

Рулевой отозвался равнодушным голосом, но Кирк заметил, как сверкнули его черные глаза. Среди членов команды повисло такое напряжение, что его, наверное, можно было измерить вольтметром. Инстинкт, или, как сказал бы Спок, подсознание, говорило им, что внезапное изменение курса, скорее всего, не вызвано командой сверху, за этим явно что-то скрывается.

Сидя на подлокотнике кресла, Кирк изучал обширный массив данных, поступавших на маленький экран. Курс на Альфу Эридана III проляжет параллельно курсу транспортного судна по краям разрушительного поля облака, и корабль Федерации имеет законное право проходить там. Клингоны могут что-то заподозрить, но вряд ли смогут доказать, что «Энтерпрайз» по каким-то причинам преследует их корабль. Если транспортное судно изменит курс, Кирк об этом узнает и войдет глубже в облако. Тогда он сможет либо прекратить преследование, либо поиграть в прятки с каким-то неизвестным оружием в этом запутанном лабиринте смещающихся точек космической навигации, и очень может быть, что сзади окажется «Рапач». Но всеми этими действиями они нисколько не помогут Споку.

Внезапно раздался треск, вызванный помехами, и устройство связи «Энтерпрайза» ожило. Несмотря на искажения, он сразу узнал голос Спока.

Сообщение было предельно кратким:

— Белый карлик, Клару, фактор Тиллимана, Гардиан.

Снова треск и тишина. Вся передача информации заняла не больше двух секунд.

— Что, — начал было Кирк, но Ухура сказала:

— Эта передача пришла из подпространства, со стороны Эриданова Облака, капитан, — крылья ее темных бровей слились почти воедино, — но это не...

— Да, лейтенант, это был Спок. Он на борту транспортного судна клингонов. У него с собой только ручное устройство связи.

— Он мог передать это сообщение по их системе связи через центральный компьютер, — задумчиво сказала офицер связи, — только вот на транспортных кораблях не бывает такого сложного оборудования.

— Да, — мрачно сказал Кирк, — обычно не бывает. Лента у вас есть?

Она нажала клавишу и встала со своего места, чтобы передать ему крошечную катушку.

— Иеман Данли, передайте это шустрым ученым парням, любимцам Спока.

Пусть они прокрутят ее вперед-назад и даже вверх-вниз, если потребуется.

Нужно выяснить, что все это значит, а потом пусть вернут ее мне. Лейтенант Ухура, оставило ли это сообщение след, ведущий на «Энтерпрайз»?

— Нет, сэр. Оно было передано в широкополосном частотном диапазоне и могло предназначаться любому человеку на базе.

— Смогут ли установить, в какой части корабля находится Спок?

Ухура на минуту задумалась, ее длинные пальцы спокойно лежали на пульте оператора. Затем она ответила:

— Не думаю, капитан. Спок мог включиться в компьютерную сеть в любой точке корабля. Но теперь клингонам стало известно, что он находится на корабле, и они будут начеку. Если Спок еще раз попытается передать информацию, его местонахождение будет зафиксировано.

Это стало началом сплошного кошмара. Когда изображение Двенадцатой Звездной Базы стало совсем маленьким и ушло на задний план экрана, Кирк заметил, что «Рапач» сошел с орбиты позади них и начал преследование в самых дальних пределах их устройства ввода изображения, расположившись между «Энтерпрайзом» и сторожевыми постами

Федерации. Кирк не покидал командный пост три вахты подряд, вынуждая Маккоя давать ему стимулирующие средства, бесконечно проверяя и перепроверяя местонахождение транспортного корабля, когда его изображение мелькало в различных участках поля ионного облака. Вахтенные офицеры двигались совершенно бесшумно, четко выполняя свои обязанности, но Кирк кожей чувствовал, как натянуты нервы этих людей.

«Энтерпрайз» неуклонно двигался к Альфе Эридана Шик неизвестности...

Кирк понимал, понимали это и все остальные: рано или поздно Спок будет схвачен. Бригада ученых сообщила, что, насколько они могут судить, данные, переданные Споком, совершенно непонятны. Кирк подозревал, что Спок, скрывающийся где-то в лабиринте воздухопроводных труб и всевозможных хранилищ гигантского корабля, знает об этом. Ему придется разъяснить все, устроив еще одну передачу данных.

И что тогда?

Хотелось бы знать, насколько важно для клингонов то оружие, которое, вероятно, находится на корабле. Готовы ли они пойти на риск нарушения Органийского Мирного Договора, попытавшись помешать «Энтерпрайзу» сообщить обо всем на базу?

Настолько ли они сильны, что смогут без опасности для себя нарушить договор? Эти мысли очень тревожили Кирка. Возможно, они считают, что смогут оправдать свои действия на том основании, что «Энтерпрайз» сам заварил эту кашу, послав шпиона на транспортное судно.

Если Спок снова начнет передачу информации, его поймают. А если Спока поймают, клингоны воспользуются устройством считывания и анализа человеческой памяти и очень скоро выяснят, кто его послал.

Последняя передача Спока пришла только что. Она была отправлена в широкополосном диапазоне и могла быть предназначена для любого человека на Двенадцатой Звездной Базе. И снова очень короткая всего несколько слов и цифр. Спок передал три числа и вышел из системы связи. Больше от него ничего не поступало.

Прошел час. Два часа. Кирк тупо смотрел на темную блестящую поверхность экрана, на который выводится полученная информация. По экрану бегали цветные точки: светящиеся зеленые обозначали массу «Энтерпрайза» сине-зеленые крапинки меньшего размера в дальнем углу показывали «Рапач», а квадратные желтые очертания, меняющие цвет и форму из-за помех, вызванных облаком, относились к транспортному кораблю.

«Но почему облако? — думал Кирк. — Или клингоны ожидали, что их станут преследовать и решили спрятаться в нем? А, может быть, причина в другом? И действительно ли у них на борту оружие, а не что-то другое?»

В темном углу информационного экрана начали двигаться сине-зеленые точки.

В ту же минуту Зулу доложил:

— Боевой крейсер клингонов максимально увеличивает дополнительное освещение, капитан. Он быстро приближается.

Кирк нажал на кнопку на ручке кресла, предназначенную для связи с военными станциями. Он нажал желтый сигнал боевой готовности.

Вспыхнули огни. Кирк сознавал, что атмосфера на командном посту накаляется все больше и больше. Кончиками пальцев, лежащих на подлокотниках кресла, ступнями ног он ощущал, как предельно внимательно люди готовят корабль к сражению. К сражению, которое неизвестно чем закончится: может поражением, а может быть и чем-нибудь похуже.

— Клингоны сбавляют скорость, но все же медленно приближаются, сообщил Зулу. — Крейсер поднял защитные экраны.

— Поднять защиту! — приказал Кирк. — Лейтенант Ухура, попытайтесь связаться с командованием клингонов, как только это станет возможным.

— Капитан, — обратился Чехов, поглядев со своего поста в сторону Зулу. — Транспортный корабль движется с непонятно большой скоростью.

Думаю, что они уже дошли до пятой и продолжают ее увеличивать.

— Следуйте за ними, — резко сказал Кирк, — Чехов, не теряй их из виду ни в коем

случае. Мистер Зулу, держите курс на Альфу Эридана III. Мистер Чехов, сообщите мне, если они изменяют скорость или направление полета.

— Капитан, клингоны меняют скорость. Похоже, что они летят уже на седьмой, но ведь транспортные средства, перевозящие руду, не могут развивать такую скорость. И показатели меняются...

Кирк спустился вниз и остановился за спиной у штурмана. Пока он шел, вокруг зловеще мигали огни сигналов тревоги. Транспортный корабль не только увеличивал скорость, но и, что было невероятно, по-видимому, терял свою абсолютную массу.

— Повторите этот расчет, — велел Кирк и взглянул на задние экраны, на которых теперь появились угловатые очертания «Рапача», растущие на темном фоне.

Наверху Ухура, безмятежная словно бронзовый идол, спокойно готовила к бою пусковой агрегат, изучая показатели всех функций корабля, она делала то, что всегда полагается делать перед сражением. Кирк машинально перевел взгляд на операторский пульт ученых и вздрогнул от неожиданности, когда увидел незнакомое лицо.

— Капитан!

Кирк быстро обернулся к информационному экрану. Транспортный корабль исчез.

— Расширьте поиск. Перекалибруйте все, если потребуется.

Русский быстро и уверенно, с ловкостью пианиста, пробежался пальцами по клавишам пульта.

— Ничего, капитан. Нет никаких обломков, никаких останков живых существ, никаких следов антивещества, нет и транспортного корабля.

По маленькому экрану словно кроваво-красный рассвет плясали прерывистые сигналы тревоги.

Чехов ощупывал с помощью чувствительных лучей сенсора облако во всевозможных направлениях. Но нигде ничего не удавалось обнаружить никаких следов транспортного корабля, как будто его и вовсе никогда не существовало. Он просто исчез в тончайших слоях мироздания.

— Маскировочное устройство? — Кирк взглянул на женщину, заменившую Спока за пультом ученых.

Она покачала головой.

— Об этом трудно судить, сэр. Теоретически даже корабль с маскировочным устройством оставил бы след антивещества. Кроме того, на маскировку ушло бы столько мощности, что они не смогли бы даже перейти за порог скорости света, не говоря уже о седьмой скорости. Но в данном случае, учитывая эффект искажений из-за этой штуки, — она махнула довольно-таки изношенным концом щупа в сторону облака, — могло произойти все, что угодно.

Кирк некоторое время постоял молча, глядя на экран через плечо Чехова. Изображение внутренней части облака искажалось все больше и больше по мере того, как они приближались к внешним краям области притяжения карликовой звезды.

— Мистер Зулу, — спокойно произнес капитан, — держите курс на Альфу Эридана III, скорость прежняя.

«Энтерпрайз» находился в состоянии боевой тревоги все время, пока летел к Альфе Эридана III. «Рапач» следовал за ним до самых границ звездной системы, ни разу не подойдя так близко, чтобы его можно было атаковать, а затем развернулся и полетел в направлении далекой Империи Клингонов, явно отвлекая внимание на себя.

А после этого... ничего.

Никаких признаков транспортного корабля, хотя «Энтерпрайз» входил во внешнюю границу облака в нескольких местах на обратном пути к Двенадцатой Звездной Базе и тщательно регистрировал всю поступающую информацию.

Никаких намеков на то, что находилось на борту. Вместе со Споком и кораблем исчезли все ключи к разгадке тайны его груза.

«Наверное, его уже нет в живых», — подумал Кирк, чувствуя себя совершенно

разбитым после тяжелого сна. Он взглянул на хронометр. Было начало двенадцатого. Без сомнения, Маккой не только что-то подмешал в его чашку, но и заранее договорился о том, чтобы его заменили на командном посту.

«Если Спок мертв, то его смерть не была легкой», — подумал Кирк.

Как это было похоже на Спока: упрямо следуя логике своего ума, принять столь горькое решение и умереть совсем одному.

По своему обыкновению он покинул их даже не попрощавшись.

И как было похоже на Спока то, что его последними словами, обращенными к ним, были цифры — непонятный ключ к неразгаданной тайне.

Однако Спок считал, что за ответ на эту загадку стоило заплатить жизнью. А клингоны так дорожили своим секретом, что пошли на риск вызвать гнев органиан.

Между тем то, что находилось на транспортном корабле, оставалось где-то в глубинах галактики.

Кирк. неловко поднялся с койки в начал готовиться к посадке.

Глава 2

Тусклым туманным утром по глинистой дороге проскакал всадник.

Эрон Стемпл, возвращавшийся из поселка Олимпия в Сиэтл, ехал, погруженный в свои размышления, почти не замечая бледной красоты туманного утра. Он ощущал острый пьянящий запах сосен, выстроившихся вдоль всего пути словно тихие стражи. Вязкая глина, почерневшая от сырости, приглушала стук копыт. Холод пробирал насквозь и чувствовалось, что вот-вот пойдет дождь. Для Стемпла все эти ощущения были лишь досадными помехами, мешавшими думать. Будучи человеком, лишенным воображения, он по давней привычке старался не замечать того, что не заслуживало внимания. У Стемпла — хозяина единственной лесопилки в этой глуши, на которой заготавливали лесоматериалы для быстро растущего Сиэтла, хватало проблем: нужно было обдумать, куда лучше вложить капитал — в землю или караблестроительную компанию в Сан-Франциско, чтобы потом не пришлось обвинять самого себя в нерешительности.

Так что, когда его лошадь неожиданно в страхе отпрянула, он был совсем не готов к этому. Резко ухватившись за поводья, Стемпл подумал: не померещился ли ему странный звук и вспышка света слева за деревьями. Он повернул лошадь, чувствуя, что ее мускулы напряглись и она готова понести, и мысленно выругал себя за невнимательность. Лошадь отступала назад, бешено натягивая поводья и только когда она успокоилась, Стемпл смог прислушаться и поразмыслить.

В лесу было тихо.

«Слишком тихо, — подумал Стемпл, услышав отдаленный шум воды в проливе. — Ведь всего минуту назад начали петь птицы».

Он осматривал лес, но не находил ответ на эту загадку. Как объяснить эту настороженную тишину? Ведь не из-за того же странного звука, который наверняка не послышался ему, и не из-за сверкнувшей вспышки, которая явно не померещилась ему, между деревьями стало так тихо?

Индейцы? Конечно же нет. Лошадь перестала дрожать. Стемпл попробовал немного отпустить поводья. Хотя лошадь немного потянула в сторону, она явно не собиралась убегать. Где-то далеко запел жаворонок.

В тумане очертания деревьев сливались с высоким ковром из папоротника, покрывавшим крутой холм по сторонам дороги.

Стемпл подумал, что, может быть, та вспышка света была просто отражением солнца от воды, ведь оно уже начало битву с туманом, и лошадь испугалась яркого отблеска.

Но вдруг это индейцы? Хотя какое племя рискнуло бы подойти так близко к поселку?

Бродяги? Стемплу стало не по себе на этой безлюдной дороге, ведь по его костюму из дорогого темного сукна и золотой цепочке часов сразу видно, что он человек обеспеченный.

Он щелкнул языком, подгоняя лошадь.

Где-то слева у подножия холма что-то прошуршало в кустах.

Лошадь вздрогнула, расширив ноздри, но на этот раз Стемпл был готов к любой неожиданности и резко натянул поводья. Когда лошадь остановилась, лес снова наполнился тревожной тишиной.

Там, внизу явно что-то происходило.

Как и все мужчины на территории штата Вашингтон, Стемпл никогда не ездил без оружия. До сих пор ему еще не приводилось расчехлять висящий рядом карабин, да и он совсем не был уверен, что сумеет с ним справиться.

Хотя Стемпл здорово прибавил в весе от сидячей работы, он продолжал считать себя в неплохой форме для сорокалетнего мужчины. Он был крепок и широк в плечах благодаря тому, что с пятнадцати лет тягал тяжелые тюки в доках Бостона. Однако Стемпл не любил встречаться с грубыми и бесцеремонными бродягами, потому что никогда не умел ладить с ними.

Но, может быть с кем-то случилось несчастье? Кто-нибудь, ехавший по дороге до него, попал в переделку? Стемпл тут же отбросил эту мысль. Он внимательно осмотрел папоротник, которым заросла вся гора. Растения нигде не были смяты. По всей видимости, тут давно никто не проезжал. Стемпл осторожно направил лошадь вниз по склону. Животное сделало несколько неуверенных шагов и заупрямилось, прижав уши и широко раскрыв побелевшие от страха глаза.

Стемпл вздохнул, испытывая смешанное чувство досады и любопытства.

«Что же, черт возьми, происходит? — думал он. — Если это все-таки засада, то у тех, кто ее подстроил, было достаточно времени».

Здравый смысл подсказывал ему, что не нужно останавливаться. Но в то же время Стемпл понимал, что если сейчас поедет дальше, то мысленно будет постоянно возвращаться сюда, ломая голову над этой загадкой.

Стемпл вылез из седла, привязал лошадь к молоденькому деревцу, растущему возле дороги, вытащил карабин и стал осторожно спускаться с поросшего папоротником холма. Его одежда намочила от росы и под ногами хлюпала грязь, однако ничего подозрительного у подножия холма не было.

Когда Стемпл обнаружил находку, он сразу решил, что это дело рук индейцев. Но затем... — О боже! — пронеслось в его мозгу. Стемпла охватила паника, и он даже подумал было, не пристрелить ли того, кто лежал без сознания среди листьев папоротника.

И все из-за того, что перед ним лежало совершенно необыкновенное существо. Непонятное, необыкновенное и явно неземное. Темно-зеленая жидкость, вытекавшая из раненого бедра и колена и сочившаяся из ссадин, напоминала человеческую кровь, но была гораздо гуще. Вокруг ожогов на лице и руках обнажился подкожный слой. Сама кожа, приобретшая восковой оттенок от истощения, тоже была зеленоватой, а исцарапанные, покрытые волдырями шрамы на костлявых запястьях производили ужасающее впечатление.

Стемпл никак не мог сообразить, что это за существо и как оно могло здесь очутиться. Нигде на Земле ничего подобного не существовало.

Стемпл осторожно опустился на колени рядом с этим непонятным созданием. Разглядев ужасное лицо, Стемпл понял, что перед ним разумное существо.

«Настоящий дьявол», — подумал Стемпл.

Лицо раненого свело судорогой от невыносимой боли. Темные брови находились гораздо выше, чем на лице человека, уши были какой-то невероятной формы и разного размера. Необыкновенно высоко расположенные скулы белели сквозь натянутую поврежденную кожу.

Внимание Стемпла привлекла странная темная ткань одежды. Ничего подобного он никогда не видел, хотя почти все свое детство провел за швейной машинкой: шил одежду для дешевых магазинчиков в трущобах Бостона.

Ткань пронизывали блестящие металлические нити.

«Это неземное существо, — подумал он. — На Земле нет ничего подобного. И он сильно пострадал. Может быть, умирает».

По опыту своего тяжелого детства Стемпл хорошо помнил, что означают эти запавшие глаза. Он дотронулся до рук и лица раненого и обнаружил, что они холодные и липкие от шока. Затем он нащупал вену на запястье и ощутил слабые редкие толчки.

Хорошо, что у него есть пульс. Значит в этом теле бьется сердце.

Стемпл наклонился и приподнял странное существо за плечи. Тело этого подобия человека весило совсем немного. И все же было нелегко тащить его по мокрым и скользким листьям папоротника вверх по склону холма. Лошадь отпрянула, ощутив непривычный запах пришельца, и Стемпл, чертыхаясь, снова положил свою находку на землю и перевязал рану носовым платком во избежание дальнейших неприятностей. Прошло не меньше четверти часа, пока Стемпл затаскивал громоздкое неуклюжее тело в седло, не обращая внимания на нервозность лошади, и привязывал его словно тушу подстреленного оленя.

Когда Стемпл покончил с этим занятием, вся его одежда оказалась пропитанной потом, грязью и темно-зеленой кровью.

Он уже решил, что будет делать дальше. Возвращаться в Сиэтл не стоило. Ведь и его первой мыслью было уничтожить это чудовище. Среди полуграмотных жителей города обязательно найдутся такие, у кого возникнет это же желание, а другие, хорошенько подумав, придут к такому же выводу.

Да и сам Стемпл далеко не был уверен в том, что так поступать не следует.

Ведь совершенно неизвестно, кто это и зачем он очутился здесь, возле дороги в Олимпию — тут может быть несметное число причин. Может быть, за его появлением последует целая цепь событий, которая может быть прервана сейчас, и только сейчас при помощи одного меткого выстрела.

И все же Стемпл знал, что он не из тех, кто смог бы сделать этот выстрел. Были времена, когда ему приходилось лишать крова вдов и сирот, однако всегда существовала черта, за которую он не мог перейти. Поэтому оставалось только везти его в домик на Игл Хед Пойнт. Дом принадлежал Стемплу. Фактически он прожил там две зимы до того, как переехал в собственный городской дом на Шестидесят Второй улице. Стемпл и сейчас иногда останавливался там, поскольку дом был всего в получасе ходьбы от города. Отсюда можно добраться к дому по окружной дороге. Никто не увидит его находку, если только он не столкнется с людьми братьев Болт, когда будет проезжать возле подножия горы Брайдл Вейл. «И когда я привезу его туда, — подумал Стемпл, вытирая липкий пот с бровей носовым платком, который был не чище его рукавов, — у меня будет достаточно времени, чтобы решить, что с ним делать дальше». Больше Стемпл не позволял себе задумываться ни о чем — он был человеком, хорошо знающим свои скромные возможности.

* * *

Шел дождь.

В Сиэтле вечно идет дождь. Лотти Хэтфилд, утомленная длинной дорогой из города, слушала, как серебристые капли стучат по листьям и стекают с сосновых иголок. Лотти подумала о том, что с тех пор, как она восемь лет назад приехала в этот, тогда еще только начинавший строиться, город, она видела так мало солнечных дней, что если сложить их вместе, то получится не больше года.

Конечно, это хорошо для деревьев и для ее торговли — Лотти продавала спиртное замерзшим промокшим мужчинам, которые целыми днями валили лес под дождем. К ночи в салуне соберется много народу. Но сначала нужно заняться кое-чем еще, если только старый скряга не будет возражать.

Она надеялась на то, что у старого Эрона нет никаких неприятностей. в сероватом свете гаснущего дня струи дождя барабанили по стволам деревьев, словно работала дробильная машина. Во все стороны разлетались брызги. Даже капюшон клеенчатого плаща не спасал:

светлая кудрявая челка Лотти промокла и с выбившихся локонов вода стекала на глаза. Устало пыхтя и отдуваясь, скрипя корсетом, Лотти тащилась в своих тяжелых от воды юбках, проклиная Эрона Стемпла за то, что он устроил свое убежище так далеко от города и за все, что только приходило ей в голову.

Целую неделю ее не покидало ощущение того, что происходит что-то неладное. Эрон никогда не имел склонности к отшельничеству. Его нельзя было назвать любителем повеселиться, но салун он посещал каждый вечер, чтобы обменяться сплетнями и узнать новости, которые привез капитан Клэнси из плавания. Один из парней, работавших у Стемпла на лесопилке, сказал вчера вечером, что «старик» вроде бы болен.

«Нет, он не болен», — подумала Лотти, увидев в окнах теплый желтый свет, манивший к себе из-за деревьев. Ведь вчера она видела, как Стемпл возвращался с лесопилки. Он шел раньше, чем обычно, и Лотти обратила внимание на его изможденный вид. Хотя Стемпл был скупым на слова и замкнутым человеком, она сразу поняла по его виду, что случилась какая-то неприятность. Лотти разливала выпивку уже двадцать пять лет и за это время многое повидала.

Стемпл открыл дверь, как только услышал стук, и на мгновение застыл на месте. Падающий из-за его спины луч света тронул золотистые края рукавов белой рубашки Стемпла.

— Лотти — удивленно вымолвил он. Может быть Стемпл думал, что никто не заметит, как странно он стал вести себя, а, возможно, просто считал, что никому нет дела до него.

— Эрон! — отозвалась она, стягивая с головы капюшон.

Немного поколебавшись, он шагнул в сторону, чтобы дать ей пройти в дом, затем взял плащ Лотти и повесил его в пристроенной к дому кухне.

— Что заставило тебя пойти в такую даль? «Эрой плохо выглядит», решила Лотти. На его мрачном лице застыло тревожное выражение, а между низко нависшими черными бровями появилась морщина, которой никогда прежде не было. Когда он провел Лотти в маленькую гостиную и повернулся, чтобы зажечь свет, она заметила большие темно-лиловые синяки на его запястьях, словно какие-то невероятно сильные пальцы пытались сломать его кости.

— Я переживала из-за тебя, — откровенно сказала Лотти. — Ты застрял тут словно медведь зимой в берлоге, и мы не виделись с тех пор, как ты вернулся из Олимшш. Мне показалось, что у тебя что-то случилось.

Эти простые слова настолько тронули Стемпла, что он даже лишился своего обычного сарказма.

— Я... благодарен тебе, Лотти. Но все в порядке. Время от времени у человека возникает желание побыть в одиночестве.

Она не поверила в эту явную ложь.

— Ты что, болен?

Стемпл покачал головой:

— Нет. Нет, у меня... личные проблемы.

При неярком свете лампы, отбрасывавшей огромные тени на стены и потолок, Лотти заметила, что до ее прихода Стемпл читал. «Нельзя сказать, что он читал что-то определенное», — подумала Лотти, обратив внимание на книги, разбросанные по всему письменному столу вперемешку со счетами и финансовыми отчетами по лесопилке. Книги были навалены по всему дому.

Стемпл явно что-то искал, просматривая каждую страницу этих томов.

— Я не хочу совать нос в твои дела, — тихо проговорила она, — но если я могу чем-нибудь помочь, если хоть кто-то из нас может что-то сделать, ты скажешь мне?

Стемпл колебался: ему не хотелось делиться своей тайной, и в то же время он крайне нуждался в помощи. Ему пришло в голову, что Лотти действительно могла бы быть полезной, поскольку она, без сомнения, навидалась всякого в своей трудной жизни: занималась незаконной акушерской деятельностью, оказывала первую помощь рыбакам и

лодочникам. Было время, когда Стемпл посматривал на Лотти сверху вниз, как на обычную хозяйку питейного заведения, но жизнь на границе заставила его изменить свои взгляды. Он знал, что у этой симпатичной умной женщины, способной выругать на чем свет стоит британского сержанта морской пехоты, доброе и нежное сердце. Его уже ничем невозможно испугать, а он отчаянно нуждается в мудром совете.

— Даже не знаю, сможешь ли ты чем-нибудь помочь, — проговорил Стемпл со вздохом, — и какая помощь мне вообще нужна. Иди сюда, Лотти.

Он взял ее за локоть и подвел к маленькой двери в крошечную спальню.

Там было почти темно — лампа едва горела. На кровати кто-то лежал под одеялами. Лицо спящего на фоне белых подушек и бинтов казалось каким-то грязно-серым. Забинтованные руки лежали поверх одеяла. Книг тут было еще больше. Тут же валялись разные предметы ухода за больным: обрезки бинтов, испачканные повязки, ножницы. Пахло больницей, травами и мазями. Лотти быстро подняла глаза на Эрона. Его лицо с крупными чертами осветил отблеск камина, горящего в другом конце комнаты.

— Кто это?

Эрон покачал головой:

— Я не знаю. Я нашел его в лесу, когда возвращался из Олимпии семь дней назад.

Лотти зашуршала тяжелыми юбками, сделав шаг в сторону кровати.

— Ни почему ты не...

Стемпл протянул руку к лампе.

— Вот почему.

Он увидел, как женщина затаила дыхание от ужаса.

Когда лампа ярко вспыхнула, Лотти разглядела черты лица этого существа и увидела, какого цвета была кровь, запачкавшая снятые повязки.

Женщина прошептала:

— Господи, нигде на земле...

— Да, Лотти, — спокойно» сказал Стемпл, — в этом-то и вся проблема.

Стемпл прислонился плечом к дверному косяку, сверкнув золотой цепочкой часов, затем огонь лампы потускнел, и его силуэт превратился в большую темную тень. Позади дождь барабанил по стеклу занавешенного окна.

Лотти неуверенно протянула руку, чтобы нащупать пульс лежащего, и тут же в страхе отдернула ее.

— Он был еще горячее, — сказал Стемпл, стоя у нее за спиной, — но температура ни разу не опускалась с тех пор, как прошел первоначальный шок. Похоже, сейчас он спокойно спит, так что, это его нормальная температура. Если его кровь не такая, как наша, то и все остальное должно отличаться, не правда ли? Ну, теперь ты сама видишь, почему я не мог послать за врачом даже если бы он жил не в Сан-Франциско, а ближе.

— Конечно, ты не мог.

Лотти приходилось видеть, как людей линчевали только за то, что их кожа была другого цвета, так что о другом цвете крови нечего и говорить.

— Он что-нибудь говорил?

— Нет, — Стемпл переминался с ноги на ногу. — Я просидел возле его постели уже семь ночей подряд. Иногда он бредил, что-то воображая, наверное, вспоминал, почему оказался здесь, — Эрон поднял свою руку со шрамами. — Он ужасно сильный. Не знаю, о чем он там мечтает, но мне не хотелось бы попасться ему в лапы. Эти раны на его лице и теле не случайны, Лотти, ему их нанесли умышленно. Странно, но во время своих сновидений он не произнес ни единого слова даже не издал ни одного звука.

Эрон подошел к кровати и опустил на колени возле Лотти. Затем он снова заговорил:

— Когда я нашел его в лесу, все листья папоротника вокруг того места были покрыты росой, росой, на которую не ступала ничья нога. А на его одежде не было ни единой капли, кроме того места, где он намочил ее, когда шевелился. Но нигде никаких следов, никакой колеи.

— Но откуда, откуда же он появился?

— Пока что меня волнует не это, Лотти, не откуда, а зачем он здесь.

Она быстро искоса взглянула на Эрона.

— Зачем?

— Да, с какой целью он появился здесь, Лотти?

Эрон указал рукой на странно неподвижное костлявое лицо, обрамленное прямыми черными волосами.

— Кто он и откуда взялся, неизвестно, но на Земле он появился не случайно. Явно не случайно.

— На Земле? — повторила Лотта. — Ты думаешь, что он неземное существо?

Стемпл пожал плечами:

— Я не знаю, что и думать. Но я уверен в том, что люди уже побывали в самых отдаленных уголках планеты, и какие бы странные племена им ни встречались, это все-таки были разумные человеческие существа. И у всех у них, начиная с жителей жаркой Африки и Китая и кончая саамами, кровь красного цвета. Земля — такая же планета, как Марс или Венера. Разве не может быть, что те, другие миры, заселены точно так же, как и Земля?

Лотти хранила молчание, разглядывая лицо лежащего, впервые подумав о нем как о разумном существе, а не о странном чудовище. Пожалуй, можно было сказать, что незнакомец находился во цвете лет: высокого роста, худощавый и темнолицый. Эти гибкие чувствительные пальцы явно не занимались никаким тяжелым ручным трудом. И ему наверняка никогда не приходилось получать по носу. «Он не умеет драться», — подумала Лотти. Она снова повернулась к Эрону, поскольку в ее голове звучал один и тот же вопрос.

— Да, вполне может быть, — медленно произнесла она. — Но как же он смог сюда попасть? Что ему здесь могло понадобиться?

— Это нужно попытаться выяснить, когда он проснется. Меня мучает один вопрос: как насчет других? Других, таких же, как и он: здоровых, не раненых, разгуливающих среди нас. Его волосы такой длины, что если бы он зачесал их вперед, прикрыв кончики своих ушей, то никто ничего не заметил бы. Сколько же их уже бродит среди нас, выдавая себя за людей?

Женщину охватила дрожь, хотя в комнате было тепло.

Стемпл вскочил на ноги и тихо подкрался к окну. За залитым дождем стеклом была кромешная тьма.

— Я даже не знаю, правильно ли я поступаю, спасая его. Если он прилетел оттуда — с Марса или Венеры, — то это представитель совсем другого мира, поскольку в книгах пишут, что каждая звезда — это солнце.

Тогда попасть сюда ему, конечно, было нелегко. И без веской причины никто не стал бы отправляться в такое путешествие, Лотти. То, что раны ему нанесли умышленно, кое-что говорит нам о тех, кто это сделал. Что, если они прибыли сюда с дурными намерениями по отношению к нам, по отношению к нашей планете?

Эрой снова повернулся спиной к Лотти.

— Я даже не знаю, человеческое это существо или нет, и кого вообще можно назвать человеческим существом.

Лотти облокотилась об одеяло на краю кровати рядом с неподвижным телом пришельца. «Семь ночей подряд, — подумала она. — Эрон просидел семь ночей возле этого измученного немого существа совсем один, и с такими же мыслями в голове».

— Что значит человеческое существо, Эрон?

— Я хочу, чтобы ты сама ответила мне на этот вопрос. Мне приходилось встречать здоровых и богатых джентльменов, которые обращались со своими рабами так, как будто это вовсе не люди. Я хотел узнать, — он махнул в сторону кучи книг, наваленных в кресле в на маленьком столике, — чем отличается человек от зверя. С виду он похож на нас с тобой, Лотти, но внутри у него может оказаться такая же душа, как у леопарда.

Эрон снова подошел к женщине и протянул ей руку, чтобы помочь подняться. Корсет из китового уса заскрипел, едва Лотти пошевелилась. Она остановилась у двери гостиной, и

Лотти оглянулась на неподвижное лицо спящего. В ее сердце боролись два чувства жалость к несчастному страдальцу и страх перед неизвестным и непонятным.

— И все же ты спас ему жизнь, Эрон. — Да, это так, — с долей сарказма согласился Эрон, — если это не человек, то, может быть, из благодарности он не станет нам вредить.

Эрон снял фонарь со стены в гостиной и зажег его, вытащив щепку из камина. Освещая себе путь, Лотти скрылась в ночной тьме.

* * *

Как Лотти и предполагала, к ее приходу заведение было уже заполнено посетителями. Китайский паренек Ву Син, работавший у нее, склонился в почтительном поклоне, едва Лотти вошла, и принял тяжелый плащ. К шершавой стойке бара уже прислонилось с полдюжины животов лесорубов, а вокруг большего из столов, находящихся в зале, сгрудилась кучка рабочих с лесопилки. Они играли в кости с человеком по имени Джошуа Болт, очищавший их карманы с ловкостью профессионала. Джейсон, старший из троих братьев Болт, совместно владевший горой Брайдл Вейл, стоял у стойки бара. Он держал в руке стакан с виски и слушал рассуждения капитана Клэнси, только что вернувшегося из Сан-Франциско, о том, можно ли построить железную дорогу из Индепенденса, штат Миссури, до Калифорнии, чтобы покончить с перевозкой грузов на телегах и в фургонах.

— Клэнси, из этого ничего не выйдет, — крикнул кто-то, — индейцы поубивают всех рабочих.

— Послушай меня, парень! Армия Соединенных Штатов скоро разделается с этими бунтовщиками, можешь не сомневаться.

— Но никто не сможет проложить железную дорогу через Скалистые Горы.

Тут же устроили импровизированную модель железной дороги из пустых стаканов и прутьев, чтобы показать присутствующим, как она будет работать.

Все помещение было наполнено дымом и теплым оранжевым светом керосиновой лампы. Пахло виски, мокрой шерстью и мужским потом.

Лотти устало улыбнулась. Это ее дом.

— Эй, Лотти, моя малышка.

Клэнси попытался схватить ее, но Лотти увернулась и проскользнула за стойку бара так ловко, как будто была шестнадцатилетней девчонкой.

— Как поживает королева здешних мест?

— Промокла как крыса, упавшая в лужу, — ответила она, подмигнув. — А как вел себя пролив?

— Он был суров как дорога в рай и холоден как сердце оранжиста сказал Клэнси, но в его пьяном голосе чувствовалась любовь к морю и ветреной дождевой погоде.

Коренастый, краснолицый Рональд Фрэнсис Клэнси, отрастивший себе пышные рыжие бакенбарды, провел большую часть жизни, в море и, хотя никогда и никому не признался бы в том, что влюблен в эту необузданную стихию, был уверен, что будет прочно связан с морем на протяжении всех отпущенных ему Богом лет.

— А как идут дела у вас?

— Лучше не бывает, — весело ответила Лотти, улыбаясь и стараясь забыть о том взволновавшем ее призраке, который лежал без сознания в домике на Игл Хед Пойнт, — мисс Прайт говорила мне, что девчонки из Нью-Бедфорда уже готовятся к новогодним празднованиям и собираются отметить первую годовщину своего прибытия в этот город.

— Да, верно, — с улыбкой согласился капитан. — Мы причалили как раз первого января, проделав долгий путь вокруг мыса Горн.

Он подмигнул Джейсону Болту.

— И в этот день заканчивается срок, на который ты заключил пари с мистером Стемплом, не так ли?

Болт пожал плечами, как будто он только сейчас об этом вспомнил.

Клэнси слегка подтолкнул его в бок.

— Ты надеешься выиграть?

Джейсон широко улыбнулся:

— Никаких проблем. Я не сомневаюсь, впрочем, вероятно, как и ты, что всем девушкам сделают предложения еще до первого января. Эрон Стемпл мог меня шантажировать с этой горой, но половина девушек уже вышла замуж, а многим из остальных сделаны предложения. Так что, я выиграю пари.

— А как насчет мисс Биди Клум? — с хитрой улыбкой спросил Клэнси.

— Клэнси, — начал Джейсон, — если до первого января мисс Клум не найдет себе мужа, то я сам женюсь на ней.

— Ты храбрец! — со смехом сказал один из рабочих лесопилки, но Лотти, раздраженная бесцеремонным обсуждением девушки, так гневно стрельнула глазами, что тот сразу же умолк.

— Что касается дам, приехавших из Нью-Бедфорда, — сказал кто-то другой, — Том Нейсмит говорил мне, что его жена собирается произвести на свет твоего первого крестного сына.

Джейсон просиял. Ведь это он организовал приезд девушек из Новой Англии, чтобы женить поселенцев в Сиэтле, и теперь переживал за них как родной отец. Джейсон держал пари, что все девушки выйдут замуж или, по крайней мере, им будут сделаны предложения еще до января. Он принимал горячее участие в судьбе каждой из тех, что уже вышли замуж, побывав посаженным отцом на всех свадьбах и сыграв свою роль с таким достоинством, как будто новобрачные действительно были его дочерьми. Подумав об этом, Лотти улыбнулась. Рослый, сильный и красивый Джейсон был везде желанным гостем, а когда он изображал отца невесты, было на что посмотреть.

Кто-то громко хлопнул входной дверью, и Лотти оглянулась. Женщину словно током ударило. В ее мозгу снова зазвучал голос Эрона Стемпла:

— Сколько их уже ходит среди нас, выдавая себя за людей?

Выдавая себя за людей. А как насчет этих двоих?

Они ничем особенным не отличались от всех остальных присутствующих, не то что странное существо в домике Стемпла. Вроде бы обычные приезжие: смуглые, бородатые и темноволосые. Только брови у этих двоих растут какими-то странными пучками, — подумала Лотти, — но, возможно, это все вора ее воображения. Она поймала себя на том, что незаметно разглядывает то, как густые черные волосы зачесаны на уши. Но не внешность посетителей напугала Лотти.

Даже на таком большом расстоянии и при колеблющемся свете керосиновой лампы, в дыму, окутавшем все помещение, она сразу почувствовала, что они чужаки, чуждые ей существа, пришедшие с недобрыми намерениями.

Один из них остановился в углу возле стола, изучая присутствующих с таким выражением лица, какое Лотти видела в последний раз у людей, покупавших негров на рынке рабов перед войной. Другой подошел к бару и заказал виски, заплатив серебром. Переведя взгляд на него, Лотти не заметила ничего особенного, кроме неприятного выражения лица. Но когда он повернулся и пошел к своему товарищу, женщина содрогнулась.

— С тобой все в порядке, Лотти? — она испуганно повернулась при звуке голоса Джейсона.

— Да, все отлично, просто здесь немного жарко. Джейсон нахмурился, внимательно глядя на нее. Женщина глубоко вздохнула и похлопала его по руке.

— Просто немного понервничала, — продолжала она, стараясь выглядеть веселой. — может быть я простудилась. Тебе еще налить виски?

Болт кивнул, взял свой стакан и подошел к столику за которым расположились вновь прибывшие. Лотти стала наливать одному из рабочих лесопилки, чей недельный заработок только что перекочевал в карман Джошуа Болта, и почувствовала, что у нее дрожат пальцы.

«Он же ранен, — сказала женщина сама себе. — Он не опасен и не причинит вреда Эрону».

«Выдают себя за людей. Цепь событий, которую можно остановить сейчас.

Наверное, я просто заболеваю, — твердо сказала она сама себе. — Теперь мне, как Бидди Клум, повсюду будут мерещиться чудовища и грабители».

Повернувшись лицом к посетителям, она снова взглянула на тех двоих.

Они болтали с Джейсоном с высокомерным видом, как будто не сомневались в своем превосходстве над окружающими. Это было совсем не то высокомерие, которое называют снобизмом, а скорее, они мысленно проводили границу между теми, кто имеет право считать себя разумными существами и теми, кто этого не достоин.

— ... филантропия? — донесся до нее голос Джейсона, со смехом отвечающего на какой-то вопрос. — Чтобы быть филантропом, нужно иметь много свободного времени и быть цивилизованным человеком, а у нас здесь, уж поверьте мне, мистер, нет ни того, ни другого.

— Для этого нужно иметь деньги, — добавил тот из пришедших, кто был пониже ростом, ~ такую роскошь могут себе позволить только богатые.

— Да, в здешних местах ты не разбогатеешь, если будешь любить ближнего, — усмехаясь, отозвался Болт, — а самый богатый человек в поселке еще и самый скупой, с каменным сердцем.

Лотти показалось, что она увидела, как те двое переглянулись и слегка пожали плечами. Беседа перешла на другие темы — политика, реконструкция Юга, представительство в Конгрессе и скоро ли Вашингтон станет штатом.

Когда они ушли, Джейсон подошел, к бару с недопитым стаканом виски Джейсон за весь вечер выпивал не больше одного-двух стаканов — и некоторое время постоял, прислонившись к отполированному локтями краю стойки, глядя на закрывшуюся за незнакомцами дверь.

Лотти спросила как можно небрежнее:

— Они просто проезжают через наши места?

Джейсон взглянул на нее, уловив в голосе нотку беспокойства:

— Так они сказали.

— Но тебе так не кажется?

Он неуверенно пожал плечами:

— Мне показалось, что они кого-то ищут.

«Кажется, я знаю кого, — подумала Лотти. — Он был их спутником, может быть, шпионил за ними. Я должна предупредить Эрона, что существо, которое он приютил у себя, принесет беду.»

Потом кто-то открыл заднюю дверь питейного заведения и тяжело протопал по дощатому полу. Лотти услышала, как за дверью бушует ливень.

Вошел Джереми, самый младший из троих братьев Болт. Он так промок, словно только что искупался. Наверное, он прогуливался с мисс Кэнди Прайт.

— Вы выходили во двор? — спросил он, отбрасывая с лица длинные мокрые волосы. — Там так льет, будто на нас решил обрушиться целый океан.

Джейсон недовольно сморщился и что-то проворчал.

— Джош! Пора идти. Через час дорогу так размочит, что мы не сможем добраться до дому.

Джошуа сгреб свою добычу и снял плащи с крючков, прибитых у двери. За последние полчаса ушли все лесорубы и рабочие лесопилки. Наконец разошлись последние посетители, и капитан Клэнси принялся помогать Ву Сину гасить лампы.

Лотти немного постояла в дверях, глядя как братья бредут по грязной темной улице: две высокие фигуры Джошуа и Джейсона, а между ними маленький коренастый Джереми. Улица без тротуара была уже на несколько дюймов залита водой. Дорога на Игл Хед Пойнт наверняка стала непроходимой.

Следовательно, в ближайшее время она не сможет предупредить Эрона Стемпла об опасности.

Глава 3

В домике на Игл Хед Пойнт горел теплый свет лампы. Снаружи бушевала стихия, а внутри слышался лишь приглушенный шум дождевых капель. Эрон Стемпл сидел в кресле с бухгалтерской книгой и кучей финансовых отчетов, прислушиваясь к шуму дождя и завыванию ветра. Его не удивило, что Лотти сегодня не пришла. Еще днем небо было таким, будто вот-вот на море начнется шторм. Похоже, это надолго.

Он вздохнул и снова углубился в свои расчеты, шурша бумагами. Дела на лесопилке шли прекрасно, и пока идет строительство, все будет в порядке.

На хорошую прибыль можно рассчитывать в январе, когда истечет срок пари, заключенного им с Джейсоном Болтом, и гора Брайдл Вейл станет собственностью Стемпла.

Конечно, он понимает, что просто так Болт не сдастся. «Не беда, подумал Стемпл. — У меня на руках все необходимые бумаги с подписями свидетелей». Он был абсолютно уверен в том, что по крайней мере одной из девушек никто не сделает предложения до января. Стемпл не мог представить себе, что какой-нибудь мужчина захочет расстаться с холостяцкими привычками ради того, чтобы стать мужем Бидди Клум.

Собственно говоря, на Билли он и ставил. Она старше всех девушек, приехавших из Нью-Бедфорда, по крайней мере лет на пять, и у нее нет никаких шансов поймать кого-либо на крючок, потому что ни один мужчина не проявляет к ней ни малейшего интереса.

«Говоря по совести, не такая уж она плохая девчонка, — подумал Стемпл. — Конечно ее не назовешь красавицей, голос у нее визгливый, она грубовата, да и глупа, как курица. Но зато сердце у нее золотое».

Стемпл презрительно хмыкнул, подумав о том, как судьба подшутила над Джейсоном Болтом. «В конце концов, от отчаяния Болт может сам сделать предложение Бидди, — решил он. — Тогда гора мне не достанется, но как дорого Джейсон за это заплатит!»

Стемпл оторвал взгляд от своих книг, внезапно осознав, что за ним наблюдают.

Их глаза встретились. В темных глазах раненого, полузакрытых от слабости, явно ощущались признаки человеческого разума.

Стемпл вскочил на ноги и торопливо подошел к кровати.

— Ты среди друзей, — спокойно сказал он. Стемпл не был уверен в том, что смысл его слов будет понят, но звук голоса наверное мог успокоить раненого.

К удивлению Стемпла тот спросил:

— Как я тут очутился?

Этот вопрос крайне озадачил Стемпла. Он ожидал чего угодно, только не того, что это чудище заговорит по-английски низким, слегка грубоватым голосом.

Стемпл снова с беспокойством подумал: кто же и с какой целью мог послать сюда пришельца с неизвестной планеты? Но вслух он произнес:

— Я нашел тебя в лесу восемь дней назад. Ты был ранен и лежал без сознания. Сейчас мы находимся в Сиэтле, это город. Меня зовут Эрон Стемпл.

Взгляд пришельца медленно блуждал по комнате. Он осматривал низкий освещенный потолок, запотевшие стекла окон, за которыми раскачивались черные силуэты деревьев, сложенный из кирпича и обмазанный глиной камин, бледные выцветшие обои на стенах, сшитый из лоскутов ковер на грубом полу и причудливый красно-голубой узор одеяла. Затем его удивленный и измученный взгляд снова остановился на лице Стемпла. Он неуверенно произнес:

— Спасибо.

— Что же все-таки случилось? — спросил Стемпл. — Кто тебя ранил?

Пришелец начал было говорить, но запнулся на полуслове, сдвинув брови и наморщив лоб.

— Я не помню, — неуверенно произнес он. — Все как в тумане.

Дыхание его участилось. Он смотрел вдаль. В глубине его усталых темных глаз застыла боль или воспоминание о ней.

— Я пытался вспомнить, что произошло и где я...

Пришелец растерянно посмотрел на Стемпла. На его лице появилось выражение испуга и удивления.

— Но не смог. Я даже не помню как меня зовут. Мне кажется... — в его взгляде вновь отразились боль и растерянность, как у совершенно сбитого с толку человека.

— Я безумно устал, — тихо произнес он надломленным голосом, словно внутри у него что-то оборвалось.

— Не стоит так волноваться, — попытался подбодрить его Стемпл, память вернется к тебе, когда ты окрепнешь.

Но сам Стемпл был потрясен до глубины души. Он был готов услышать все, что угодно, но только не то, что это странное, очень похожее на человека существо совсем ничего не помнит.

— Здесь ты в безопасности, — продолжал он, — ты уже сможешь есть?

Пришелец неуверенно кивнул, и Стемпл помог ему есть, снова поразившись, до чего сильны его пальцы. Вдруг он заметил, что пришелец затаил дыхание и, проследив за его удивленным взглядом, Стемпл увидел, что в висящем на стене зеркале отражаются их лица — лицо человека и человекоподобного существа. Стемпл снова взглянул на лицо пришельца и понял, что тот крайне удивлен.

— Мы совсем разные, — медленно произнес он. — Кто ты и кто я?

Стемпл пожал плечами.

— Сдается мне, что это ты не такой как все. Ты явно не из наших мест и даже не с нашей планеты. Думаю, что ты прибыл из какого-то совершенно другого мира, о существовании которого мы до сих пор и не подозревали. Я даже не знаю, можно ли назвать тебя человеком. Прости меня, — добавил он, увидев выражение ужаса на побелевшем лице. — Я надеялся, что ты сам мне все расскажешь, но это не так уж и важно.

Пришелец покачал головой, тщетно пытаясь зацепиться хоть за какое-то воспоминание.

— Ничего из этого не выходит. Все, что меня здесь окружает, — он жестом обвел комнату, залитое дождем стекло и деревья за ним, — кажется мне незнакомым, — его голос дрожал от волнения. — Ничего из этого я не помню, но к не помню ничего из того, что меня окружало прежде. В голове сплошная пустота, просто какая-то белая пелена, как будто я только что родился. Но если я даже не из вашего мира, то ничего не остается, кроме, кроме...

Он замолчал, вспоминая начало разговора и задумался. Пришелец не понимал, как сможет жить дальше не только вдали от своего мира, своего прошлого, всего, к чему он привык, но и в изоляции от этого нового мира, в котором у него нет будущего. Он долго сидел, погруженный в свои мысли, затем его пальцы задрожали, и он в изнеможении повалился на постель, закрыв лицо руками.

Стемпл с сочувствием положил руку на сгорбленные плечи, но ничего не смог придумать, чтобы хоть как-то облегчить эту боль. Пришелец не издал ни единого звука, но, глядя на него, Стемпл подумал, что, наверное, такие муки испытывал сатана, когда его изгнали с небес.

* * *

В течение трех последующих дней шли бесконечные проливные дожди, и дороги стали совершенно непроходимыми, так что домик Стемпла оказался в полной изоляции от внешнего мира. Снаружи не доносилось ничего, кроме шума и рева непогоды. Стемпл обнаружил, что его опасения насчет пришельца прошли сами собой, поскольку теперь он считал пришельца разумным существом, человеком, и гораздо более уязвимым, чем самый слабый из жителей Земли. У него была душа и эта душа страдала. Хотя теперь пришелец мог вставать и ходить,

втайне Стемпл опасался, что он долго не проживет.

Что-то в нем надорвалось. Судя по всему, пришелец решил покориться своей судьбе, что бы она ни уготовила ему. Стемпл догадался об этом по его глазам — глазам несчастного, растерянного, загнанного в ловушку существа, чувствовал это по его постоянному молчанию и неуверенной походке.

Пришелец внимательно выслушивал все бесконечные объяснения Стемпла: что делать, что говорить, чего не говорить, но эти новые знания нисколько не воодушевляли его. Стемпл понимал, что пришелец просто терпеливо ждет своего конца.

На третий день у Стемпла кончилось терпение. Он, как обычно, что-то объяснял — то ли систему государственного устройства Соединенных Штатов, то ли как положено вести себя с дамами, а пришелец слушал с обычным молчаливым вниманием, как вдруг Стемпл внезапно обратил внимание на его глаза. В них было что-то такое, что заставило его остановиться на полуслове. Вспылив, он рявкнул:

— С тобой беседовать все равно, что со стеной. Но если бы я разговаривал со стенкой, то слышал хотя бы эхо в ответ.

— Извини, — спокойно ответил пришелец, стиснув ладони, — просто мне нечего сказать. То, о чем ты мне рассказываешь, совершенно незнакомо мне и я не знаю, что ответить на это.

— Но, черт побери, скажи хоть что-нибудь, задай вопрос или выскажи свое мнение, хоть что-нибудь! — выкрикнул Стемпл.

Пришелец помолчал, подбирая слова. Затем задумчиво произнес:

— Эрон, какой толк от того, что я буду знать все это?

Стемпл был настолько озадачен, что просто не знал, как ответить. По крыше громко барабанил дождь, а в воде, которой был залит, весь двор, отражались последние лучи заходящего солнца.

— Поскольку тебе придется здесь жить, — начал он наконец, — ты должен будешь найти свое место в этом мире. Люди в большинстве своем злы, невежественны и боятся всего нового и непонятного. Если не хочешь, чтобы они заподозрили в тебе чужака или неудачника и причинили тебе зло, придется хорошо изучить законы, по которым мы живем.

С минуту пришелец молча смотрел на Эрона. При свете лампы Стемпл с огорчением заметил, что его подопечный похудел и осунулся так, что выглядел не лучше, а пожалуй еще хуже, чем раньше. Пришелец спросил:

— Почему ты думаешь, что я проживу достаточно долго, чтобы воспользоваться твоими рекомендациями?

Теперь уже Стемпл не мог подобрать нужных слов.

— Что? — переспросил он.

— Эрон, разве тебе не приходило в голову, что единственным логическим финалом всего этого может стать только моя смерть?

— Что-что?

Он знал, что пришелец почти ничего не ел, но раньше Эрону просто не приходило в голову, что он может делать это намеренно.

— Какое отношение может иметь логика к твоей ситуации?

— Еще какое, — спокойно настаивал тот, — в этом мире я ничто, даже меньше, чем ничто. Пришелец в чужих краях, где все будут настроены против меня. Я — это больше не я, но и ничто другое. Так что мне остается только умереть.

— К черту все эти глупости! — заорал Эрон. Пришелец лишь посмотрел на него своими чистыми черными глазами, констатируя про себя вспышку эмоций, но никак не реагируя на него.

— Извини меня, Эрон, — заговорил он с искренней интонацией в голосе, — я высоко ценю то, что ты представляешь мне право сделать выбор, но как ты думаешь, чему я могу научиться? Ведь я абсолютно неопытен, меня сразу же распознают и, если твое мнение насчет человеческой природы верно, то очень скоро убьют. Поскольку ваша цивилизация

еще не научилась строить космические корабли, мое появление здесь сочтут ненормальным, и для людей логичнее всего будет уничтожить меня, а не оставить здесь. Но даже если меня и не убьют, к чему продолжать этот маскарад? Я всегда буду не таким как все. Я всегда буду один. Так зачем мне тогда жить?

Стемпл некоторое время молча смотрел на его резко изогнутые брови, странные уши, наполовину прикрытые длинными черными волосами, черные глаза на лице, не выражавшем ничего, кроме смертельной тоски.

Как ни странно, Стемплу вспомнились те времена, когда он сам страдал от одиночества и, как тогда казалось, находился в безвыходном положении.

Тогда Эрону было всего десять лет, и ему приходилось торчать целыми днями в душной бостонской мастерской, где совершенно некуда было деться из единственной переполненной народом комнаты и нечего было есть, кроме того, что ему давали за работу. Как только он вспомнил вкус того водянистого супа и постоянно царивший в спертom воздухе запах пота, его охватило отчаяние. Никакого выхода, и никого это не волнует.

— Жизнь есть жизнь, — спокойно сказал он. — Ты жив и должен надеяться на лучшее.

— Надеяться? — пришелец перевел взгляд с Эрона на зеркало и обратно с молчаливой иронией.

— Надеяться на то, что когда-нибудь ты сможешь вернуться к себе. сухо сказал Стемпл, — и, черт побери, на то, что когда-нибудь ты здесь встретишься со своими.

— Если это и случится, я просто не узнаю их, — резонно заметил пришелец.

— Может быть, это так, но они должны узнать тебя.

Пришелец промолчал. Стемпл начал развивать свою мысль:

— Ты прибыл сюда не случайно, это ясно. Неизвестно, кто и зачем послал тебя сюда, но никто не стал бы отправлять тебя одного. Так что, наверняка ты здесь не один и наверняка когда-нибудь к тебе вернется память. А поскольку ты ничего не помнишь, тебе просто придется жить не так, как ты жил раньше, вот и все.

Хотя пришелец продолжал молчать, Стемпл чувствовал, что он отступает, снова хочет спрятаться в свою спасительную скорлупу. Внезапно Эрон понял, что все это ему страшно надоело. Он встал и пошел в пристроенную кухню, предоставив пришельцу самому решать свою судьбу. Он уже сделал все, что мог.

«Может быть, сказал даже больше, чем нужно было», — думал он, шаря в буфете в поисках хлеба, солонины и сыра. Возможно ему действительно остается только умереть, хотя Эрон не мог думать о смерти, как о единственном логическом конце. Но так рассуждал пришелец, взвешивая все возможные варианты с присущим ему спокойствием. Стемпл насыпал кофе в кофейник и поставил его снова на плиту, выругавшись, когда пар обжег ему руки.

Все же память — странная штука. До сегодняшнего вечера Стемпл не вспоминал о своих собственных трудных временах, когда он жил без всякой надежды. И все же это не забылось. Он помнил, как его мучил голод, как он мерз и как боялся, постоянно чего-то боялся. Стемпл как бы смотрел со стороны на маленького костлявого мальчишку с крючковатым носом в потрепанных штанах, обрезанных ниже колен, и мужской рубашке с закатанными рукавами. Он никогда не забывал об этом. Но до сегодняшнего дня Эрон не вспоминал, каково ему было тогда знать, что его судьба никого не волнует.

Если бы тогда он умер от холода или от голода, как умирали другие дети в трущобах Бостона, никому до этого не было бы дела. Только сейчас он вспомнил, какие чувства тогда испытывал.

Стемпл пожалел о том, что накричал на пришельца.

Он тихо вернулся в гостиную. Но ни в ней, ни в крошечной спальне никого не было. Прислушавшись к тишине, он понял, что дождь прекратился.

Пришелец сидел во дворе на поваленном дереве. Эрон сразу заметил его темную худую фигуру в рубашке и джинсах из не богатого хозяйского гардероба. Среди высоченных сосен бушевал ветер. Деревья шумели как море, цепляясь верхушками за темные тучи.

Пришелец смотрел на звезды.

Они рассыпались по всему небу, сверкая над его головой. Млечный путь вытянулся как светлое полотнище, а Гончие Псы мчались за своей добычей.

Эрон остановился в дверях, пораженный этой величественной красотой.

Пришелец услышал его шаги и повернул голову.

— Мне кажется, — тихо произнес он, — что хотя я ничего не помню, все же узнаю то что видел раньше. Это... — он обвел рукой небесный свод, — мне знакомо, я видел это раньше. Мне известны звездные величины, расстояния между звездами и я владею искусством вождения космических кораблей. Я чувствую, что знаю о звездах очень много, и, если мне немного подсказать, то все это вспомню.

В темноте невозможно было разглядеть выражение его лица, но в голосе чувствовалось некоторое воодушевление.

— Если это так, то, вероятно, я смогу сойти за жителя Земли.

Стемпл улыбнулся, поеживаясь от прохладного ветра, который трепал рукава его рубашки.

— Может быть, ты сможешь ответить на мой вопрос?

Пришелец задумался.

— До сих пор мне это не особенно удавалось. Но отсутствие ответов не означает, что нужно прекратить задавать вопросы.

По голосу пришельца не было заметно, что он шутит, но все же Стемпл решил, что с чувством юмора у него все в порядке. А это означало, что он тоже человек и собирается жить дальше.

— Думаю, на такой вопрос ты сможешь ответить: ты хорошо умеешь считать?

Пришелец испуганно повернулся, быстро сообразив, что ему делают предложение, и это очень обрадовало его. Даже при свете звезд было заметно, что он перестал хмурить брови.

Глава 4

В абсолютной тишине, повисшей в комнате, раздался немного хриплый, но достаточно громкий голос Спока:

— Белый карлик, Кхлару, фактор Тиллана, Гардиан.

Затем последовала долгая пауза, после которой Спок снова заговорил таким ровным голосом, как будто передача этих данных не грозила ему смертельной опасностью:

— Восемнадцать — шестьдесят семь. После этих цифр передача закончилась. Тишина нарушалась только слабым шуршанием записывающего устройства до тех пор, пока Кирк не выключил запись.

Они долго молчали. Наконец Маккой произнес: «Гардиан» и, обхватив ладонями стакан с бурбоном, углубился в созерцание золотистой жидкости.

Мысленно он возвращался к воспоминаниям, похожим на кошмарный сон. Кирк сидел неподвижно у небольшого пульта, оборудованного терминалом и устройством связи с главным компьютером Двенадцатой Звездной Базы.

— Спок был уверен, что вы поймете сообщение. Из глубины потертого старомодного кресла раздался голос командира базы Марии Келлог:

— Что такое гардиан?

Кирк хотел было заговорить, но глубоко вздохнул. Он немного помолчал, обдумывая, как лучше объяснить, что такое гардиан, охраняющий руины разрушенного города на краю вечности.

Официальная часть его визита с отчетом к командиру базы Келлог завершилась. Кирк подробно описал допущенное им небольшое нарушение Органийского Мирного Договора и исчезновение транспортного корабля Клинтонов, якобы перевозящего руду, а вместе с ним и офицера, считающегося теперь без вести пропавшим. Выключив записывающее устройство,

командир Келлог вместе с остальными вернулась в гостиную, чтобы немного выпить в непринужденной обстановке и хорошенько все обдумать. Гостиная, расположенная между комнатами Кирка и Маккоя, ничем не отличалась от любой комнаты в домах карсидов, этих сплошных муравейников, состоящих из множества коридоров, на ремонт которых у руководства базы не хватало средств. Размеры гостиной несколько великоваты для человеческого восприятия, К одной из стен примыкал маленький круглый камин. У камина массивный стол в стиле позднего декаданса, принадлежавший еще карсидам.

Стол напоминал большую свернувшуюся змею и выглядел очень странно на фоне остальной мебели, предметы которой лейтенант Ухура называла «уродцами космического флота». Небольшое устройство терминала — видео и странное кресло, в котором теперь сидела Келлог, казались случайно заброшенными сюда из разных галактик вещами.

— Что касается гардиана, — наконец начал Кирк, — то мы имеем дело с попыткой возврата в прошлое с целью изменить ход истории. Сам гардиан представляет собой вход — вход во время.

Кирк старался говорить спокойно, хотя ему пришлось вспоминать о событиях, связанных со смертью женщины, чей голос он порой и сейчас слышал во сне. Маккой внимательно посмотрел на него и отвел взгляд.

— По очевидным причинам эти сведения были засекречены. Все знали только Спок, Маккой и я.

— Могли ли клингоны докопаться до информации? — забеспокоилась Мария Каллог, и ее пальцы цвета слоновой кости впились в худое колено. — Может быть, они сами сумели до всего додуматься?

— Это не исключено, — сказал Кирк, — но добраться до гардиана нелегко. Клингонам придется преодолеть непрерывность времени, а чтобы миновать этот барьер, необходимо пересечь большой участок пространства, принадлежащий Федерации, или же внедряться в него в некоторых местах. А Федерация строго следит за этой планетой. Даже зная, что такое гардиан и где он находится, клингоны не сумеют лопасть туда.

— Но если клингоны изобрели какое-то новое оружие, им не страшны сторожевые корабли Федерации.

— Вполне вероятно. Как раз в ту сторону они и направлялись, — мрачно предположил Маккой, — и вошли в Эриданово Облако специально для того, чтобы мы их потеряли. В таком случае клингоны сами рисковали жизнью. Сила притяжения белого карлика очень велика и вести корабль там вдвое труднее, чем обычно. Они могли просто расплавиться.

— Да, могли.

Командир откинулась на спинку кресла в непринужденной позе, упершись коленом в подлокотник. Ее золотистая туника сверкала и переливалась в тусклом свете лампы.

— Но бьюсь об заклад, что они уцелели. Представитель Империи Клингонов на Двенадцатой Звездной Базе не сообщал о пропаже этого корабля, несмотря на то, что «Рапач» пролетал совсем рядом с базой, когда возвращался домой. Кирк удивленно приподнял брови.

— В самом деле?

Уголки губ женщины тронула улыбка.

— Может быть, представитель могущественной империи не пожелал иметь дело с женщиной — командиром базы, но прежде он всегда строго подчинялся нашим правилам. Существует закон, по которому о любом корабле, даже попавшем в облако по недоразумению и исчезнувшем в нем, обязательно сообщают сюда. Эта штука, — она попыталась жестом изобразить невероятное образование, напоминающее дыру, неизвестно когда и почему возникшее в космосе у самого сердца Эриданова Облака, — постоянно изменяется. Мы не можем сказать, что это такое, не знали этого и карсиды. Я считаю, что мы здесь для наблюдения за дырой. Она произвольно меняет свои размеры, ставя в тупик наших исследователей. Поэтому-то мы и расположились так близко от облака. Обо всех странных происшествиях, случившихся внутри или возле облака, приказано сообщать специальной

группе ученых или лично мне. А представитель империи ни о чем не обмолвился ни словом, — она повернулась и снова взяла стакан с бурбоном. — Так что, наши «друзья», очевидно, сейчас летят к планете, на которой находится гардиан.

— Вполне вероятно.

Кирк долго смотрел, как свет лампы преломляется в жидкости, словно ясновидящий, способный проникнуть взором в глубины пространства.

— Но, с другой стороны, в распоряжении Спока было лишь несколько секунд, и он тщательно подбирал слова, зная, что в любое мгновение его могут прервать. Может быть, — он использовал метафоры, желая сообщить не о том, что клингоны стремятся добраться до гардиана, а что они хотят добиться той же цели другими средствами — каким-то образом пытаются изменить ход истории.

Наступила тишина. Ее нарушила взволнованным голосом командир Келлог:

— Но им же не удастся сделать это, да?

— Боюсь, что они уже почти добились своего, — с горечью отозвался Маккой.

— Они смогут, — еле слышно произнес Кирк, как будто разговаривал сам с собой, — поверьте мне, клингоны способны на многое. И они уже достигли цели, если сумели проникнуть в прошлое.

— Теперь прошлого нет, — напомнила Келлог, — и все же, что именно клингоны могут изменить? Где и когда? Даже если сумели справиться со временем?

— В том-то все и дело, — заметил Кирк, взглянув на отбрасываемые ими тени, — в ход времени можно вмешаться. Обычно это происходило случайно, но я слышал, что когда-то существовала цивилизация, для которой такие вещи не представляли труда. Из-за роковой случайности с гардианом чуть не случилась страшная трагедия. Мы не имели понятия о том, что изменится и как мы повлияем на события. Если бы тогда это можно было предсказать...

— А можно ли было предсказать? — потребовал ответа Маккой.

Кирк и Келлог переглянулись.

— Используя достаточно мощный компьютер, — наконец сказала Келлог, вы могли бы свести риск к минимуму.

Последовала еще одна неловкая пауза. Маккой поднялся со своего места и раздраженно воскликнул:

— Великолепно, Джим, просто великолепно! Клингоны манипулируют прошлым, а мы остались в обычном, не изменившемся времени и можем искать их в любой точке галактики.

— Не в любой точке — поправила его Келлог и снова взглянула на Кирка.

— Что такое «фактор Тиллмана»?

— Согласно справке, данной математиками из научного центра, это математическая константа, относящаяся к ускорению при переходе сверхсветового барьера. У меня есть подозрение, что белый карлик имеет какое-то отношение к этой загадке. Клингоны могли обнаружить такую связь и использовать для того, чтобы внедриться в ход времени.

— А цифры? — спросила Келлог — могли ли они означать триангуляцию?

Кирк покачал головой:

— Мы об этом уже думали. В навигации они ничего не могут означать, ни как «восемнадцать, шестьдесят и семь», ни как «восемнадцать и шестьдесят семь».

— Тогда, может быть время? Но это означало бы девятнадцать ноль семь, — ответила она сама себе.

Все эти комбинации цифр что-то напоминали Кирку.

— Может быть, время в других единицах? — спросил он, — в земных, например?

— Сомнительно, — недоверчиво произнесла Келлог.

— Старое летоисчисление, — размышлял вслух Кирк. — Без всяких «до нашей эры» или «в космическую эру». Мы так привыкли к космическим стандартам и величинам, что забыли о существовании земных единиц.

— Да, но даже на Земле принято говорить «до нашей эры» или «нашей эры», — запротестовала Келлог.

— Не обязательно, — вдруг сказал Маккой, — Эдит... — голос Маккоя дрогнул, как только он произнес имя женщины, спасти жизнь которой ему не позволил Кирк. — Эдит Келлер так не говорила.

— Действительно, — тихо сказал Кирк, — я помню, как она говорила «тысяча девятьсот тридцатый», а не «девятнадцать тридцать нашей эры». И, кроме того, Спок хотел передать информацию как можно быстрее, — добавил он.

— Пусть будет так, — решил Маккой. — Но что такое «Кхлару»?

— Я проверил это на компьютере «Энтерпрайза», — объявил Кирк. По-английски это слово можно по-разному писать и произносить, но я старался воспроизвести его точно так, как произносил Спок. Кхлару — это небольшой поселок в Клинжае. Брови Маккоя поползли вверх.

— Клинжай? — повторил он, — над этим придется поломать голову. Я очень плохо знаю историю клингонов.

Кирк угрюмо кивнул.

— Боюсь, что мои познания в этой области тоже невелики. Все, что мне известно, — это то, что около шестисот лет назад их завоевали карсиды, и федеральный строй клингонов сменился космической эрой без всякого промежуточного этапа. Они являются своеобразным исключением из правил постепенного развития. Восстание в Клинжае значительно ускорило распад империи карсидов. После падения империи карсидов Клинтоны оказались в технологическом вакууме. Но что касается отдельных моментов истории клингонов, особенно до захвата, — боюсь, я абсолютно невежественен, точно так же, как и ты, Боунз.

— А я думал, что ты специализировался по истории, — проворчал Маккой.

— Это так, — улыбнулся Кирк. — Но космические полеты вносят изменения во всеобщую историю. Кажется командир хочет что-то сказать?

Келлог выпрямилась.

— Джеймс, не обращайтесь на меня внимания. Я всего лишь инженер. Но в одном я твердо уверена: Кхлару — это не только название поселка в Клинжае.

Она поднялась и поставила свой стакан на блестящую поверхность стола.

— Приблизительно десять лет назад здесь раскопали целый тайник со старинными записями карсидов. Эти записи оказались единственными документами, найденными за пределами Империи Клингонов. Две группы ученых занимались находкой несколько лет. Часть рукописей прошла через архивы академии Вулкана, а другая осталась у клингонов. Исследовательской группой клингонов руководил человек по имени Кхлару.

* * *

— Интересное предположение. — Вулканец Трэ приложил ладонь с тонкими пальцами ко лбу и внимательно посмотрел на Кирка, Маккоя и Марию Келлог.

Трэ уже очень стар, стар даже для вулканца. О громадном опыте и мудрости старика свидетельствовали белые, как снег волосы и благородное лицо, покрытое густой сетью морщин. Обычный человек просто не дожил бы до таких сединок. Трэ уже переваливало за три сотни лет, но он вполне мог бы дотянуть и до четырехсот. При взгляде на Трэ и его жилище невольно возникали мысли о глубокой древности и знаниях, накопленных веками.

Окружающие вещи могли принадлежать только ему и никому другому. В центре комнаты небольшое пространство занимали поставленные полукругом кресла, а за ними размещался обширный архив, состоящий из множества коробов с микрофильмами, ящиков с дисками и лентами, фотокопиями подлинных документов и пожелтевших бумаг, наваленных словно осенние листья в саду.

Были здесь и книги — старинные, в массивных кожаных переплетах. Библиофилу Кирку до того хотелось прикоснуться к ним, что он даже заложил руки за спину, боясь поддаваться соблазну. Терминалы двух компьютеров вздымались среди всего этого богатства словно островки в океане времени. Они тихо гудели и подмигивали друг другу, как будто

вели беседу, воспользовавшись временным отсутствием оператора.

Звук голоса Марии Келлог вывел Кирка из задумчивости. Она спросила:

— Есть ли этому научное обоснование?

— Внедрение в ход времени? — вулканец задумался, полностью уйдя в свои мысли. — Командир, я не ученый физик. Но, занимаясь историей, я пришел к выводу, что самые грандиозные научные достижения не только были предсказаны заранее, но непременно имели свои аналоги в прошлом и считались обыденным явлением на какой-либо из планет галактики. И тем не менее, — продолжал он, изучая посетителей древними глазами, — мы имеем дело с попыткой изменить ход истории. В художественной литературе я не раз встречался с размышлениями на эту тему. Физики-теоретики изучают возможный механизм подобного вмешательства в прошлое и опасаются ужасных последствий. Но чего можно добиться простыми средствами? Наши современники постоянно делают попытки повлиять на ход истории, пытаясь исправить свои же ошибки, но что из этого выходит? Если говорить о вашей родной планете, командир, убийство Юлия Цезаря не спасло уже умирающую в политическом смысле Римскую республику.

— Наверное, вы правы, — согласился Кирк, повернувшись от книжных полок лицом ко всем трем неутомимым искателям истины. — Но случай с гардианом доказал то, что в определенные моменты и в определенных условиях можно влиять на события. Безусловно, вмешательство должно быть минимальным, аналогичным крошечной операции на человеческом мозге.

— Но у клингонов, — спокойно добавил Маккой, — может быть собственное мнение на этот счет.

— То, что клингоны вообще взялись за это сложное дело, означает, что они располагают специфическими средствами для достижения своей цели.

Кирк подошел к вулканцу вплотную. В полумраке комнаты слабо мерцали то красные, то зеленые огоньки на экране одного из терминалов.

— Над чем работал ваш коллега Кхлару?

— Поверьте мне, он не занимался ничем, что могло бы повлечь за собой драматические последствия, — серьезно ответил Трэ, — Кхин Кхлару вместе со мной работал над составлением каталога рукописей карсидов, охватывающих последние пятьдесят лет оккупации этого астероида. В его распоряжении находились копии официальных бумаг, технических отчетов базы, документы, касавшиеся проблем, связанных с Эридановым Облаком, преysкуранты стоимости различных перевозок. Такие материалы и являются предметом изучения историков, поэтому переписать историю заново гораздо труднее, чем кажется.

Эта информация представляет какую-то ценность только для тех, кто интересуется последними днями великой империи и тем, как повлияли первые восстания орионов против космических баз на неизбежный распад империи.

Ровный низкий голос Трэ не выражал никаких эмоций, но Кирк заметил, как что-то блеснуло в глубине этих темных глаз.

— Больше того, мой коллега Кхин Кхлару, точно так же, как и я, главным образом занимающийся историей, человек глубоко порядочный и интеллигентный. Вы, капитан Кирк, — военный и привыкли считать всех клингонов покорными слугами своего императора. Уверяю вас, что в случае с Кхлару это совсем не так.

Вулканец скрестил на груди худые руки.

— Вмешательство в ход времени почти невозможно, потому что при этом накапливается целая цепь случайных влияний и событий, а их нельзя ни предсказать, ни проконтролировать. Если вмешательство происходит в условиях общества, еще не освоившего космическое пространство, то все процессы развития этого общества на протяжении достаточно большого промежутка времени будут испытывать последствия Доплеровского эффекта накопления событий. В обществе, достигшем высокого уровня, на котором полеты в космос стали обычным делом, действие эффекта Доплера многократно

возрастает, приобретая характер экспоненциального закона. В таком случае контроль за последствиями подобного вмешательства принципиально невозможен. Кхлару очень неглуп, капитан, и не станет слепо выполнять чужие приказы. Я очень сомневаюсь, что Кхлару согласится принять участие в явно безрассудных действиях, даже если какой-то сомнительный проект и существует в научных и военных кругах клингонов.

— Очень хорошо, — сказал Кирк, с минуту подумав. — Мог ли Спок иметь в виду древние времена, какой-то населенный пункт под названием Кхлару? И может ли число 1867 быть датой в докарсидской истории государств клингонов?

Трэ задумался на минуту, углубившись в огромную кладовую своей памяти.

— Насколько я помню, до захвата карсидами на планете Клинжай не было стандартной системы летоисчисления, — наконец произнес он. — Во многих провинциях время исчисляли с момента вступления на престол местного правителя, и порой два или даже три года считались за один. Кхлару, если Спок действительно имел в виду местечко в Клинжае, а не моего коллегу, то оно было как раз таким местом.

Прошелестев черным одеянием, вулканец подошел к большему из двух терминалов. Худые хрупкие пальцы пробежались по клавиатуре, застыли на мгновение и снова продолжили свой бег.

Наблюдая за игрой зеленого света на лице Трэ, Кирк размышлял о том, каким стал бы Спок, переживи он всех своих друзей — людей. Неужели и он погрузился бы в такое же состояние олимпийского спокойствия и невозмутимости, или человеческая природа все-таки взяла бы верх? И что вообще в Споке было от человека, а что привнесено условностями и традициями вулканцев?

«На этот вопрос трудно ответить, — с внезапной горечью подумал Кирк.

— Родился ли я сам таким упрямым или стал им позднее, в результате бесконечных споров с упрямым отцом? Кто сможет разобраться в человеческой душе и проследить цепь событий, повлиявших на характер с самого начала?

Трэ сказал, что любое событие вызывает массу изменений. Спок же так и остался для нас загадочным существом, унесшим свою тайну с собой».

Раздалось негромкое гудение печатающего устройства и терминал выдал первую порцию информации. Трэ вытащил бледно-зеленый пластиковый лист и вернулся к гостям.

— Система летоисчисления в Кхлару до первых контактов с карсидами представляла собой последовательность дат правления. Параллельно существовала система Арастфрида, принятая тогда на всем Гаруильском континенте, и более совершенный вариант, основанный на циклических изменениях звезды Алгол. Появление карсидов, конечно, преподносилось как «прибытие мирных торговцев», поскольку карсиды не стремились выглядеть завоевателями, по крайней мере до тех пор, пока не сумели внедриться в экономику планеты. Это событие относят к «году Гашкрита, в период правления сына Корада Нтара, во время пятисотого цикла Алгола», или Шема, как клингоны иногда называли эту звезду. Вскоре карсиды подчинили себе экономику всей планеты, что оказалось несложным, ведь Клинжай только вступал в первый период индустриализации, и ожесточенная вражда между землевладельцами и жителями городков, где начала развиваться промышленность, была на руку пришельцам. В конце концов карсиды объединили всех враждующих, насаждая собственную культуру, вытесняя непокорные меньшинства, инакомыслящих и отколовшиеся группировки, и в 930 году присвоили Клинжаю статус федеративной единицы, подчиненной имперскому правлению.

Трэ отложил пластиковый лист в сторону и взглянул на гостей.

Келлог пробормотала:

— Но это произошло не в 1867 году, так что пока мы не выяснили ничего нового об этой дате.

Кирк спросил с легкой тенью досады:

— А какой год был на Земле, когда карсиды подчинили себе Клинжай?

Спок бы обязательно поднял брови от удивления. Но Трэ, видимо, давно уже пережил

период такого открытого выражения эмоций. Он лишь молча повернулся к терминалу своего компьютера и через пару секунд произнес:

— Первые контакты карсидов с правителями Терзэча — наиболее воинственной и социально гибкой из промышленно развитых стран планеты соответствуют 1486 году в земном летоисчислении. А при сдвиге Клинжаю статуса федеративной единицы произошло в 1540 году. Маккой нахмурился:

— Они не теряли времени зря.

— Удивительно, — отозвался Трэ, что-то записывая ручкой в углу пластикового листа и безошибочно определяя его на свое место среди уймы ни чем не отличающихся друг от друга ячеек, ряды которых занимали всю заднюю стену кабинета, — как быстро высокая технология может поглотить менее развитую, особенно если владеющие ею знают, каким образом извлечь выгоду из конкурентной борьбы при низком культурном уровне населения. Карсиды сумели добиться своего при жизни одного поколения, поскольку большая часть клингонов уже не могла обойтись без нового оружия, инструментов, без новых роскошных предметов домашнего обихода.

— И новых наркотиков, — цинично добавила командир Келлог. Ей довелось самой видеть, какими методами пользовались клингоны.

Историк прищурил сморщенные веки.

— Не думаю, что карсиды усердствовали в применении наркотических средств. Карсиды не были ни жестокими, ни глупыми. Они хотели иметь дело не со стадом рабов-наркоманов, а с государством, пусть даже экономически слабым, которое можно развивать в нужном направлении и эксплуатировать. За время правления карсидов население планеты физически окрепло, а моральные правила стали гораздо строже, чем раньше. Карсиды использовали наркотики только в особых случаях — эту методику клингоны теперь приспособили для собственных нужд. Но в большинстве случаев они исходили из простейшей теории, состоявшей в том, что ни одна нация не захочет добровольно отказаться от совершенной военной техники и вернуться к луку и стрелам.

Трэ снова перевел взгляд на Кирка.

— Хотите сами расспросить моего коллегу Кхлару об этом деле? спросил он.

Кирк немного подумал, взвешивая в уме все за и против. Интуитивно он испытывал чувство доверия к древнему вулканцу. Если Трэ сделал предложение, то можно не сомневаться, что он тщательно все обдумал.

Но вмешалась Келлог.

— Вы хотите, чтобы все стало известно представителю клингонов? Даже не важно, порядочный человек сам Кхлару или нет, ведь он просто будет обязан сообщить о нашей встрече своему руководству. А если Клинтоны почувствуют неладное, последствий никто не сможет предсказать.

Трэ переводил взгляд то на Келлог, то на Кирка. Хотя командир старалась не подавать виду, Кирк заметил, как она возмущена тем, что никто не подумал о военной угрозе.

С минуту подумав, Кирк сказал:

— Нет. Пока встречаться с Кхлару нельзя. И все, о чем мы тут говорили, должно остаться в тайне.

— Разумеется, — согласился Трэ, — к тому же, все это меня не касается.

— Если вы узнаете что-нибудь новое... — продолжал Кирк, и отвернувшийся было вулканец насторожился.

— Я уже говорил, что это меня не касается, — повторил он, — нельзя сказать ничего дурного о Кхине Кхлару, если он доложит обо всем своему начальству, ведь этого вы требуете и от меня. Капитан, я — историк. И я не хочу быть вовлеченным в ваш очередной конфликт с империей Клингонов.

Кирк склонил голову, принимая упрек.

— Приношу свои извинения, — сказал он, — но если в будущем вы все-таки окажетесь вовлеченным в этот конфликт, пожалуйста, сообщите кому-нибудь из нас.

С этими словами Кирк вышел из мрачной комнаты, в которой, казалось, хранилась пыль веков. В холле Звездной Базы, сверкающем пластиком и алюминием, он почувствовал себя так, как будто пробудился ото сна. Кирк глубоко вдохнул свежий прохладный воздух, и его настроение сразу улучшилось.

Глава 5

— Лотти! — Кэнди Прайт удивленно взглянула на хозяйку салуна, когда та появилась на галерее над баром. — Куда ты собираешься? Скоро снова пойдет дождь!

Лотти спустилась по лестнице, на ходу надевая перчатки. Она на минутку задержалась, чтобы оглядеть салун и улыбнулась. Как обычно по утрам салун был закрыт, но в нем собрались все нью-бедфордские девчонки.

Весело болтая и хихикая, они натягивали бельевые веревки от лестничных перил через весь зал. В салуне стоял запах свежестыранного белья, мыла и холодного дождя, уже четыре дня подряд заливавшего Сиэтл. В жарко натопленном помещении от скатертей, полотенец и сырых юбок девушек поднимался в воздух, легкий пар.

Лотти нравились эти девушки. Почти все молоденькие, но уже не в том возрасте, когда девицы с восточного побережья выходят замуж. Многие из них потеряли женихов во время войны, а у других не было возможности встретить подходящего парня. Городок Нью-Бедфорд лишился большей части своих молодых людей к тому времени, как туда прибыли капитан Клэнси и Джереми Болт с компанией, обещавшие молодым барышням райскую жизнь на западе неподалеку от границы. То ли мечтали девушки наконец-то обрести свое женское счастье, выйдя замуж и обзаведясь детишками, то ли просто хотели, навсегда забыть о прошлом, так или иначе, но они решительно простились со своей прежней жизнью, и уже одно это придавало им особое очарование.

Лотти улыбнулась, прислушиваясь к веселому щебетанию. Кэнди Прайт руководила стайкой девушек, закреплявших веревки. Ее яркие каштановые волосы блестели при тусклом утреннем свете как мокрые осенние листья.

Кэнди была неофициальной предводительницей нью-бедфордских девушек. С виду ей никак не больше двадцати, а лицо у Кэнди просто хорошенькое, а по-настоящему красивое. Тонкие, плотно сжатые губы свидетельствуют о сильном характере. Лотти частенько подумывала о том, что эта стройная как тополек красавица может составить прекрасную партию для Джейсона Болта.

Только женщина, обладающая таким упрямым и твердым характером, как Кэнди, смогла бы держать в узде этого огромного самоуверенного нахала. И, может быть, так бы и случилось, не повстречайся она раньше с его братом Джереми.

Кэнди подошла к Лотти, как только та спустилась с лестницы.

— Спасибо, Лотти, что ты позволила нам сушить здесь вещи. А то у нас уже не осталось чистых полотенец, а больше негде их повесить.

— И, кроме того, сегодня мы будем печь, — вставила Бидди Клум, встряхивая тонкое белоснежное белье и нащупывая в кармане передника прищепки. — Сегодня днем Шейла встречается в гостиную со своим кавалером.

Она сказала, что всех нас поубивает, если на пол будет капать вода с выставленных на всеобщее обозрение тряпок.

— А кто за ней ухлестывает на этой неделе? — смеясь спросила Лотти.

— Ну... — протянула Бидди, заморгав глазами с тонкими длинными ресницами, — конечно, мне бы не хотелось сплетничать, но...

— Жюль Хорн, — Кэнди спокойно прервала начатое Бидди представление. Но ты, Лотти, так и не сказала, куда собралась. Посмотри, снова пошел дождь. Возьми-ка мой плащ.

Кэнди подошла к куче плащей, наваленных девчонками в углу бара.

Наверное, их матушки скончались бы от позора, узнав, что девушки проводят время в салуне так запросто, как будто это их собственная гостиная. Хотя ни одна из девушек не

появлялась здесь в часы работы заведения, когда зал заполнялся подвыпившими мужчинами, тем не менее любая добропорядочная мать семейства сочла бы невозможным терпеть такое безобразие. Леди не должны посещать салун и, конечно же, леди не могут одалживать свои плащи таким женщинам, как хозяйка подобного заведения.

Кто-то постучал у главного входа, и сквозь залитое дождем оконное стекло Лотти разглядела две темные фигуры. Она громко крикнула:

— Закрыто!

Но снаружи послышалось:

— Лотти, это я, Эрон!

Сердце Лотти подпрыгнуло в груди, и она поспешила впустить Стемпла.

— Эрон, — быстро заговорила она, открыв дверь, — я должна сказать тебе что-то очень важ... — она осеклась, увидев стоящего позади человека.

— Лотти, — начал Стемпл серьезным тоном, — позволь представить тебе моего племянника, Ишмаэля Маркса. Иш — это Лотти Хэтфилд.

Голубые глаза Лотти встретились с черными глазами Эрона, и тот заметил на ее лице тревогу. Женщина до сих пор не забыла тех двоих странных посетителей. Мужчины вошли в помещение, и Лотти уловила необычный и в то же время пронизательный взгляд спутника Эрона.

Стемпл тихо сказал:

— Он начисто лишился памяти. Мы решили, что так будет лучше.

— Про... простите меня, — сконфуженно пробормотала Лотти, не зная, что еще добавить.

Она протянула руку, и Ишмаэль учтиво склонился над ней. Их взгляды снова встретились, и Ишмаэль едва слышно произнес:

— Эрон сказал, что вы все знаете.

— Я — да. Я видела вас.

— Тогда благодарю за молчание.

У него был какой-то необыкновенный рот с тонкими, но не чувственными губами удивительной формы. Верхние части изогнутых бровей и кончики странных ушей скрывались под черными и прямыми, как у индейцев волосами, которые никто не стриг по обычаю страны, где парикмахеры — большая редкость. Что касается всего остального, то своими повадками и худобой он больше всего напоминал кота. На прищельце были вылинявшие джинсы, темный свитер и темная шерстяная куртка. Когда Иш проходил мимо, Лотти заметила, что он прихрамывает.

Вдруг она ощутила, что в помещении повисла напряженная тишина. Лотти обернулась и встретилась с любопытными глазами девушек, разглядывающих гостей. «Сиэтл — городок небольшой, и уж такое странное существо, как Иш не может остаться тут незамеченным», — подумала она. Лотти перевела взгляд на орлиный профиль прищельца, затем снова на девчонок.

Молчание нарушил Стемпл. Он вышел на середину комнаты и объявил:

— Дамы, позвольте представить вам моего племянника Ишмаэля Маркса. Он прибыл в Сиэтл с востока и будет заниматься бухгалтерией на лесопилке.

Ишмаэль, а это — сераль Джейсона Болта.

Те, кто не знал, что такое сераль, рассматривали Иша с откровенным живым интересом, но Стемпл заметил вспыхнувшие в глазах Кэнди Прайт недобрые огоньки. Под предлогом того, что Ишу нужно познакомиться со всеми поближе, он отвел Лотти в сторону и спросил:

— Что ты собиралась сказать, когда мы входили? Кажется, ты говорила о чем-то важном?

Поодаль Ишмаэль вслушивался в гул смущенных девичьих голосов. Он слушал почтительно, внимательно и не только из вежливости, как порой ведут себя мужчины, привыкшие к женской болтовне, а проявляя неподдельный интерес к этой толпе незнакомок.

Лотти спросила:

— Что ты имел в виду, когда сказал, что Ишмаэль лишился памяти?

Стемпл покачал головой:

— Он был ранен. Я не знаю, как и почему. Этот парень не может вспомнить, как попал сюда и что привело его на Землю. Он не помнит ни откуда прибыл, ни того, что с ним произошло, ни своего имени.

Эрон оглянулся через плечо. Кэнди терпеливо и настойчиво пыталась выведать какие-нибудь сведения о прибывшем, а Ишмаэль осторожно выбирался из трясины, в которую его загнали бесчисленные вопросы девушек.

— Он очень легко адаптируется, — продолжал Стемпл, — и быстро учится.

Но все же я решил, что лучше будет сначала привести его сюда до того, как мы повстречаемся с более опытными и проницательными людьми, чем эти девчонки.

«Это так похоже на Стемпла», — подумала Лотти, не зная, радоваться ей или нет. Этот человек очень здорово научился манипулировать людьми и ситуациями в своих целях, зато теперь сможет использовать эти способности ради кого-то другого. Оставалось надеяться, что девушки будут очарованы загадочным темноволосым незнакомцем и не заметят его мелких промахов, а это должно помочь Ишмаэлю обрести уверенность в себе.

— В таком случае, он начинает с нуля, словно малое дитя, — сказала она.

— Нет, — отозвался Стемпл. — Для всех он обычный парень, приехавший на запад, у которого осталось в прошлом то, о чем не хочется вспоминать.

Только Иш уже все забыл.

Взгляд черных глаз на мгновение задержался на Лотти, и на лице Эрона появилась ироничная улыбка.

— Думаю, что некоторые мужчины не пожалели бы никаких денег, чтобы навсегда забыть о своих прошлых грехах, а Иш заплатил за потерю памяти лишь разбитым коленом и парой ожогов.

Лотти вздохнула, задумавшись о своем прошлом. Она вспомнила о том, какие обстоятельства вынудили ее уехать на запад.

— И женщины тоже, — прошептала она, — да, и женщины тоже.

— Так о чем же ты хотела мне рассказать? Лотти пожала плечами:

— Думаю, это не важно.

* * *

— Неужели все эти молодые леди принадлежат Джейсону Болту? — спросил Ишмаэль, прикрывая лицо от мелкого дождика.

Они шли по сплошному грязному месиву, которое оптимисты называли улицей Мэдисон. Стемпл уловил в голосе Иша легкую иронию и подумал: «Ты, дружок, далеко пойдешь».

Он криво усмехнулся:

— Некоторым образом.

— Забавно.

От дождевых капель рябила вода в многочисленных лужах. Двое мужчин старались ступать по смятой траве, обрамлявшей беспорядочно разбросанные строения. За их спинами раскинулся весь Сиэтл со своими новостройками, брезентовыми палатками и непроходимой грязью. На горе расположилась кучка магазинчиков, контора по продаже земли, две платные конюшни и прачечная, в которой работал тучный, вечно улыбающийся родственник Ву Сина — помощника Лотти в баре. Рядом высились возведенные наполовину бревенчатые стены строения, уже сейчас имеющего внушительный вид. Город опоясывала высокая стена гор. Из-за сплошного лесного покрова издали они казались сине-зелеными. Горы постепенно снижались, переходя в невысокие холмы, на которых, собственно, и возник Сиэтл. Улицы городка сбегали к причалу, где вдоль берега стоял еще один «лес» мачт множества судов, прибывших за древесиной из Сан-Франциско. Тут же, неподалеку, дежурили корабли

береговой охраны. Непрерывно ветер поднимал в бухте Эллиот мощные пенистые волны, с шумом обрушивающиеся на берег. На крытых верандах висело белье, а клубы дыма из печных труб расплзались по мрачному свинцовому небу словно белые облака. От причала в сторону лесопилки поднималась Первая улица.

Эрон и Ишмаэль миновали похожий на конюшню двухэтажный сосновый дом, обнесенный белым забором, вдоль которого увядали последние осенние цветы.

— Тут живут рабочие, — сказал Стемпл, — а это... — он махнул в сторону ярко-зеленого склона, поднимающегося вверх за городом в южном направлении, — это гора Брайдл Вейл. Гора, Сизтл и барак, где живут рабочие, неразрывно связаны между собой с тех пор, как... впрочем, об этом как-нибудь потом.

Над их головами с криком проносились чайки. Отсюда было видно, как вокруг доков сутились работавшие там люди. С лесопилки лошади тащили бревна и доски, слышались громкие крики, сменяющиеся руганью.

— Как ты мог заметить, — продолжал рассказывать Эрон, — Сизтл пока и городом-то назвать нельзя. Он находится черт знает где. Это самое сырое, самое холодное и противное место, какое только можно найти в окрестностях.

Но здесь растут великолепные деревья и есть прекрасный причал, приспособленный для вывоза древесины. Когда-нибудь этот город станет большим, но сейчас нет ни одного приличного участка земли для покупки. В настоящее время, — говорил Эрон, пока они спускались по Первой улице к небольшой роще, отгораживающей лесопилку от города, — я нанимаю на временную работу приезжих, новичков в наших краях. Поэтому у нас есть текучка, и с этим приходится мириться. Ты все увидишь сам, когда начнешь рассчитывать заработную плату уволенных. Мои сбережения позволяют пережить трудные времена, когда мы простаиваем из-за нехватки рабочей силы. Но, что касается Джейсона, ему нужна постоянная, полностью укомплектованная бригада, чтобы не нарушать контракты. И хотя гора Брайдл Вейл принадлежит Болту, у него вечно не хватает денег на регулярную зарплату рабочим. Дела шли бы лучше в уже отстроенном городе с постоянным населением.

Эрон вздохнул и продолжил:

— Но неужели люди поедут сюда, в эту мокрую дыру, только для того, чтобы пилить деревья? Однажды парни Джейсона пригрозили, что уволятся все сразу, если он не привезет сюда женщин, но не девок из Сав-Франциско, а настоящих женщин, тех, которые стали бы им женами и матерями будущих жителей города. Эта земля обещает многое, но когда каждая женщина может выбирать себе мужа из тридцати человек, ничего хорошего ждать не приходится. Поэтому-то Джейсон решил отправить капитана Клэнси к восточному побережью на поиски молодых женщин — будущих жен поселенцев.

— Понятно.

Ишмаэль обернулся и снова посмотрел на барак. Теперь здание показалось ему совсем маленьким и тесным. В окнах виднелись яркие ситцевые занавески, а из кухонной трубы валил дым.

— Я рассказывал тебе о войне, — продолжал Стемпл. — После нее на востоке осталось очень мало мужчин, а девушки лишились возможности выйти замуж. В конце 1866 года туда отправились капитан Клэнси и Болт. Тридцать девушек решились покинуть родной дом, чтобы попытать счастья на новом месте.

Иш понимающе кивнул.

— Неглупый, хотя немного сумасбродный поступок, — согласился он. — А какое отношение ко всей этой истории имеет гора Брайдл Вейл?

Стемпл хмыкнул:

— Так вот, Джейсон Болт — человек небогатый, несмотря на все его владения. И женить поселенцев он затеял не просто по доброте душевной.

Если бы Джейсон этого не сделал, рабочие устроили бы забастовку. Но для того, чтобы привезти девчонок сюда, да еще и содержать их, пока они не выберут себе женихов, нужна куча денег. Таким образом, Джейсон оказался припертым к стенке — без финансовой

поддержки ничего бы не получилось.

При воспоминании об этом Эрон усмехнулся.

— Я никогда не ладил с Джейсоном Болтом. Таких самонадеянных ублюдков ты, наверное, никогда еще не встречал. Но он сумел выманить птичек из гнездышек. В свое время, вскоре после приезда сюда, я приобрел право собственности на гору Брайдл Вейл при распродаже имущества старого Джона Болта. Но тут выяснилось, что за день до смерти он оформил дарственную своим троим сыновьям на совместное владение этой горой. Дело выиграл Джейсон и гора осталась за ним. С тех пор мы начали вставлять друг другу палки в колеса. В результате всей этой долгой истории вышло вот что:

Джейсон заложил право собственности на Брайдл Вейл и заставил обоих братьев подписать бумаги в обмен на то, что я оплачу все расходы по доставке девушек в Сиэтл и обязуюсь содержать их в течение года. И если в течение года хоть одной из них не будет сделано предложение выйти замуж, гора Брайдл Вейл станет моей.

— А девушки знают об этом? — спросил Ишмаэль.

Стемпл покачал головой:

— Нет, но боюсь, что Кэнди Прайт кое о чем догадывается: Они слышали о существовании какого-то пари, и будто бы спор идет о том, что в течение года все девушки должны выйти замуж, но им неизвестно, что Джейсон Болт рискует лишиться своих владений.

Стемпл и Ишмаэль прошли через небольшой участок леса, с трех сторон окаймлявший Сиэтл плотным кольцом, и под покровом густых ветвей поднялись на невысокий, но крутой холм. Сквозь оглушительный, шум воды было едва слышно, как где-то недалеко звенели пилы. Затем, словно из тоннеля, они снова выбрались на свет божий и остановились перед размытой дождем дорогой, ведущей к лесопилке. Впереди, слева от дороги, стояло небольшое чисто побеленное здание конторы лесопилки, а за ним возле небольшого водопада расположилась и сама лесопилка. Повсюду торчали пни, так что склон вокруг лесопилки Стемпла походил на плохо выбритый подбородок. Среди наваленных большими грудami бревен сновали люди. Узкая тропа, ведущая к четырехкомнатному городскому дому Стемпла, скрытому за деревьями, превратилась в глинистое месиво. Вдали виднелись очертания гор, покрытых зеленым ковром растительности.

— А что, Джейсон Болт действительно потеряет свою гору? — с любопытством спросил Ишмаэль.

— Разумеется, — отозвался Стемпл. — Срок пари заканчивается первого января. У него в запасе только три с половиной месяца. Десять девушек из тридцати уже вышли замуж, а половине из двадцати оставшихся сделаны предложения. Джейсону придется изрядно попотеть, чтобы к Рождеству сбыть с рук остальных, — тут Стемпл ухмыльнулся, — и все-таки пристроить всех до одной ему все равно не удастся.

— Тут что, какой-то математический закон или ты просто так уверен в победе?

Стемпл захохотал.

— Немного того, немного другого. Идем, я покажу тебе контору. Честное слово, я беру тебя своим бухгалтером не из любезности. Бумагами уже несколько месяцев никто не занимался, — Эрон махнул рукой вперед вдоль тропинки. — Там — мой дом, — сказал он и зашагал в сторону небольшого здания конторы.

Ишмаэль поспешил за ним, припадая на одну ногу и инстинктивно осматривая тропинку, заваленную обрезками древесины. «Интересно, задумался Ишмаэль, — почему несмотря на потерю памяти, ему кажется, что никогда в жизни он не произносил слов „мой дом“.

Глава 6

— И как он вам понравился? — спросила Кэнди Прайт, отходя от буфета с кофейником в руках. Джереми и Джошуа сидели у себя на кухне за длинным дубовым столом. Кэнди

опустилась на стул между ними.

Восседавший во главе стола Джейсон оторвался от чашки с кофе и поднял глаза на нее.

— Иш Маркс? Это странная птица.

Кэнди удивленно приподняла брови.

— Почему?

Удивление девушки вызвало у Джейсона улыбку. Он знал, что этот новенький понравился Кэнди, а несколько других нью-бедфордских девчонок просто-таки влюбились в племянника Стемпла. Не секрет, что некоторые из девушек равнодушны и к самому Джейсону.

Ужин заканчивался. Большой вырубленный участок леса, на котором братья Болт устроили свой бревенчатый лагерь, погрузился в темноту. В окнах барака на другом конце двора горел слабый свет. Где-то совсем рядом ухала сова, а издалека ветер доносил леденящие душу завывания койота.

Пока остывал кофе, Кэнди осматривала простую обстановку комнаты и с пристальным интересом наблюдала за тремя холостяками.

ДжерEMI всегда прекрасно готовил, ужины Джейсона были по-спартански просты, а у вечно мечтающего неизвестно о чем Джошуа еда непременно подгорала. Кэнди гостила в этом доме не впервые, и от ее внимания не ускользнуло то, как сегодня здесь все тщательно вычищено. Конечно, только Джошуа мог позаботиться об этом. В семье Болтов Джошуа выделялся характером и внешностью. Этот худой и стройный блондин абсолютно не похож на своих коренастых, широкоплечих и загорелых братьев. Кэнди снова взглянула на Джереми. В нем она чувствовала родственную душу и всегда понимала его с полуслова. Джереми поймал ее взгляд, но, смутившись, тут же отвернулся.

Джейсон все еще раздумывал над вопросом Кэнди, не зная, как выразить словами впечатление, произведенное на него племянником Стемпла. В конце концов он сказал:

— Иш не такой как все.

— Ты это из-за собак? — спросил Джошуа, не поднимая глаз от чашки.

В самом деле, все без исключения собаки Сизтла, словно сговорившись, невзлюбили Ишмаэля. Реагировали собаки по-разному: одни угрожающе рычали и набрасывались, другие тявкали и убегали, но даже самые дружелюбные из них всегда обходили Иша стороной. Котам же, как и нью-бедфордским девушкам, он, наоборот, чрезвычайно понравился.

— Не совсем, — отозвался Джейсон. — Просто меня не покидает ощущение, будто он появился здесь неспроста. Очень хотелось бы знать, что ему нужно.

— Это его личное дело, — вступил в разговор Джереми, потянувшись за сухарем, который Джейсон тут же ловко подтолкнул так, что сухарь проехал по столу и остановился как раз перед братом. — Если ты не доверяешь людям только из-за их сомнительного прошлого, то скоро потеряешь почти всех друзей. Здесь у каждого есть грех за душой.

— Он чертовски силен в математике, — внезапно вмешался в разговор Джош, как будто это утверждение было в пользу Маркса. — Знаете, что он недавно продемонстрировал мне? Ну так слушайте.

Джереми придвинулся поближе. Ему нравились фокусы Джоша с числами, хотя сам он не обладал такими способностями к этой науке.

— Задумайте любое число, — начал Джош, — теперь умножьте число, которое меньше задуманного на единицу, на число, которое на единицу больше задуманного. Полученное число будет на единицу меньше квадрата задуманного числа. И так получается всегда. С любым числом.

— Да ну? — удивился Джереми.

— Смотри. Берем цифру 5. Четырежды шесть двадцать четыре. Это на единицу меньше, чем пятью пять — двадцать пять.

— Да, но не может быть, чтобы так получалось всегда, — заспорил Джереми, — м... м, десять умножить на двенадцать будет...

— Сто двадцать, — подсказал Джошуа. — И одиннадцать умножить на одиннадцать будет сто двадцать один. А знаете, что он рассказал мне о простых числах?

— Наверняка что-нибудь заумное, — с улыбкой вставил Джейсон, давно смирившийся с пристрастием брата к математике.

Джошуа смущенно засмеялся. Он прекрасно понимал, что никто не разделяет его увлечения холодной абстрактной красотой чисел и не хотел смертельно наскучить братьям своими вычислениями.

Тем временем Кэнди и Джереми пустились в дальнейшие подсчеты, проверяя математический закон Ишмаэля. (Сто пятьдесят семь умножить на сто пятьдесят семь будет... так... переносим единицу... получится...) «Жаль, подумал Джейсон, — что Джош не смог получить хорошее образование. Годы усердного труда сначала с отцом, потом с братьями, затраченные на достижение успеха, сам Джейсон считал очень плодотворными, но, может быть, Джошу нужно было что-то еще. Ну что же оставалось делать, — сказал он себе, — у нас все равно не хватало денег, чтобы оплатить учебу Джоша в колледже». Конечно, Джейсон замечал, как жадно тянулся брат к знаниям, знаниям о таких вещах, в которых никто из окружающих ничего не смыслил. За все годы, которые они прожили в Сиэтле, нашелся лишь один человек, близкий Джошу по духу, и этот человек — Иш Маркс.

Кэнди положила мел и доску для резки овощей и объявила:

— Двадцать четыре тысячи шестьсот сорок девять.

Джереми запротестовал:

— Не может быть, чтобы так получалось всегда! Попробуем... попробуем взять число 1867! — он назвал первое пришедшее в голову число, означавшее подходящий к концу год, и все снова погрузились в расчеты.

Джейсон охладил их пыл, сказав:

— Перед тем, как вы займетесь сложной математической теорией, думаю, нужно решить вопрос о том, кто из вас в понедельник поедет в Сан-Франциско с Эроном и Ишем. Мы должны быть уверены в том, что будем знать настоящие суммы в сделке, которую они заключают с фирмой «Страэн и сыновья».

Джош и Джереми обменялись взглядами. Каждый из них прекрасно знал собственные недостатки и достоинства брата. Все считали, что Джош хорошо умеет считать, а Джереми лучше ладит с людьми. Этот талант, очевидно, развился у Джереми, поскольку он самый младший из братьев и самый невысокий. При росте всего в пять в небольшом футе ему рано пришлось научиться приспосабливаться. Джереми сказал:

— Я п-поеду.

Джош согласно кивнул.

— Продолжаем, — вступила Кэнди, — 1867 умножить на 1867, будет...

Поздно вечером, провожая ее обратно в город, Джереми спросил:

— Что тебе привезти из Сан-Франциско? Кэнди поправила плащ на плече.

— Привези мне шерстяных ниток. В ноябре у Лотти день рождения.

Конечно, она не скажет, сколько ей исполняется, но я хочу связать для нее платок. Бидди учит меня вязать. Раньше у меня никогда не хватало терпения на это дело, но теперь, кажется, что-то стало получаться.

— Хорошо.

Последовала недолгая пауза. Вокруг все быстро менялось. Бледный свет луны пропал, и тут же воцарилась крошечная тьма. Задул сырой пронизывающий ветер и Кэнди поежилась от холода в своем плаще. Джереми спросил:

— Можно я привезу тебе колечко?

Кэнди затаила дыхание и Джереми разглядел в потемках, как гневно сузились ее глаза и сжались красиво очерченные губы.

— Это Джейсон велел тебе спросить?

— Нет! — возмутился Джереми.

Не то, чтобы он солгал, но доля правды была и в том, что Джейсон давно советовал ему

поторопиться с женитьбой. В горячности Джереми Кэнди заподозрила частичное подтверждение своим словам.

— Я не выйду замуж ни за тебя, ни за кого-либо другого только для того, чтобы Джейсон Болт выиграл свое глупое пари.

Кэнди ускорила шаг. Джереми поспешил за ней.

— К-Кэнди, пари здесь ни при чем. Я бы не стал просить тебя...

— Мне все понятно! — вскипела она. — Прекрасное настроение Кэнди после приятно проведенного вечера в доме Болтов мгновенно улетучилось так она разозлилась на Джейсона за то, что он сует нос не в свое дело.

— Вовсе нет! Я спросил потому, что люблю тебя. И для чего же ты тогда приехала в Сиэтл, если не ради того, чтобы выйти замуж?

Кэнди набросилась на него со сверкающими глазами и побелевшими губами:

— Тебя, Джереми Болт, это совершенно не касается! И если тебе не кажется, что я и так пережила достаточно унижений, когда нас перевозили сюда словно стадо коров, то ты даже глупее своего брата! Да еще он умудрился заключить какое-то идиотское пари о...

— Это не идиотское пари! — воскликнул Джереми, пытаясь перекричать ее, при этом забывая, что так они никогда не договорятся.

— Но Джейсон ведь заключил его? — строго потребовала ответа Кэнди.

И когда Джереми, разрываемый между чувством привязанности к брату и любовью к девушке, ничего не сумел ответить, она молча отвернулась и быстро зашагала по тропе, ведущей к городу. Джереми догнал ее, стараясь удержать, но Кэнди решительно вырвалась из его объятий.

— Ничего больше не говори мне, — процедила она сквозь зубы.

— К-Кэнди, пари не имеет к нам никакого отношения!

— Ко мне это имеет отношение! — резко бросила она в ответ, — ведь это и твоя гора тоже, не так ли? Ты так же заинтересован в женитьбе на мне, как и Джейсон. Вы что, бросали жребий? Другому выпало жениться на Бидди?

Так все происходило?

Джереми молчал, раздумывая, следует ли сказать правду, как бы запутана она ни была, или обмануть ее насчет злополучного пари, как велел Джейсон. К несчастью, его молчание слишком затянулось.

— Вы — мужики!

Она промчалась мимо как ураган. Пошел холодный дождь. Когда Джереми побежал вслед, Кэнди злобно выкрикнула:

— И не смей идти за мной!

Несколько минут Джереми стоял под дождем, глядя в ту сторону, куда умчалась Кэнди. Его длинные волосы совсем промокли, и вода стекала за воротник пальто. Мир, насквозь пропитанный дождем, лившим две недели, подряд, вдруг показался ему холодным и мрачным.

Джереми вздохнул и побрел следом за Кэнди. Он прекрасно понимал, как неудобно ночью в лесу и, вдобавок, был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить девушке пройти одной три мили, отделявшие дом Болтов от Сиэтла.

Сквозь запотевшие после мытья посуды окна кухни Джошуа и Джейсон видели, как их брат растворился во тьме.

* * *

Горбатые, как верблюды, часы, стоящие на деревянной полочке над камином, устало заскрипели и пробили три четверти часа. Спускаясь вниз по темной лестнице, Ишмаэль Маркс бессознательно отметил про себя: без четверти четыре. До этого времени Ишмаэль сладко спал, но тем не менее каким-то образом ему стало известно, что дождь прекратился два с половиной часа назад. Часть облаков рассеялась, бледный свет луны озарил участок

перед домом Стемпла и лица двух женщин, стук которых и заставил Ишмаэля отворить дверь.

— Миссис Хэтфилд, мисс Клум! — удивленно приветствовал он гостей. Что-нибудь произошло?

— Мы сами пока не знаем, — отозвалась Лотти, следуя за ним в гостиную. Билли добавила:

— Дело в том, что вчера вечером Кэнди отправилась к братьям Болт и до сих пор не вернулась. Мы боимся, как бы с ней не случилось беды. Я все ждала и ждала, дождь лил несколько часов подряд, а она так и не появилась.

— Может быть, она осталась там ночевать? — спросил Иш, направляясь к догорающему камину, чтобы зажечь лучину, а от нее — керосиновую лампу.

— Ну уж нет, — отвергла это предположение Бидди. — Это было бы неприлично.

— Вероятно, Кэнди решила, что остаться будет благоразумней, чем тащиться в город ночью.

— Я же сказала, что мы ничего не знаем, — вставила Лотти. На ее круглом розовом лице застыло выражение тревоги. — И все же, я надеюсь, что Кэнди переждала дождь и отправилась в обратный путь несмотря на поздний час. Мне неудобно просить вас об одолжении, но не смогли бы вы с Эроном проводить нас до горы Брайдл Вейл? Мы должны убедиться, что все в порядке.

— В чем дело? — разбуженный шумом голосов Стемпл спускался по лестнице, на ходу застегивая рубашку. — Черт возьми, который час?

— Без восьми минут четыре, если часы не врут, — как всегда предельно точно ответил Иш. — Лотти и мисс Клум просят сходить с ними к горе Брайдл Вейл. Они хотят удостовериться в том, что с мисс Прайт все в порядке.

— В такой ранний час? Наверняка она осталась там ночевать.

— Думаю, вы ошибаетесь — настаивала на своем Лотти. — Девочки никогда не позволяют себе такого, особенно Кэнди. Лучше уж пойти и все проверить.

— Я с вами, — заявил Ишмаэль и пошел надевать сапоги.

Стемпл немного поворчал, но все же отправился в другой конец комнаты за своей обувью.

Приблизительно через час все четверо поднимались на последний пригорок по пути к лесному лагерю братьев Болт. Они подошли к потемневшему от сырости дому, который построил старик Болт, когда заполучил гору, и увидели свет в окнах пристроенной к дому кухни. Из печной трубы вылетело облако белого дыма.

На стук вышел Джошуа. Он был босиком, в одних джинсах и майке.

Светлые волосы падали на глаза. Едва взглянув на них, он спросил:

— Что случилось?

— Кэнди Прайт здесь не ночевала? — прямо спросил Стемпл Джош перевел взгляд на Лотти, затем на Бидди. Неожидаемое появление женщин обескуражило его. Выходит, они с Джейсоном ошиблись, решив, что Джереми остался на ночь в Сиэтле. Он отрицательно покачал головой:

— Входите. Сейчас я позову Джейсона.

Джош быстро прошел через длинную комнату, бросив на ходу:

— В кухне можно выпить кофе.

— Я так и знала. Кэнди ни за что бы не осталась, — запричитала Бидди, — я не сомневалась в этом. Но... — она бросилась в кухню, достала несколько чашек и отнесла к столу. — Но, Эрон, что же нам теперь делать?

Ох, Джейсон...

— Бидди, успокойся, — крикнул ей Джейсон, поспешно натягивая на себя куртку из оленьей кожи.

Он вышел из общей спальни, расположенной на верхнем этаже.

— Но с ними могло случиться все, что угодно! — простионала Бидди. — На них могли

напасть индейцы или медведи, или река разлилась...

— Между нашим домом и Сизтлом нет никаких рек, — напомнил Джошуа.

— Но ведь всякое... — не успокаивалась она, не обращая внимания на его слова.

— Мисс Клум! — сурово заговорил Ишмаэль. — Не нужно напрасно сеять панику, кроме того, в ваших рассуждениях нет логики. Вы преувеличиваете опасность. С ними не могло случиться «все, что угодно». На них не наехал поезд и динозавр не напал, и, если вы наконец не замолчите, я просто зажму вам рот.

Билли мгновенно замолчала, широко раскрыв глаза. Джейсон, давясь от смеха, заслонился кофейной чашкой. Но Иш продолжал:

— Поскольку дождь смыл все следы, мы можем только догадываться, куда они пошли. По пути мы будем делать зарубки на деревьях.

— Но ведь вы уже прошли по дороге в Сизтл! — заметил Джошуа. Отсюда в город нет другого пути.

— Мы думали, что найдем их здесь, — сказал Стемпл. — Через час станет светло, и мы сможем начать поиски.

Они вышли из дому как только рассвело. Стемплу стало не по себе, когда он заметил, что в густом утреннем тумане Ишмаэль способен различить каждую мелочь. Ни оба Болта, ни их люди таким талантом не обладали. Билли со свойственной ей настойчивостью потребовала, чтобы мужчины взяли ее с собой и наотрез отказалась вернуться в город в чем-либо сопровождении.

— Но это не женское дело, — гневно запротестовал Стемпл.

И тут он впервые почувствовал что пришелец оказался в затруднительном положении. Одна из бровей озадаченного Иша поползла вверх.

— Я не вижу логики в этом утверждении, — заявил он через минуту.

Теперь уже Стемпл оказался в замешательстве.

— Э... да... она будет только мешать! Приподнялась другая бровь.

— Эрон, насколько я знаю, мисс Клум находится в этих глухих местах на восемнадцать месяцев дольше меня и, вдобавок, не хромает.

Несколько секунд Стемпл молчал, подыскивая ответ, потом решил прибегнуть к старому затасканному аргументу:

— Но она же женщина!

— Вы очень наблюдательны, Эрон, но, может быть, вы все-таки объясните мне, какое это имеет отношение к поиску пропавших людей?

— Черт бы тебя побрал, ты...

Иш вежливо подождал, не добавит ли Эрон к сказанному еще чего-нибудь.

Когда продолжения не последовало, он заявил:

— «Черт бы тебя побрал» нельзя назвать убедительным аргументом в споре.

Эрон лишь гневно взглянул на него и повернулся лицом к Бидди. Ему пришло в голову, что там, откуда Ишмаэль прибыл, наверное, несколько по-другому относятся к женщинам. «Безусловно, так оно и есть», — решил он, слегка разозлившись на себя за упрямство. Конечно, не хотелось мириться с присутствием Бидди, но слова пришельца заставили его призадуматься.

Поведение Иша часто удивляло Эрона. Он наблюдал, как Иш старается приспособиться к новой обстановке, но временами просто забывал, что он пришелец из космоса. Бывали моменты, когда Иш не мог или не хотел вести себя как все, и его спокойные критические замечания заставляли задуматься о таких вещах, которые раньше Эрон считал само собой разумеющимися.

«Хоть Ишмаэль и не может ничего вспомнить о том мире, в котором он появился на свет, — думал Эрон, молча протискиваясь сквозь заросли — но все же прошлая жизнь оставила в его душе очень глубокий след. Он будто слеппен из другого теста».

Когда они свернули с главной дороги на какую-то тропинку, ход его мыслей нарушила Бидди, воскликнув:

— Эта тропа никуда нас не приведет!

— Если они заблудились в лесу во время дождя, — бросил Ишмаэль через плечо, — то искать нужно в лесу. А если, как вы выразились, случилось «все, что угодно», то невозможно предугадать направление поисков.

Наверное уже в сотый раз все остановились, чтобы дать Бидди отдышаться. Иш напряженно вглядывался в темную глубину леса. — Оттуда доносились удалявшиеся голоса людей, отправившихся на поиски вместе с ними.

Эрон задумчиво произнес:

— Джереми хорошо ориентируется в лесу. Мне кажется, он не мог заблудиться по дороге в город, несмотря ни на какой дождь. — Я тоже так думаю, — Ишмаэль снова поднял на него глаза и досадливо нахмурил свои странные брови.

— Ты хочешь что-то предложить?

Иш сделал неопределенный жест рукой.

— Да так, ничего. Просто я знаю, как можно упростить поиски. Я умею сканировать пространство в поисках жизненных форм.

Ишмаэль повторил свой жест, словно брал в руки какой-то привычный инструмент.

«Вот оно снова», — подумал Эрон, озадаченно вглядываясь в лицо молодого Мефистофеля. То, как Иш строит фразы, порой и раньше удивляло Стемпла. Сейчас же из его уст случайно вылетело то, что пряталось в глубине сознания. Чтобы не означали слова «поиск жизненных форм», это звучало так же странно, как утверждение о том, что женщина может принимать участие в поисках пропавших наравне с мужчинами. Видимо, мертвое море его памяти выбросило какой-то осколок. Ишмаэль продолжал:

— Можно ли где-то поблизости укрыться от сильного дождя? К полуночи с неба полилось как из ведра.

Эрон не стал спрашивать, откуда Ишу известно об этом. Насколько он помнил, в это время они спали глубоким сном в своих теплых постелях. Эрон лишь сказал:

— Неподалеку есть заброшенная шахта. Кто-то копал здесь землю в пятьдесят третьем году, рассчитывая найти золото. Главный тоннель давно завалило, но осталось с полдюжины небольших ответвлений и пара вентиляционных шахт.

— Но лезть туда было бы просто глупо. Они бы не стали сворачивать с дороги, — вставила свое слово наконец пробравшаяся сквозь заросли папоротника Бидди.

Одной рукой она придерживала подол платья, из-под которого виднелись высокие ботинки со шнуровкой и промокшие кружева нижней юбочки.

Ишмаэль протянул ей руку и помог перебраться через бугор.

— Решение мисс Прайт отправиться в путь в потемках под проливным дождем, только чтобы соблюсти какие-то там правила приличия, не позволяющие ночевать в доме неженатого мужчины, представляется мне не меньшей глупостью.

Бидди поскользнулась на мокрых листьях, и Ишмаэль удержал ее от падения, не прилагая абсолютно никаких усилий. Это напомнило Стемплу о том, с какой силой Иш сдавил его руку, когда лежал на кровати в беспамятстве. Под морозящим дождем лицо пришельца казалось суровым а, неприятным, хотя необычные детали его внешности скрывались под длинными волосами. Эрону показалось, что Бидди вздрогнула, когда Иш удержал ее за руку, но прозвучавшие слова отвлекли внимание девушки и она возбужденно воскликнула:

— Я знаю Кэнди! Если бы она осталась, у нее были бы неприятности, потому что она и Джереми... короче говоря, пошли бы разговоры.

— Очевидно, сплетен она боится больше, чем воспаления легких?

— Ну, конечно!

Ишмаэль повернулся и углубился в лесную чащу. Когда Стемпл поравнялся с ним, ему показалось, что Иш тихо пробурчал: «Ох уж эти люди!»

— Это верно, — продолжала развивать свою мысль Бидди, цепляясь за руку Стемпла, чтобы не отстать. — Воспалением легких можно переболеть да вылечиться, но вот от

сплетен...

Внезапно налетел сильный ветер. Верхушки сосен зашумели словно море в шторм. Пробираясь сквозь колючие ветки вместе с Бидди Клум, Стемпл подумал: «Как это Ишу с его больной ногой удастся так быстро шагать?» Над их головами сгустились черные тучи, и сразу стемнело. Еще какой-нибудь час и поиски придется прекратить.

Они вышли из-под густых ветвей. Впереди на небольшой возвышенности Эрон увидел одинокую фигуру Иша. Ветер трепал полы его непромокаемого пальто, разметая во все стороны длинные черные волосы. На какое-то мгновение он показался Стемплу чудовищем, спустившимся с этого темного неба, — так странно и совсем не по-человечески выглядел Иш. Бидди вздрогнула от испуга и шумно вздохнула. Ветер ненадолго стих, и Иш склонился, сосредоточенно прислушиваясь, хотя в напряженной тишине на раздавалось ни единого звука. Стемпл хотел было подойти поближе, но Бидди удержала его за локоть, словно боялась двинуться с места. Иш поднял голову.

— Вы слышите?

— Слышим? Что слышим?

Иш поднял руку, призывая к тишине. Порыв ветра всколыхнул ветки над головами, обдав Стемпла и Бидди дождевыми каплями.

— Голоса, — тихо сказал Иш. — Под землей слышны голоса.

Эрон и девушка смущенно переглянулись, но Иш уже стремительно, как койот за добычей, бежал дальше. Склонив голову набок, он прислушивался к чему-то на ходу. Недоуменно пожав плечами, спутники отправились за ним.

Они догнали Иша лишь на другой стороне холма, там, где деревья снова сгущались. Он застыл не двигаясь возле какого-то странного деревянного сооружения, напоминающего упавшую будку.

— Ой, это одна из старых вентиляционных шахт, — воскликнула Бидди. Эти штуки строились для того, чтобы животные и разные предметы не могли свалиться в...

— Замолчи ради всего святого, — огрызнулся Иш, — и слушай.

Бидди подчинилась. Через минуту Стемпл сказал:

— Я совершенно ничего не слышу.

Ишмаэль резко наклонился и начал разгребать нагромождение досок с такой бешеной силой, что наблюдавшим за ним стало не по себе. Шахта, а вернее узкая дыра в скале, уходящая вниз бог знает на какую глубину, почти полностью заросла травой. Иш опустился возле нее на колено и прижался ухом к земле. Секунду поколебавшись, Стемпл сделал то же самое и наконец-то смог уловить какие-то очень далекие голоса. Внизу, в темном тоннеле заброшенной шахты, пели мужчина и женщина.

* * *

Через несколько часов завернувшаяся по уши в одеяло Кэнди сидела в теплой гостиной. В ее волосах застряли комочки грязи из шахты.

— Я хотела укрыться от дождя. Джереми полез за мной. Конечно, это было ужасной глупостью, потому что весь холм залило водой и просто удивительно, что вход в шахту не провалился раньше.

Джейсон понимающе вздохнул.

— О таких вещах почти никогда не задумываешься.

Он вытирал полотенцем мокрую голову. К этому времени почти все мужчины, помогавшие вызволить Кэнди и Джереми из шахты, разошлись. Кроме братьев и Кэнди в доме остались лишь Ишмаэль, Стемпл и Бидди. Шахту так сильно завалило землей, что раскапывать вход пришлось почти весь день.

Приближался вечер, в камине потрескивали дрова и при неярком свете лампы комната казалась необыкновенно уютной.

Джошуа спросил:

— Почему вы пели? Как вы додумались до этого?

Кэнди ответила не сразу. Задумавшись, она вертела в покрасневших, еще не отогревшихся пальцах фарфоровую чашку.

— Вы что, надеялись, что кто-нибудь услышит? Кэнди отрицательно покачала головой.

— Мы долго бродили под землей в темноте и наконец нашли место, где пробивалась струя свежего воздуха. Джереми сказал, что это вентиляционная шахта. Ничего не было видно, и мы не знали, как выбраться наружу. Мы звали на помощь, наверное, несколько часов подряд. Потом поняли, что это бесполезно, все равно никто не услышит.

Кэнди подняла голову. В ее карих глазах отражался огонь камина.

— Думаю, теперь вам станет ясно, почему мы пели. Просто было очень страшно. Мы знали, что никто не сумеет нас найти.

Она перевела взгляд на Ишмаэля. Тот спокойно стоял возле огня.

— Спасибо.

Бидди воскликнула:

— И все-таки я не понимаю, как Иш смог услышать...

Дверь в кухню отворилась. Входя в комнату, Лотти расправляла закатанные рукава платья.

— С Джереми все в порядке, — поспешила она заверить вопросительно смотрящих Джейсона и Джошуа. — Он отделался всего лишь шишкой на голове, да еще сильно замерз. Понаблюдайте за ним несколько дней. Если боль в голове усилится или он начнет бредить... — она замолчала. В серьезных случаях, там где требовалась помощь квалифицированного врача, Лотти была бессильна, а за ближайшим врачом приходилось ездить в Сан-Франциско.

Джейсон вздохнул, и напряженные мышцы его лица, хранившего суровое выражение на протяжении последних двенадцати часов, расслабились. Спустя минуту он сказал:

— Джош, думаю тебе все-таки придется плыть в Сан-Франциско с Ишмаэлем и Эроном. Ты сможешь отправиться утром?

Бидди, никак не выразившая своей радости по случаю благополучного завершения событий, снова затвердила свое:

— Все равно я не могу понять, как Ишмаэль сумел услышать вас.

— Ну хорошо, — вмешался в разговор Стемпл преувеличенно бодрым тоном, одновременно поднимая со стула пальто Ишмаэля и свой плащ, — Иш, если мы собираемся отплыть утром, нужно пойти домой и уложить вещи. До скорой встречи, Джошуа. Он резко распахнул дверь, и Ишмаэль послушно поплелся за ним под дождем. Они молчали всю дорогу до лесопилки. Только когда мужчины вышли из леса, отделявшего дом и лесопилку от Сиэтла, Эрон наконец заговорил:

— Тебе придется соблюдать осторожность. Люди не способны слышать такие далекие звуки. Если ты обладаешь еще какими-нибудь необыкновенными способностями...

— Но я же ничего не знал об этом, Эрон, пока не случилось несчастье, — ответил Иш.

Они шагали по мокрой траве, окаймлявшей тропу. Шел противный морозящий дождь. Где-то вдалеке за лесопилкой послышался отдаленный, раскат грома.

— Но как иначе можно было убедить Джейсона в том, что я обнаружил их?

Тут палка о двух концах.

Стемпл мгновенно обернулся.

— Что? — воскликнул он, нахмурившись. — Там, откуда ты прибыл тоже порой случаются неприятности?

— Если отбросить тот факт, что поиски велись нелепыми методами, то нет никаких оснований считать... — Внезапно Иш запнулся и остановился, инстинктивно потянувшись рукой к голове. Успевший уйти немного вперед Эрон тут же вернулся к нему:

— В чем дело?

Иш покачал головой. Эрон заметил, что у него участилось дыхание.

— Я-я не знаю.

Иш ощупал те места на голове, где, как помнил Стемпл, до сих пор сохранились зеленые отметины.

— Воспоминание...

— О чем?

Иш молчал, глядя куда-то вдаль. Эрон решил, что он ищет какое-то место в лесу, но Ишмаэль со вздохом опустил руки.

— Оно исчезло. На мгновение я вспомнил те места, где жил раньше, но тут же все пропало.

Он стал растирать шрамы, сохранившиеся на запястьях, очевидно, даже не замечая этого, затем двинулся дальше.

— Но, что бы там ни было, — вздохнув, начал Эрон, поравнявшись с Ишем, — если бы не ты со своими удивительными способностями, Кэнди и Джереми непременно погибли бы в шахте. Значит, все-таки хорошо, что ты тут оказался, и не так уж важно кто ты, откуда и зачем. Ты мучился не напрасно.

— Нет, — внезапно произнес Ишмаэль и снова остановился. Все пространство земли, окружавшее лесопилку, было в сплошных лужах. — Нет, Эрон, я должен что-то сделать здесь. Меня послали неспроста, — сказал он осипшим от напряжения голосом, — Куда послали? Сюда, в Сиэтл? — спокойно спросил Эрон.

Иш снова поднял руки, сжав ладонями голову, и Эрон заметил, как на лице пришельца выступили капельки пота. Ишмаэль снова задышал часто и прерывисто, как будто силясь перебороть что-то внутри.

— Не знаю, я ничего не помню. И все-таки я должен был сделать что-то важное, очень важное. Как только я пытаюсь сосредоточиться на этом, появляется воспоминание о невыносимой боли. Я должен...

«Воспоминание о боли, — подумал Эрон, с беспокойством следя за ним, воспоминание о боли, и такое же сильное, как сама боль». Эрон тронул пришельца за плечо и почувствовал, как тот дрожит. В темных глазах Иша застыло выражение невыносимого страдания.

— Иш, — тихо заговорил он, — ты сказал, что не можешь ничего вспомнить, но узнаешь вещи, которые видел раньше. Так может быть, логично предположить, что именно в нужную минуту ты и вспомнишь, зачем сюда послан?

Некоторое время Ишмаэль молчал, и Эрон почувствовал, что он успокоился. Видимо, Иш отказался от попыток пробить глухую стену, отделяющую его от прошлого. Он медленно произнес:

— Вполне вероятно.

— Кто знает? — продолжал Эрон, всеми силами пытаясь вывести Иша из состояния странной задумчивости, которое он не раз наблюдал в доме на Игл Хед Пойнт. — Может быть, ты уже успел все сделать, даже не зная об этом?

— Верно, — согласился Ишмаэль, снова возвращаясь на тропу, — как верно и то, что я мог предотвратить совершение какого-то страшного события.

Глава 7

— О Джимми, привет. База битком набита разными учеными.

Мария Келлог мчалась по сверкающему сталью коридору, опережая Кирка.

— У нас тут половина ученых всей галактики. Все хотят увидеть фейерверк, который устроила проклятая звезда — тот самый белый карлик.

Некоторые из них не были здесь уже несколько месяцев. Думаю, кое-кто будет для нас весьма полезен.

Она завернула за угол и открыла двойные двери с табличкой «Лаборатория N7». Ботинки зашуршали по облицованным алюминием ступеням.

Кирк последовал за ней.

— Думаешь, доктор Штайнер сможет нам помочь?

— Я в этом уверена.

Они оказались в лаборатории. По сравнению с бесконечными тоннелями новая часть базы казалась очень просторной и необыкновенно насыщенной свежим воздухом. Это помещение еще наполовину не достроено: алюминиевые полы не покрыты пластиком и внутренние стены пока не отделаны. Повсюду слышались отдававшиеся гулким эхом голоса людей и представителей других планет, облаченных в рабочие комбинезоны. Все были чем-то заняты.

— Аурелия — лучший из всех известных мне практических астрофизиков, продолжала Мария Келлог, заводя Кирка в новый коридор, не имеющий потолка.

Очень высоко вверху Кирк разглядел крышу.

— Она прошла обучение в научном центре «Потемкин» и обладает большим практическим опытом, чем многие присутствующие здесь ученые, хотя они и занимаются расщеплением нейтрино. Если клингонам все-таки удалось внедриться во время, она сумеет понять, как это удалось и, возможно, подскажет, каким образом мы смогли бы сделать то же самое. А если до этого еще не дошло, то с помощью собранных вами данных об исчезнувшем транспортном судне она выяснит, что же они, черт побери, затеяли.

Кирк кивнул. Слова командира базы произвели на него большое впечатление. Кирку было известно, что когда-то Келлог в должности главного инженера руководила группой ученых на крейсере «Рипаблик». Это казалось странным по многим причинам, и главная из них состояла в том, что в состав всего большого экипажа входило только шесть людей. Перебирая в уме имена всех знакомых женщин-инженеров, Кирк пытался вспомнить, встречался ли он когда-нибудь раньше с Аурелией Штайнер.

Держа руку на диске, открывающем дверь в астрофизическую лабораторию № 14, командир сказала:

— Кстати, как ты относишься к дрельбам? Они не нервируют тебя? Ведь Аурелия — дрельб. Это имя она приняла для удобства в общении с людьми.

«Ведь и Мария изменила свое имя», — с улыбкой подумал Кирк, входя в лабораторию вслед за ней.

Мария никогда не делала различий между людьми и прочими существами с разных планет, благодаря этому и другим достоинствам она и стала таким превосходным командиром базы. Хотя Келлог и любила называть себя простым инженером, она обладала чрезвычайно развитой интуицией и прекрасно владела ксенопсихологией, что не раз помогало ей спастись от смерти. Эти знания здоровогодились ей на крейсере «Рипаблик», переполненном орионами, кзинтами к трисками.

Аурелия работала в лаборатории в полном одиночестве. Стол был завален компьютерными распечатками. Она стояла за столом и как только дверь отворилась, обернулась, глядя на вошедших огромными голубыми глазами с настоящими длинными ресницами. Она ничего не сказала, но от испытываемой радости студенистая масса ее конусообразного тела осветилась мягким розовым светом и в стерильном воздухе лаборатории распространился запах, похожий на аромат ванили и свежее испеченного пирога.

Оценив это своеобразное приветствие, Мария сказала с улыбкой:

— Я тоже рада тебя видеть, Аурелия. А это Джим Кирк, капитан «Энтерпрайза». У нас проблемы. Может быть, ты согласишься помочь?

Студенистая масса тела дрельба из розовой стала желтой. По туловищу побежали зеленые полосы. Длинные ресницы задрожали, в глубине протоплазмы что-то зашевелилось и появился симпатичный круглый ротик с маленьким языком.

Приятный голос спросил:

— Проблема теоретического характера?

— В какой-то мере да, — командир опустила на стул.

Голубые глаза внимательно изучали Кирка. Затем внезапно весь конус осветился голубым сиянием и снова послышался негромкий голос:

— Джим Кирк, не падайте духом. Я сочувствую вашему горю.

Она произнесла несколько слов, но Кирк почувствовал, что это было сказано совершенно искренне. Можно солгать, но подделать такой цвет и запах нельзя. Дрельбы вообще необыкновенно вежливы и чрезвычайно правдивы, из-за чего, порой, с ними случаются неприятности. Тем немногим дрельбам, которые решились покинуть родные дома и свою планету, известно, как воспринимают их изменчивую природу другие существа, способные скрывать свои истинные чувства. И поскольку они совершенно безобидны, то привыкли прежде всего заботиться о благополучии окружающих. Кирк понимал, для чего Аурелия обзавелась большими голубыми глазами, так похожими на человеческие, ведь люди чувствуют себя гораздо лучше, когда смотрят собеседнику в глаза. И все-таки это глубоко тронуло его.

— Спасибо, — сказал он. — Дело связано с происшествием, в котором мы никак не можем разобраться. Поэтому мы и просим вашей помощи.

Аурелия слегка переместилась и превратилась в гладкий студенистый шар, вобрав белые руки с тонкими пальчиками внутрь. Но глаза остались на месте, и по ним Кирк мог следить за ее реакцией. Он рассказал о транспортном корабле, об Эридановом Облаке, о клингонах и о разговоре с Трэ.

Аурелия слушала молча, но о ее чувствах свидетельствовали изменения цвета шара. Когда Кирк процитировал первую передачу данных, сделанную Споком с корабля клингонов, шар принял яркую красновато-сиреневую окраску, а взгляд стал более напряженным и уже не походил на человеческий.

«Вулканец на ее месте, — почему-то подумал Кирк, — непременно заметил бы:

«Любопытно!» Но от дрельба лишь запахло корицей».

— Вулканец Трэ сообщил нам, что никакое изменение исторического события не приведет к предсказанному ранее результату. Даже не имеет значения, где клингоны захотят вмешаться — в Клинжае или на Земле. Я хочу узнать вот что: могли ли клингоны внедриться в прошлое и внести какие-то изменения?

С минуту подумав, Аурелия ответила:

— Вероятность этого составляет девяносто восемь процентов. Они могли воспользоваться кустарной методикой, но эффект гравитационных полей облака и белого карлика в совокупности с константой Тиллмана свидетельствует о высокой степени вероятности.

В теле дрельба сформировалось что-то вроде щупальца. Скользнув по комнате, оно добралось до стола и схватило тонкие пластмассовые карточки.

Другим щупальцем Аурелия взяла калькулятор. Затем появились какие-то странные конечности. С их помощью Аурелия начала что-то подсчитывать, делая пометки на карточках. При этом студенистая масса ее тела стала ярко-желтой. Когда она задумывалась, тело пронизывали красные и фиолетовые импульсы. Покончив с вычислениями, — Аурелия вобрала в себя конечности и успокоилась, превратившись в темно-фиолетовый шар.

— Так что же? К какому выводу ты пришла? — спросила до сих пор молчавшая Мария Келлог.

Почти совсем исчезнувшие во время работы глаза вернулись на прежнее место и широко раскрылись.

— Пока что ничего нельзя сказать. В данный момент я рассматриваю средства и способы. Мне нужны данные компьютера, полученные во время исчезновения транспортного корабля.

Кирк протянул ей пластмассовую коробочку со всей информацией, полученные компьютерами «Энтерпрайза» во время того проклятого полета с Двенадцатой Звездной Базы до Эриданова Облака и обратно. Чтобы взять коробочку, Аурелия сначала выпустила щупальце, но, передумав, вобрала его обратно и вытянула маленькую белую ручку с розовыми коготками. Вокруг снова принявшего конусообразную форму тела дрельба, очевидно в знак благодарности, возникло теплое золотистое свечение. Однако сама Аурелия осталась темно-фиолетовой, так как сосредоточилась на решении важных астрофизических

проблем.

Через минуту фиолетовая окраска перешла в красную. Аурелия отвернулась и медленно, как улитка, поползла к компьютеру. Келлог вскочила со стула и подошла к Кирку.

— Наше время истекло, — тихо сказала она. — Дрельбы не любят прощальных церемоний. Затем она заговорила громче:

— Аурелия, мы больше ничем не можем быть полезны?

На этот раз рот появился на противоположной стороне конуса, как раз перед Кирком и командиром базы.

— Нет. Я скоро пришлю вам результаты вычислений и отчет. Благодарю за то, что вы обратились ко мне с этой проблемой. Была рада познакомиться с Джимом Кирком.

— А я рад тому, что имел возможность встретиться с вами, Аурелия, ответил Кирк.

Как и дрельб, он сказал чистую правду. Аурелия мгновенно порозовела от удовольствия, но едва за Марией Келлог и Джимом Кирком закрылась дверь, она снова стала фиолетовой, погрузившись в работу. Несмотря на присущую им эмоциональность, дрельбы — очень трудолюбивые существа. Работа у них всегда на первом месте.

Кирк и Келлог отправились в самый большой кафетерий. Там они встретили Маккоя. Помещение кафетерия представляло собой огромную комнату, наполовину заставленную высокими столами из металла и пластика.

Нейтральный цвет стен приятно ласкал взгляд. В замысловатом орнаменте на ярком пластиковом полу смутно угадывались изображения овощей, фруктов и прочих вкусных вещей. В этот час в помещении находилось всего несколько посетителей. За столом в углу сидела парочка гвиританок. Они не спеша поглощали кашу, приготовленную из какой-то смеси гороха с сыром. Едва Кирк и Келлог появились, одна из них вытянула шею поверх головы своей спутницы и широко улыбнулась командиру базы. С другой стороны восседала тесная группа клингонов. Они потягивали свой неизменный кофе и обсуждали какие-то мелкие проблемы. Клингоны никак не могли решить, кому из них придется идти с отчетом к представителю империи.

— Вот он! — тихо сказала Келлог, когда они с Кирком направлялись к столику, за которым их поджидал Маккой.

Джим проследил за ее взглядом и увидел высокого клингона, присоединившегося к группе коллег секунду назад. На вид ему где-то под шестьдесят. Густые вьющиеся волосы и бороду тронула седина. На лице застыло холодное суровое выражение. Несомненно, такой человек никогда не пойдет на компромиссы. Открытый лоб клингона украшала слегка стершаяся татуировка, напоминающая кастовую. Одет он был, в отличие от других сидящих за столом ученых, не по-военному.

— Кхлару? — тихо спросил Кирк. Командир базы утвердительно кивнула.

— Среди этих клингонов на самом деле очень мало ученых, — заговорила командир базы, опускаясь на стул рядом с Маккоем. — У клингонов ученые занимают незавидное положение. Видимо, Кхлару пользуется огромным авторитетом среди их историков, и ему позволено больше, чем другим.

— Такие, как он, пишут учебники по истории, замалчивая и искажая факты, — неприязненно заметил Кирк.

— Оставь их в покое, — с улыбкой отозвалась Келлог. — Кому из жителей Федерации известна правда о злоключениях Эллисона?

Кирк вздохнул. С ней нельзя было не согласиться. В том деле Федерация здорово запятнала свою репутацию, поэтому все так тщательно и скрывалось.

Он снова посмотрел на клингонов. Маккой произнес:

— С клингонами всегда проблемы. Даже когда они отдыхают, создается такое впечатление, будто они не умеют расслабляться.

— А как бы ты себя вел, если бы знал, что кто-то записывает каждое сказанное тобой слово? — заметил Кирк.

— Наверное, ты прав, — согласился Маккой. — Так каков же вердикт?

Могли они это сделать?

— Штайнер думает, что могли.

Кирк отхлебнул кофе. Напиток был отвратительный. На всех планетах Федерации кофе имел такой вкус, словно его готовили из гнилых зерен.

Говорили, будто в Империй Клингонов он еще хуже.

— Наверное, прежде всего Спок хотел сообщить именно об этом.

— Ты так думаешь? — Маккой поднял свои густые брови. — Спок упоминал о гардиане.

— Спок употребил слово «гардиан», — поправил его Кирк. — Может быть, он имел в виду что-то совсем другое.

Кирк взглянул на командира базы. Келлог размешивала сливки в чашке с кофе и потихоньку изучала всех присутствующих в кафетерии словно шериф на диком западе.

— Могло ли слово «гардиан» служить кодом файла главного компьютера?

Да и число 1867 тоже, наверное, могло, — сказал Кирк.

— Я думала об этом, — отозвалась Мария.

Она наклонила голову, упираясь в стол худыми локтями. Золотые нашивки на ее рукавах ослепительно сверкнули.

— Ни в главном компьютере базы, ни во всех остальных нет ничего подобного. Пришлось проверить даже компьютеры Клинтонов. Удалось, обнаружить лишь цифры 0 001 867, относящиеся к инструкции по вентиляции двенадцатилетней давности. Кроме того, я проверила номера всех комнат и лабораторий, имеющих на базе, но такой комбинации цифр нигде не значится. Порядковые номера членов экипажей, номера счетов — просмотрела все, что только можно придумать. Это мне напомнило историю с моим дядюшкой Франклином, который возомнил, что в него вселился дух Франклина Делано Рузвельта на том основании, что дата рождения Рузвельта совпадает со значением квадратного корня, извлеченного из порядкового номера, под которым значилась фамилия дяди в перечне жителей планеты. Ну из чего же они варят этот мерзкий кофе?

Она отставила в сторону чашку.

— Джим, думаю, все-таки верно твое первое предположение. Число 1867 означает дату.

— Мне тоже так кажется, — спокойно заметил Кирк. — И какой-то инстинкт подсказывает мне, что это земная дата. Но нельзя же отправлять «Энтерпрайз» в опаснейший полет только на основании догадок.

— А полет может стать действительно опасным? — спросил Маккой.

— Да, черт побери, — воскликнули Келлог и Кирк одновременно.

Мария продолжила разговор:

— И все же меня поражает то, что представитель империи ничего не сообщил о крушении корабля, перевозящего руду. Даже если они и понимали, насколько сложна иметь дело с белым карликом и фактором Тиллмана или с тем, что они там еще изобрели, клингоны должны были столкнуться с кучей новых проблем. При этом перелете возникло бы такое давление, с которым почти невозможно справиться. При тех мощностях, которыми они располагали, клингонов бы просто раздавило.

— Ну, если все это верно, — заметил Маккой, — то похоже, что миссия клингонов, какой бы она ни была, уже завершилась, и волноваться нам больше не о чем.

Кирк усмехнулся, уловив нотку сомнения в голосе врача. Он искоса взглянул на Маккоя и спросил:

— И на что ты готов поспорить?

— За это утверждение я бы не поставил и ломаного гроша.

Глава 8

Когда Эрой, Джошуа и Ишмаэль вышли из конторы с табличкой «Страэн и сыновья» и

побрели по грязному тротуару Ист стрит, туман над Сан-Франциско рассеялся. Словно огромная серая птица расправила свои длинные крылья и улетела. После хаоса бесконечных дворов перед ними неожиданно возник город. Свежий ветер обдувал соленым морским воздухом. Слышался стук молотков, ругань и смех людей, разговаривающих на всех языках Земли, шум волн и крики чаек.

Джошуа шагал впереди. Его светлые волосы растрепал ветер. Иш и Эрон плелись сзади, беседуя о лесопилке и о деньгах. Наконец все трое вышли на широкую улицу, по сторонам которой стояли добротные кирпичные здания магазинов и несуразные постройки, наскоро сколоченные из выброшенных на берег останков старых кораблей. Владельцы не могли долго возиться со строительством приличных домов — необходимо было срочно размещать товары, ведь шла бойкая торговля. Они миновали пару питейных заведений и несколько контор по найму рабочих. Улицу заполнила пестрая толпа: моряки в полосатых брюках, суровый шкипер шотландского торгового судна, бородатые капитаны уроженцы Новой Англии, китайские кули в черных пижамах, яростно жестикулирующие итальянские рыбаки и невероятно ярко раскрашенные проститутки.

Заметив, как это зрелище поразило Ишмаэля, Эрон сказал со смехом:

— Могу биться об заклад, что ты никогда такого не видел.

Иш пожал плечами:

— Ведь это люди.

Они поднялись на холм, возвышающийся над шумными доками, и весь город оказался у их ног. Он раскинулся внизу как огромный ковер. Они увидели солидные кирпичные постройки, в которых размещались банки и конторы по обмену валюты, а на Маркет стрит, неподалеку от роскошных особняков, сгрудились игорные и публичные дома. Вдоль холма протянулись магазины и дома с меблированными комнатами, сдаваемыми внаем, а южнее раскинулся китайский городок — причудливое смешение грязи и ярких красок.

Здесь, на Телеграф Хилл, улицы вымощены досками. Из них выстроена и лестница, поднимающаяся до самой вершины холма. Но доски давно растрескались и так заросли грязью, что толку от них немного. Сквозь трещины пробилась длинная и тонкая калифорнийская трава, ставшая уже коричневой. Ветер трепал ее из стороны в сторону. Пока они огибали холм, рассеялись последние следы тумана.

Впереди показалась бухта, а за ней темно-желтые вершины гор у Золотых Ворот. Освещенные утренним солнцем, горы казались необыкновенно красивыми.

Эрон услышал, как у Ишмаэля перехватило дыхание. Обернувшись, он увидел, что его «племянник» встал на месте от удивления. Он смотрел не отрываясь на залив и горы, и, казалось, в глазах Ишмаэля вот-вот появятся слезы.

Протянув руку, Иш нащупал тонкие перила деревянной лестницы. Не отрывая взгляда от гор, он прошептал:

— Эрон...

— Я с тобой. Иш. Что случилось?

Ишмаэль указал рукой в сторону гор.

— Эрон, я здесь уже был, — произнес он дрожащим от волнения голосом.

— Что?

— Все это я уже... — он протянул руку, как бы желая прикоснуться к заливу, большому мысу, Золотым Воротам и темной воде Тихого Океана. — Я был здесь, но все казалось не таким, как сейчас. Город совсем другой. Тут чего-то не хватает, но я помню эти горы. Я видел их зимой. Тогда горы были покрыты молоденькой зеленой травкой. Мне знакомы очертания этих вершин.

— Но это невозможно! — воскликнул пораженный Эрон. — Тебе просто почудилось...

— Нет! — в отчаянии прошептал Ишмаэль. Он взглянул вниз на корабли и зажмурил глаза. Мышцы его лица напряглись от усилия, а на лбу выступили капельки пота.

— Эрон, я рассматриваю предметы и кое-что вспоминаю, но в воспоминаниях нет смысла. Мне видятся корабли, которые тогда строили, только те гигантские суда делали из

металла. Они настолько огромны, что их собирали по частям и... и... — его рука дернулась, но Иш не смог сказать, что с ним происходило дальше. — Я вижу комнаты, знаю как они выглядят изнутри, помню цвет стен, даже то, как проложена проводка и где установлены розетки. Знаю, что для чего служит и как собираются детали приборов. Но все это напрасно.

Ишмаэль снова открыл глаза. С мрачным видом он стал осматривать причал.

— Я помню, но ничего не могу понять.

— Может быть, ты вспоминаешь о разных вещах, — спокойно сказал Стемпл, становясь рядом с ним.

Мимо прошла пара матросов-индейцев, затем бесшумной походкой проследовали китайцы. Все они направлялись к докам и не обратили на Иша и Эрона никакого внимания, очевидно решив, что те любят пейзажем.

— Попробуй мысленно соединить воспоминания вместе, как во сне, продолжил Стемпл.

— Наверное, ты прав.

Иш повернулся к Эрону. В эту минуту его глаза были совершенно не такими, как у людей.

— Но где же я мог видеть такие горы?

* * *

— Иш, ты идешь?

Ишмаэль оторвался от газеты, которую изучал, сидя за большим столом в огромной полутемной столовой меблированных комнат миссис О'Шоннесси. Почти все остальные жильцы — постоянные и временные, как Эрон, Иш и Джошуа, разбрелись кто куда. Была суббота. Люди считали этот день каким-то особенным, но почему, — этого Иш никак не мог понять. Эрон надел свой лучший серый костюм и дорогую рубашку. В руках он держал шляпу, а подмышкой — трость.

— Я не вижу в этом никакой логики, — рассуждал Иш, — как можно «расслабляться», засиживаясь допоздна за рюмкой или понапрасну теряя деньги за игорным столом, да потом еще плестись домой под дождем.

Расслабляться — это расслабляться, отдыхать, ничего не делать.

Эрон засмеялся и исчез в сумерках. Кто-то еще прошагал через всю комнату. Двери открывались и закрывались, но постепенно в большом доме на Филберт-стрит все стихло. Лишь дождь стучал по подоконникам. Иш придвинулся поближе к керосиновой лампе и приготовился насладиться тишиной.

Он давно заметил, что люди — большие любители поговорить и продолжают болтать, даже когда и говорить-то, собственно, не о чем. «Как же можно жить среди них?» — подумал Иш, но сразу же прогнал эту мысль как совершенно ненужную и вредную. Он попытался поразмыслить о сегодняшнем происшествии на холме, но даже то, что тогда всплыло из глубин его памяти, теперь исчезло без следа.

Что же с ним случилось? Иша мучило странное ощущение, будто он должен был и не смог сделать что-то важное. Его пронзила дрожь, словно боль в висках и запястьях вновь вернулась, отзывавшись во всем теле.

Но едва Джошуа Болт вошел в столовую, Ишмаэль отбросил мрачные мысли.

Джош кивнул, молча взял несколько газетных листов и уселся за стол с противоположной стороны. Ишмаэль с трудом понимал, о чем написано в газетах, так как не мог привыкнуть к стилю, в котором пишут репортеры дешевых изданий. Его поразило то, что о страшной трагедии, случившейся в прачечной, когда двое ирландцев засунули в котел работавшего там китайца, репортер написал как о забавном происшествии.

К ним присоединился еще один постоялец с третьего этажа. Оказалось, что это — стройная темноволосая девушка в больших круглых очках с толстыми линзами. Джошуа молча протянул и ей пару газетных листов, и девушка погрузилась в чтение. «Вот еще один

человек, ценящий тишину», — подумал Ишмаэль.

Через сорок пять минут девушка встала и тихо прошла в кухню. Иш слышал, как она наливала воду в чайник и ставила его на плиту. Затем она быстро развела огонь.

Джош поднял голову:

— Вы хотите заварить чай?

— Вам тоже налить? — отозвалась девушка из темноты.

— Будьте так любезны, если вас не затруднит.

В кухне задвигался огонек, и она вернулась, задувая на ходу свечу.

— Скоро будет готово, — пообещала она. — Вы...

— Джошуа Болт. А это — Ишмаэль Маркс. Мы из Сиэтла.

— О!

Девушка улыбнулась и заметно повеселела.

— Сара Гэй. Благодарю вас, — добавила она, когда Иш протянул ей очередные газетные страницы.

И снова тишина. Пока чайник согревался, они молча обменивались газетами. Затем Сара снова исчезла, чтобы принести дешевый японский поднос с тремя жестяными кружками.

— Кстати, заварка моя собственная. Я принесла ее с собой, так что не позволяйте хозяйке брать лишние деньги.

— Неужели хозяйка может их потребовать? — спросил Джош, поднимая голову. Сара хмыкнула:

— Она взяла бы плату даже за грязь с ваших ботинок. Вообще-то миссис О'Шоннесси неплохая женщина, но, как сама утверждает, жизнь — штука дорогая. Поэтому мы потихоньку стащим из кухни немного сахара и ничего не скажем о том, что брали ее ложки и кружки.

Она подала Джошу сахарницу. Белые кусочки сверкали словно снег. Затем девушка принесла пару круглых чайных ложечек.

— А почему об этом надо молчать? — спросил Ишмаэль.

— Хотите, чтобы вас заставили платить за пользование посудой? — она сделала круглые глаза.

В ответ на это Иш поднял брови и осторожно попробовал сахар. Он оказался настолько сладким, что Ишмаэль даже вздрогнул, чуть не подавившись. Его сознание пронзила мысль: неужели они не знают, что сахар-рафинад — это яд? По-видимому, нет. Джошуа с радостью положил в свою кружку три куска. Сара Гэй сделала то же самое. Оба промолчали, когда Иш не последовал их примеру. Он давно заметил, что в определенных пределах люди мирятся с различиями во вкусах. Никого не удивляли вегетарианские привычки Ишмаэля. Лишь однажды кто-то выразил недоумение по этому поводу.

Люди спокойно воспринимали и то, что Эрон никогда не ел свинины. Видимо, никого не удивит и отказ Ишмаэля от сахара. «Да, у людей все так странно, никогда не знаешь, где попадешься в ловушку», — подумал Иш.

Джошуа размешал сахар в чае и положил ложечку рядом с газетой. Спустя некоторое время с хитрой усмешкой на лице он потихоньку щелкнул пальцем по верхней части ложечки. Она взлетела и опустилась точно между ладонями Иша.

Ишмаэль очень удивился. Джош с невинным видом продолжал читать газету. Тогда Иш передвинул ложку, проделал в уме небольшой расчет и стукнул по ней, приложив ровно столько сил, сколько требовалось. Ложка приземлилась в кружке Джоша.

Тот поднял глаза и открыл рот от удивления. Иш внимательно изучал газетную статью. Рассматривая колонку объявлений, Сара, кажется, вообще ничего не заметила.

С минуту Джошуа не отрывал глаз от Ишмаэля. Потом, все с тем же невинным видом, он положил кусочек сахара на край ложки и, по-видимому, рассчитав расстояния, углы, вектор и силу, запустил кусок точно на середину газеты Иша.

Ишмаэль задумался. В игре не было абсолютно никакого смысла. И все же, если

припомнить расчеты, производимые при запуске снарядов, а Иш когда-то прекрасно умел это делать, можно легко обставить Джоша. Кроме того, он никогда не позволит человеку взять верх над собой.

* * *

Где-то вдалеке городские часы пробили полночь. На Сан-Франциско снова опустился туман, в котором затерялась фигура человека, пробиравшегося к деревянному дому на Филберт-стрит. Эрон не видел света ни в одном из окон.

Мурлыча про себя какой-то мотивчик, он стал рыться в карманах жилета в поисках ключа. Внезапно Стемпла насторожил какой-то звук. Тротуар в этом месте переходил в ступеньки деревянной лестницы, ведущей на вершину Телеграф Хилл. Казалось, кто-то поднимается вслед за ним. Эрон прислушался, но все было тихо.

Поднявшись еще на несколько ступеней, Эрон снова услышал шаги. Кто-то тихо крался сзади, стараясь ступать одновременно с ним. Эрон остановился, и шаги затихли. Хотел бы он сейчас иметь такой слух как у Ишмаэля!

Вспомнив об Ише, Эрон почувствовал, как ему теперь не хватает присутствия «племянника». Лунный свет едва пробивался сквозь густой туман, и Эрон почти ничего не видел вокруг.

Эрон внимательно взгляделся в темноту. Он хотел выяснить, можно ли сойти с лестницы и подняться прямо по склону холма. Идти там почти невозможно — крутой подъем зарос высокой травой, но в самом худшем случае придется пробираться в меблированные комнаты именно этим путем.

«Боже, какая чушь», — подумал Стемпл. Если его преследуют грабители, то лучше уж идти по лестнице, чем лезть туда, где никто не помешает сбить его с ног и вытащить кошелек. А может быть, это вовсе и не грабители?

Эрон крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

* * *

В доме миссис О'Шоннеси Джошуа и Ишмаэль продолжали состязание в меткости. В ход пошли вилки, солонки, сложенные куски газет. При помощи двух ложек они пытались сконструировать оружие для того, чтобы без промаха забрасывать изрядно пострадавший кусок сахара в кружку с остывшим чаем Джоша. Несмотря на все старания, пока ничего не получалось. Отсевшая подальше Сара до сих пор никак не проявляла своего отношения к этой детской забаве. Закончив изучение очередного газетного листа, она брала следующий, аккуратно кладя прочитанный на прежнее место. По мнению Джоша, ее невозмутимость свидетельствовала о понимании всей важности их экспериментов. Джошуа уже занес было руку, чтобы нанести удар по ложке, но Иш внезапно остановил его жестом, сказав:

— Что это было?

Джошуа застыл на месте.

— Я ничего не слышал.

— Это голос Эрона.

Джош перехватил удивленный взгляд Сары, понимая, что отсюда невозможно услышать, а тем более узнать голос человека с улицы. Но ведь, по словам Бидди Клум, его брат остался жив только благодаря необыкновенному слуху Иша. Джош хотел о чем-то спросить, как вдруг совсем рядом с домом раздался выстрел. Джош схватил со стола лампу и помчался к выходу. Сара и Ишмаэль побежали за ним.

Едва Джош отворил дверь, его обдало сырым ночным воздухом. Высоко подняв лампу, он крикнул:

— Эрон!

* * *

Джош с трудом разглядел в тумане две человеческие фигуры. Кажется, они кого-то искали, вглядываясь в темноту, но, как только дверь открылась, отвернулись. Внезапно до него дошло, как глупо он поступил, выставив себя живой мишенью. Возможно, он спохватился слишком поздно.

Незнакомцы растворились в тумане, громко затопав по лестнице.

Наступила тишина. Все звуки тонули в пронизывающем до костей тумане. Джош ничего не слышал, кроме тихого потрескивания огня в лампе. Стекло лампы быстро запотело от холода.

Спустя некоторое время рядом послышался звук тяжелых шагов прихрамывающего Иша, пробиравшегося по грязи. Его тощая фигура показалась на краю освещенного пространства. Джошуа сообразил, что Иш, видимо, пригнулся и незаметно прошмыгнул во двор за его спиной в то время, как он сам глупо торчал в дверях во весь рост. Джошу даже пришла в голову мысль: не доводилось ли племяннику Стемпла ходить в разведку к индейцам? Вряд ли какой-нибудь другой бухгалтер способен действовать так быстро и ловко.

Ход его мыслей прервал спокойный голос Иша:

— Здесь он. Лежит на земле. Осторожно, тут полно камней и ям.

* * *

— Не имею ни малейшего представления о том, как все это вышло, сказал Эрон Стемпл все еще слегка нетрезвым голосом.

Ишмаэль захлопнул дверь спальни за последним из любопытных жильцов.

Он уже ответил, на все вопросы миссис О'Шоннесси и вернулся к постели Эрона. В коридоре все еще раздавался скрипучий голос хозяйки:

— Черт побери, у меня в доме никогда не случалось неприятностей!

Она удалилась, шурша юбками из дешевого ситца и встряхивая папилютками в волосах.

— Что случилось? — спросил Джошуа, державший в руках китайскую чашу для умывания. Сара смачивала в воде салфетки, меняя холодные примочки на лодыжке Стемпла.

Владелец лесопилки пожал плечами:

— Полагаю, они шли за мной от самого игорного зала. Я выиграл немного денег — пятьдесят пять долларов, но кто станет убивать из-за такой мелочи?

— Мистер Стемпл, — заговорила склонившаяся над поврежденной лодыжкой Сара Гэй, — в этом городе есть бродяги, способные убить и за пятьдесят пять центов. Так больно?

Эрон лишь застонал в ответ.

— Прекрасно, — сурово сказала она. — Мистер Болт, пожалуйста, подайте мне еще одну салфетку.

Сара поправила на носу очки и продолжила свои манипуляции.

— Может, это были вербовщики? — неуверенно предположил Джошуа.

— Вербовщики, — недоуменно переспросил Ишмаэль.

— Намеревавшиеся насильно заставить его работать? — задумчиво спросила Сара.

Эрон уже собирался объяснить значение слова «вербовщики», наверняка непонятного Ишу, как тот заявил:

— Но если они собирались украсть Эрона, чтобы заставить служить на корабле, зачем было стрелять в него? От мертвеца все равно никакого проку.

Стемпл все еще удивлялся тому, как точно его «племянник» умудрился уловить смысл слова, когда Сара произнесла:

— Наверное стреляли из-за того, что вы начали сопротивляться?

— Нет, — ответил Стемпл, — ведь я даже не видел их. Поднимаясь на холм, я услышал сзади чьи-то шаги. Когда раздался выстрел, я спрыгнул со ступенек на землю. Эти ваши, — он прикусил язык, чуть не сказав «чертовы» в присутствии дамы, — ваши пустоши совершенно голые, спрятаться там негде.

Но, может быть, это даже к лучшему, потому что, когда я скатился вниз, точно выстрелить в темноте и тумане было невозможно.

Эрон ощупал повязку, закрывавшую резаную рану на лбу.

Стоя у окна с кружевными занавесками, Ишмаэль погрузился в размышления. Ему почему-то казалось, что даже в такой темноте и тумане оружие все еще нацелено на этот дом. Те люди не имели... не имели...

Он приложил руку ко лбу, напрягая память. На стволе винтовки закрепляют какое-то устройство, позволяющее стрелять в полной темноте. Оно слегка потрескивает и чем-то напоминает миниатюрный механизм открывания автоматических дверей. Эти мысли моментально промелькнули в его мозгу, но сейчас же вернулось воспоминание о боли и больше он ничего не сумел выудить из глубин своей памяти.

Иш тряхнул головой и подошел к постели Стемпла. Выходной пиджак Стемпла, висевший на спинке единственного в спальне стула, потемнел от грязи, но рукава рубашки сверкали белизной на фоне выцветшего одеяла. Сара Гэй ловко наложила повязку на больную ногу. Иш внимательно следил за тем, как она лечила Стемпла.

Он спросил:

— У Эрона растяжение связок, верно? Ведь перелома нет?

Девушка кивнула, отбросив упавшие на лицо пряди волос. Она быстро воткнула в прическу несколько заколок.

— Иногда растяжение связок бывает хуже перелома. Во всяком случае вам, мистер Стемпл, придется полежать с недельку.

— Вы врач?

Джошуа и Эрон одновременно взглянули на Ишмаэля, удивившись его догадке. А Иш подумал, что опять сказал лишнее.

Мисс Гэй заметила, что мужчин удивило предположение Ишмаэля. Она слегка усмехнулась.

— Я ухаживаю за пациентами в больнице святого Брендана, — тихо сказала она, затем встала и поправила черную юбку. — И поскольку рабочий день начинается в шесть утра, мне пора отправляться к себе, чтобы хоть немного поспать. Иначе, боюсь, завтра от меня будет немного толку.

Спокойной ночи, джентльмены.

Джошуа вышел с ней за дверь. Когда через несколько минут Ишмаэль тоже вышел из комнаты, эти двое все еще стояли в узком, плохо освещенном коридоре, тихо беседуя. Иш спустился по лестнице, бесшумно отворил замок на входной двери и шагнул в ночь.

Туман сгустился. Луны совсем не стало видно. Над городом повисла мертвая тишина. Ишу показалось, будто в этом погрузившемся в ватное одеяло тумана городке остановилось время, и он оказался отрезанным от остального мира. Иш внимательно изучил пространство вокруг дома и пустырь за ступенями лестницы, но ничего заслуживающего внимания обнаружить не удалось. Он по-прежнему не мог отделаться от ощущения, что должен совершить какой-то очень важный поступок. Ишмаэль вернулся в дом, но это чувство не исчезло даже когда он погрузился в тяжелый неземной сон.

Глава 9

Случилось так, что запутанный клубок событий во времени и пространстве, в центре которых находилась Двенадцатая Звездная База, начал разматывать вовсе не капитан Кирк. За ниточку зацепились лейтенант Ухура и Зулу, засидевшиеся допоздна в баре «Уандер». В полночь они должны были находиться в своем транспортном отсеке. Когда Ухура и Зулу

вышли из бара, в их распоряжении оставалось всего лишь восемь минут.

— Я нигде не мог снять комнату на ночь, — рассказывал Зулу, — потому что все в этом районе было уже сдано проституткам и их клиентам.

— Бедняга, — хихикнув, сказала Ухура, — если бы не был таким щепетильным...

— Какая там щепетильность! — рассмеялся Зулу. — Я страшно устал. Так что, единственное, что мне осталось, — это снова сесть в поезд...

— Ой, не могу... — Ухура прислонилась к его плечу.

Она представила себе семнадцатилетнего Зулу, который объездил с бесплатным билетом половину стран Юго-Восточной Азии и нигде не сумел устроиться на ночлег.

— Так куда же ты отправился?

Зулу снова рассмеялся:

— Ой, ты не поверишь. Я сел на поезд и вернулся в Сайгон в половине седьмого утра. Поспать вообще не удалось и... Что это?

Он внезапно вскинул голову. Почуввав опасность, Зулу мгновенно протрезвел. Ухура тоже насторожилась, и оба прислушались.

Но все было тихо, подозрительный звук не повторился. Коридоры жилой части базы и днем и ночью освещались слабо. Энергия стоила слишком дорого, чтобы понапрасну расходовать ее на освещение пустого пространства. Даже в этом большом переходе вечно царил полумрак. Сейчас здесь было совершенно пусто.

Примерно в десяти шагах от Зулу и Ухуры большой переход пересекался с коридором, ведущим в комнаты тех, кого в другом месте называли бы прилипалами. Там расположились не только проститутки, но и целая армия торговцев и артистов — поставщиков разных вкусных вещей и развлечений, словом, тех, кто всегда окружает военных.

Зулу жестами объяснил Ухуре, что хочет вернуться назад до предыдущего перекрестка, где находятся торговый центр и парикмахерская.

Ухура кивнула. Звездные базы вообще-то принадлежат к самым безопасным точкам галактики. Все происходящее на базе строго контролируется, и дисциплину должны соблюдать не только военные, но и гражданские лица. В случае необходимости разыскать можно любого и поэтому на звездных базах случаются лишь мелкие неприятности.

Ухура мысленно считала шаги, прикидывая, где сейчас находится Зулу.

Напрягая слух, она пыталась снова уловить те неясные звуки, напоминающие глухие удары или шлепки — приглушенный шум драки. Вдруг Ухура с трудом уловила что-то другое: невнятное бормотание или ругательства, произносимые сквозь зубы.

Не раздумывая, она направилась вперед. Возможно, ощущение опасности притупилось благодаря изрядной доле алкоголя, принятой в этот вечер, но ни один член экипажа «Энтерпрайза» не терял бдительности ни при каких обстоятельствах, и Ухура не исключение.

Заглянув за угол, она увидела темные фигуры. Двое неизвестных то ли несли, то ли волокли кого-то по коридору. При тусклом желтоватом свете дешевых ламп она заметила струйку зеленой крови, стекавшую с белых волос избитого.

Ухура незаметно подкралась и громко крикнула:

— Стоять!

Она была безоружна — военным запрещалось покидать борт корабля, имея при себе оружие. Но никто не знал, что носят при себе штатские.

Мужчины обернулись. На смуглых бородатых лицах появилась растерянность. «Клингоны», — быстро сообразила Ухура, но те уже бежали по коридору с такой скоростью, какую только способны были развить со своей тяжелой ношей.

У следующего перекрестка их встретил Зулу.

— Вы слишком далеко зашли! — крикнул он. У Зулу, как и у Ухуры не было оружия. Но, как он и рассчитывал, уже одно его появление смутило преступников. Клингоны, — если это действительно были они, ведь при таком тусклом освещении невозможно толком разглядеть форму и лица, — бросили свою ношу и побежали назад к Ухуре, ошибочно

решив, что она представляет меньшую опасность. Стремясь избежать столкновения одновременно с двумя противниками, Ухура первой атаковала одного из них и отработанным приемом вывернула ему назад руку. Соперник пытался сопротивляться, но вторым движением Ухура припечатала его к полу. Он шлепнулся на твердое покрытие словно выжатое полотенце. Ухура успела заметить, как другой клингон замахнулся для удара, но ее реакция чуть запоздала. Вместо виска кулак угодил ей в скулу, Ухура зашаталась и упала. Негодяй помог подняться начавшему приходить в себя товарищу, и они поспешили убраться.

Ухура с трудом поднялась на ноги, придерживаясь за стену, возле которой упала. Преследовать клингонов, видимо, не имело смысла. Голова гудела от удара. Ухура направилась к тому месту, где над распростертым телом жертвы склонился Зулу.

— Как он? — спросила Ухура, опускаясь на колени.

Зулу уже успел перевернуть тело. При тусклом освещении она разглядела тонкие черты лица вулканца и с болью вспомнила о Споке.

— Неважно. Как ты думаешь, Маккой сейчас в баре?

Ухура отстегнула от ремня устройство связи и мгновенно, как все военные, набрала код.

— Доктор Маккой?

Послышалось отдаленное звучание фортепиано, и Ухура поняла, что Маккой все еще в баре. Когда они уходили, доктор сидел за столиком в углу и молча пил бренди. Очевидно, гибель Спока нанесла ему гораздо более глубокую рану, чем он сам предполагал.

— Маккой слушает, — как это случалось с ним и раньше после приема солидной порции спиртного, Маккой говорил с сильным акцентом.

— Доктор, это лейтенант Ухура. У нас произошло столкновение с неизвестными. Тоннель номер десять, ответвление номер сто сорок пять. Мы вызываем команду медицинской помощи базы, но вам лучше придти сюда.

Последовала недолгая пауза, после которой Маккой ответил:

— Хорошо, — и отключил свое переговорное устройство.

Ухура криво улыбнулась и дотронулась до быстро растущей опухоли на скуле.

— Ты разбила мое сердце, — пропела Ухура голосом известного исполнителя строчку из популярной песенки, рассмешив Зулу, — но все же я не умру, — закончила она своим обычным голосом.

Ухура отбросила за спину спутавшиеся черные волосы и набрала код «Энтерпрайза».

— Это Ухура и Зулу. Ввиду чрезвычайных обстоятельств просим продлить время пребывания за пределами корабля до пяти часов.

* * *

— Зедрокс, — Маккой швырнул на маленький столик полупустую пластиковую капсулу. — Это современный эквивалент отравленной иглы.

Кирк наконец оторвал взгляд от маленького овального предмета, сделанного из мягкого пластика, из которого торчала крошечная, как шип розы, иголка. Кирк посмотрел на неподвижно лежащего Трэ. Фиолетовый круг вокруг сморщенного рта старика постепенно исчезал, переходя в обычную слегка зеленоватую окраску кожи, а дыхание стало ровнее. На мониторе, расположенном над кроватью, все показатели приблизились к нормальным для вулканца цифрам.

«И все равно старик выглядит очень слабым», — подумал Кирк, глядя на тонкое лицо, обрамленное белоснежными волосами.

Маккой продолжал говорить:

— Конечно, ввозить это запрещено, но доставить сюда контрабандным путем, особенно если есть связи в официальных кругах, ничего не стоит.

Две большие таблетки трепидола нейтрализовали действие алкоголя, но все равно в его

речи присутствовал сильный южный акцент.

— Ты имеешь в виду представителя Империи Клингонов? — спросил Кирк, взглянув на вошедшую несколько минут назад Марию Келлог.

Ее темные волосы были небрежно заплетены в косу, свободно свисающую между острых лопаток. В остальном она выглядела как обычно, несмотря на то, что из-за срочного вызова Марии пришлось встать в половине пятого утра. Но командир базы должен быть всегда готов вскочить по тревоге таков недостаток этой работы.

Она пожала плечами.

— Представитель империи сказал, что на базе находятся семьдесят пять граждан мужского пола, которые находятся под его юрисдикцией, но не в прямом подчинении. Он пообещал мне навести справки.

Маккой неопределенно хмыкнул и отправился изучать данные анализов Трэ. Он вставил в свой шприц ампулу и закатал темный рукав на руке вулканца. Раздался негромкий щелчок, и зеленые стрелки на мониторе слегка подскочили, затем успокоились.

Келлог подошла к кровати вулканца.

— Меня удивляет то, что они пытались убить его в коридоре, когда гораздо проще сделать это в спальне или кабинете, — заметила Мария.

— Ты так думаешь? — засомневался Кирк. Командир базы задумалась.

— Ну, может быть, не в спальне, но в кабинете наверняка.

— Ты думаешь в этом кабинете можно кого-нибудь убить, ничего не повредив при этом? Убить вулканца в собственном кабинете, да так, чтобы никто ничего не заметил? — Кирк дотронулся ногтем до капсулы с зедроксом.

— Думаю, они просто хотели выяснить, что ему известно о работе Кхлару и каких результатов тому удалось добиться. Клингоны должны были доставить его на допрос. Зулу и Ухуру спугнули их, и в панике клингоны попытались убить Трэ. Кстати, Кхлару уже сообщили о покушении на его коллегу?

— Боюсь, ему уже давно обо всем известно, — печально заметил Маккой.

— А я так не думаю, — сказала Келлог. — Вчера в 15.00 Кхлару отозвали в Клинжай. Это произошло как раз через час после того, как капитан Кирк попросил разрешения отложить вылет «Энтерпрайза» с базы на сорок восемь часов. Кхлару клингоны держали взаперти, не позволяя ни с кем общаться до тех пор, пока в три часа утра его не увез крейсер «Шин чар», совершающий челночные рейсы.

— Любопытно!

Кирк удивленно посмотрел на вулканца, так как не ожидал, что тот уже способен говорить. А Трэ давно пришел в себя. Его темные глаза казались утомленными, но взгляд был совершенно ясный.

— Что любопытно? — спросил Кирк.

— Указанное время, — заговорил Трэ. — Капитан, историка всегда интересует точное время события, даже если в этот момент покушались на его собственную жизнь. Кхлару говорил мне, что его сюда послали на пять лет, и на этот период освободили от всех обязательств перед империей. За это время никакое сообщение не успело бы дойти отсюда до Клинжая. Так что его мог отозвать только сам представитель империи.

Неожиданно для всех Трэ приподнялся на кровати и сел.

— Полагаю, что я неправильно оценил свою позицию в конфликте между федерацией и империей Клингонов, — тихо заметил он. — Пойдемте!

Кире удивленно уставился на протянутую ему хрупкую руку с голубыми венами.

— Но куда?

Трэ удивила недогадливость Кирка, и он недовольно сжал губы.

— Конечно же, в мой кабинет. Нам есть о чем потолковать, — тихо добавил Трэ.

Глава 10

— Эрон! — крикнул вошедший в дом Ишмаэль.

После их возвращения из Сан-Франциско прошло уже три дня. Ишмаэль снял тяжелую от воды куртку и стряхнул дождевые капли с длинных волос.

Сегодня, как вчера и позавчера, он опять провожал домой Бидди Клум.

Узнав о болезни Эрона, никогда ни о ком не забывающая Бидди решила взять на себя обязанность ежедневно посещать домик у лесопилки и готовить еду для двух холостяков. Эрон пришел к выводу, что девушка готовит совсем неплохо. Кроме того, в первый же вечер он обнаружил, что несмотря на свою легкомысленность, Бидди способна держать в памяти мельчайшие подробности любого разговора и поставить собеседника в тупик ей ничего не стоит.

Вначале Стемпл с трудом терпел ее присутствие в доме. Просто не хотелось ссориться с Ишмаэлем, который явно симпатизировал девушке. Однако, познакомившись с Бидди поближе, Эрон изменил свое мнение. Еще когда в первый вечер Иш отправился провожать мисс Клум, Эрон подумал; возможно она станет не такой уж плохой женой для Джейсона Болта, если только у Болта хватит мозгов понять это.

Эрон сидел у огня, положив больную ногу на подушечку. Перед ним на подносе стоял почти не тронутый ужин. К Стемплу подошел Ишмаэль.

— Эрон, можно попросить тебя об одолжении?

— Конечно, — не задумываясь ответил тот. — А в чем...

— Брось это пари с Джейсоном Болтом. Слова Иша просто поразили Стемпла.

— Что ты говоришь! Иш, я знаю, ты подружился с Джошуа Болтом, но...

— Наша... дружба, — Иш с трудом произнес это слово, как будто оно застряло у него в горле, — дружба с Джошуа не имеет к этому никакого отношения.

Он замолчал, собираясь с мыслями, потом произнес:

— Тебе, Эрон, не следовало заключать это пари. Ты не имел права так поступать.

— Иш, все это чепуха, — быстро заговорил Стемпл. — Гора Брайдл Вейл удвоит наши доходы. А пари заключили на честных условиях. Чтобы оплатить плавание капитана за мыс Горн и обратно, я истратил немалую сумму. Это обошлось недешево, как недешево обходится мне питание и проживание девушек. Я содержу целый гарем из двадцати девиц. Но если я получу гору, она покроет все убытки. Когда Болт заключал пари, он знал, на что шел.

Отблески огня, горящего в камине, плясали по лицу пришельца и отражались в его темных глазах.

— Я не имел в виду несправедливость по отношению к Джейсону Болту, спокойно заговорил Ишмаэль. — И ты, и Болт — вы оба не имеете права так поступать из-за... самих девушек.

Стемпл отвернулся, а Иш продолжал говорить ровным голосом:

— Эрон, тебе прекрасно известно, что за человек Джейсон Болт. И ты понимал это, когда заключал пари. Ты знаешь, как он способен очаровывать людей, как он упрям и как умеет надавить на человека. Чтобы добиться цели, Джейсон употребит все свои способности. Не у всех девушек хватит сил противостоять Джейсону, когда он станет вынуждать их принять предложение выйти замуж за кого-то из местных мужчин. Ведь они прибыли сюда из других краев и многие из них еще совсем молоды. Он станет навязывать им женихов, и девушкам придется соглашаться.

Эрон неловко пожал плечами.

— Все женщины мечтают выйти замуж, — произнес он не совсем уверенным голосом.

— В самом деле? — резко спросил Иш. — Я сегодня разговаривал с Бидди...

— А, Бидди!

— Эрон, не нужно осуждать ее. Что касается меня, то я никак не могу понять возникшего к ней предубеждения, поскольку не понимаю, ни что такое красота, ни что такое желание. Но насколько мне известно, девочки рассказывают ей обо всех своих секретах. Они ей верят. Теперь я знаю, что даже Кэнди Прайт не уверена, выходить ей замуж или нет. Она

любит Джереми Болта, но не доверяет даже собственному сердцу.

— Меня это не касается, — прорычал Стемпл.

— Может быть и не касается, но, как ты прекрасно понимаешь, по логике событий Кэнди придется выйти замуж, чтобы спасти гору. Но сознание того, что решение принято под давлением, а не по собственной воле, будет мучить ее всю жизнь. Несмотря ни на какую любовь, в ее душе останутся горькие сомнения. Ты не имеешь права так поступать по отношению к Кэнди и Джереми, который никогда не делал тебе ничего дурного, и к их будущим детям.

Стемпл молчал. Он упрямо стоял на своем и не мог заставить себя согласиться с убедительными доводами Иша. У него снова возникло то странное ощущение, которое появилось после спасения Джереми и Кэнди из шахты. Правда, впервые эти мысли и чувства охватили Стемпла еще тогда, когда он нашел Иша лежащим среди несмятых листьев папоротника. Тогда ему показалось, что все это — только начало длинной цепи событий, которая растянется на многие годы и, может быть, даже до тех пор, когда все забудут о споре из-за этой горы. Он вызывающе произнес:

— Но Болт подписал все бумаги, а нам нужны деньги, чтобы возместить убытки.

— Эрон, деньги будут нужны тебе всегда, — спокойно заметил Ишмаэль. Ты не оставляешь этим девушкам времени на раздумья, лишаешь их права самим сделать выбор. Ты не можешь так поступать, ведь потом ничего нельзя будет изменить.

Стемпл вздохнул и с отвращением отодвинул поднос с едой. Бидди выиграла эту битву, отчего его настроение окончательно испортилось. Но он знал, что Ишмаэль прав. Разве в начале любой цепи событий не стоит какой-то человек, какой-то поступок? К чему в конечном итоге приведет его решение спасти Ишмаэля, дать ему возможность обосноваться в Сиэтле? К тому, что какая-то молодая девушка из Новой Англи выйдет замуж за того, кто действительно полюбит ее, а не за того, кто первым сделает ей предложение? И ее ребенок будет зачат в любви?

«Все это сентиментальная чушь», — сказал себе Эрон. Ничего нового от Иша он не узнал.

И все же в его душу закрались сомнения. Что бы получилось из него самого, если бы родители Эрона действительно любили, а не просто терпели друг друга?

— Да, но я не отступлюсь от своих притязаний перед Джейсоном Болтом.

— пробурчал он наконец. — Я сделаю вот что. Просто предложу ему выкупить свои права в этом пари за соответствующую сумму. Это тебя удовлетворит?

— Вполне, — ответил Ишмаэль. Иша мучило какое-то непонятное чувство стыда. Оно возникло не из-за того, что Ишмаэль выступил против своего «дяди» на стороне девушек, а из-за того, что он понял их чувства, чувства совершенно чужих существ. Но почему же он решил, что это должно быть стыдно? — Иш и сам не знал.

Эрон уселся поудобнее и стал изучать свою больную лодыжку.

— Должен заметить, что для математика, который постоянно твердит о логике, ты становишься невероятно сентиментальным, — пробурчал Эрон.

Иш поднял брови.

— Возможно, так оно и есть.

* * *

В воскресенье в бараке девушек полно гостей. Сквозь кружевные занавески едва пробиваются лучи заходящего солнца. Лица пришедших в дом мужчин согреты теплом домашнего очага. Порозовевшая от пара Кэнди разливает по чашкам чай. Часть девушек занята общей беседой, остальные чинят свои вещи. Главная тема разговоров — очередное скромное венчание, которое скоро состоится в небольшой часовне на краю леса.

Усевшийся на маленькую подушечку Джереми Болт тронул струны своей любимой гитары, и дружный хор мужских и женских голосов затянул старинную песню:

От Ярмута до Скарборо Сотни парней лежат на дне, Совсем молодые и старые, Им уже не скакать в седле...

Лотти и капитан Клэнси сидят там, где обычно усаживаются воркующие парочки, а Эрон Стемпл устроился рядом, оперевшись больной ногой о низкую скамеечку с подушками. Джошуа и Ишмаэль с двух сторон подпирают каминную полку. Они наблюдают за присутствующими, прислушиваясь к мелодии, которую выводит хор под аккомпанемент гитары и цимбал Бидди.

Разглядывая комнату со своего места, Эрон незаметно улыбается. Здесь стало очень уютно. Когда этот длинный и узкий барак построили, он больше напоминал конюшню. Воздвигали его в большой спешке. Работы начались, как только корабль с Клэнси отплыл в Новую Англию за невестами. Говоря по совести, для строительства Эрон предоставил такие пиломатериалы, на которые из-за плохого качества вообще не нашлось покупателей. И все же, рабочие с лесопилки и лесорубы Джейсона трудились с воодушевлением и закончили дело необыкновенно быстро.

Построенный с таким энтузиазмом барак девушки украсили по-своему, приложив женскую руку, умение и фантазию, и вскоре все здесь задышало теплом и уютом. Каждый захватил с собой из Нью-Бедфорда какую-нибудь дорогую сердцу вещь или домашнюю утварь: кружевные занавески, сделанный собственными руками коврик или просто безделушки. Клэнси привез из Сан-Франциско подержанную мебель: пару потрепанных, кресел и кушетку, а изобретательная Бидди украсила стены картинками, вырезанными из женского журнала. Так, с января, барак стал для девушек родным домом.

«Все идет хорошо», — подумал Эрон. Больше половины из тридцати девушек уже вышли замуж. На прошлой неделе праздновали свадьбу Шейлы Мейерс. Сегодня она здесь вместе со своим молодым супругом. Шейла весело болтает со своими бывшими соседками по комнате, поддразнивая флегматичную мисс Вайнрайт, предстоящее венчание которой сегодня и обсуждается. На этой неделе предложения выйти замуж получили Кэти Хойт, Роберта Мэндели и Элизабет Дэрроу. Джейсон просит обвенчаться до Рождества.

Но, глядя на очаровательную мисс Хойт, робко держащуюся за руку огромного молчаливого норвежца-лесоруба, Эрон подумал, что этих торопить со свадьбой не придется.

«Да, — решил Эрон, — эти девчонки не промах. Они позаботились о своей судьбе и одновременно о судьбе тех, с кем ее разделят».

А что касается Джейсона, то с появлением девушек дела у него пошли куда лучше.

Джереми громко затянул другую старинную мелодию, а девушки дружно присоединились:

Не забудь свой лук и стрелы И давай скорее к нам. Ты, луна, свети поярче, Помоги моим друзьям...

Капитан Клэнси, этот истинный сын свободы, стал подпевать мощным басом. Сильной загорелой рукой с татуировкой он обнимал за плечи Лотти.

Эрону эти двое напоминали дружную семейную пару, живущую в любви и согласии. И связаны друг с другом они куда крепче, чем многие мужья и жены, живущие в законном браке. Когда песня кончилась, Клэнси поднял свою пустую кружку и спросил:

— А ты знаешь балладу о маленьком певце? Джереми отрицательно покачал головой, опустив руку на стройную талию гитары.

Клэнси начал негромко напевать мелодию баллады. У него получалось не совсем верно, но все же мелодия угадывалась.

— О! — вспомнив, Джереми начал перебирать струны, пытаясь подобрать старинную печальную балладу, похожую на церковный гимн.

— Красивая музыка.

— Это случайно не о несчастном принесенном в жертву ягненке? — с сомнением в голосе спросила Бидди, дотрагиваясь до струн своих цимбал.

— Когда-то эта баллада была песней воинов и бардов, а оранжисты сделали ее своим гимном.

Звуки гитары и цимбал слились воедино, а Клэнси начал мощно выводить мелодию:

Ах как плакала мать!
С собой взял лишь шпагу,
Ту, что отец не велел ему брать.

Он запнулся, позабыв слова, что с ним нередко случалось. Но внезапно его поддержал сильный голос Ишмаэля, затянувшего:

Чтоб свободу завоевать,
Пел о том, что за веру отцов
Не жалко и жизнь отдать.

Клэнси не решался продолжить, но к голосу Ишмаэля присоединились Бидди и Джереми, вступившие с третьего куплета:

Мальчишке уж больше не встать.
Зачем ты, певец, пошел на войну?
Ах, как плакала мать...

Наконец Клэнси снова ожил, присоединив к глубокому баритону свой подпорченный виски бас:

Песню в землю не закопать.
Она свободна и над землей
Как птица будет летать.

Эрон вздохнул и незаметно скосил глаза на встревоженную Лотти.

Наклонившись к ней, он тихо спросил под звуки новой песни.

— Лотти, что же это такое? Если бы он действительно был пришельцем из другого мира, все было бы проще. Я бы все понял. Но ведь ты сама видела его и знаешь, что он собой представляет. Так кто же он? Ни то, ни се? Где он мог научиться так разговаривать по-английски? Я уже не говорю о словах «вербовщик», «ведьма», которые он понимает, и тому подобное. Откуда ему известно то, о чем знают только живущие здесь? Бухта в Сан-Франциско или слова старинной ирландской песни? Все, это меня очень волнует. Может быть, он вовсе никакой не пришелец?

Глава 11

— Клингоны допустили ошибку, — вслух размышлял вулканец Трэ, сидя за пультом компьютера в своем кабинете, — представитель империи в панике.

Думаю, после этого случая истинные цели клингонов стали ясны всем заинтересованным лицам. — Трэ окинул взглядом троих людей, усевшихся полукругом посреди его убежища.

— Хорошо, — сказал Маккой. — И все-таки, над чем же в последнее время работал Кхлару?

Трэ перевел взгляд на доктора, в душе, очевидно, удивляясь тому, что его так торопят.

— Боунз, все не так просто, — спокойно заметил Кирк. — Вероятно, это не одно

отдельно взятое событие, и в двух словах об этом не расскажешь.

Нам потребовалось бы...

— Да, событие должно быть совсем незначительным, не так ли? нетерпеливо спросил Маккой. Медлительность вулканца давно уже нервировала его. — Если клингоны начали свои фокусы со временем, они должны были выбрать что-то очень простое, совсем простое, поскольку вы, Трэ, сами объясняли нам, что иметь дело со множеством случайных факторов нелегко. Во что бы клингоны ни вмешались, они рискуют многократно усложнить задачу, ведь последствия будут нарастать как снежный ком, и результат может оказаться абсолютно неожиданным. Если они хотят добиться желаемого результата, то все должно быть предельно просто. Верно я говорю? — он с вызовом посмотрел на Трэ, затем на Кирка и снова на старого вулканца.

— Я согласен с вами, — неожиданно отозвался историк. — Но нельзя забывать и о том, что подобный эпизод мог показаться современникам ничтожным фактом, недостойным упоминания. Отвечая на ваш вопрос, доктор, могу сказать: Кхлару, как и я сам, работал над переводом и систематизацией записей карсидов, обнаруженных здесь десять лет назад. Тот, кто вел эти записи, не придерживался хронологической последовательности. Они представляют собой случайное собрание отчетов разведывательной службы, вахтенные журналы капитанов, сведения, собранные учеными об Эридановом Облаке, счета за различные товары и информацию, имевшуюся в то время в компьютерах базы, весьма напоминающую ту, с которой вы, командир Келлог, имеете дело сегодня. И я, и Кхлару — мы оба периодически делали отчеты о результатах своей работы. Можно лишь предположить, что клингоны почерпнули из отчетов Кхлару информацию, на основе которой начали строить свои планы.

— А где можно найти эти отчеты? — спросил Кирк.

— Копии отчетов хранятся в памяти компьютера, — Трэ повернулся к терминалу, положив пальцы на пульт. — Мы можем просмотреть отчеты, вводившиеся в память компьютера в течение последних двух лет. Я думаю, примерно столько времени ушло у клингонов на разработку математической модели и оборудования для выполнения их замыслов.

— Два года? — переспросила ошеломленная Мария Келлог. — Но сколько же отчетов было составлено за это время?

— Этот период охватывает примерно семь лет работы. В каждом отчете около шестидесяти тысяч слов. Чтобы найти ключ к разгадке намерений клингонов, надо изучить около двадцати отчетов, — ответил Трэ и тут же начал набирать на пульте серию команд.

Сидя на кушетке рядом с Келлог и Маккоем, Кирк видел зеленоватый отблеск от экрана компьютера на тонком лице вулканца.

— Вы, наверное, шутите, — взмолился Маккой. Трэ поднял глаза.

— С какой целью стал бы я шутить, доктор Маккой? — и он снова погрузился в свои мысли, глядя на быстро меняющиеся на экране надписи.

— Но нас же четверо, и все мы немедленно займемся этим, — попытался успокоить Боунза Кирк, — и даже шестеро, если нам помогут Ухура и Зулу. Им уже кое-что известно о происходящем, но больше я никого не хочу вводить в наш круг, чтобы не рисковать. Какое-нибудь случайно оброненное слово может долететь до ушей представителя империи, и клингоны поймут, что мы осведомлены об их намерениях. Полагаю, работа займет не больше пары...

У пульта раздался какой-то странный звук, как будто у вулканца от волнения перехватило дыхание. Кирк сразу почувствовал что-то неладное. Трэ растерянно смотрел на светящийся экран. Но заговорил он спустя минуту совершенно спокойным голосом:

— Капитан, боюсь, у нас ничего не выйдет, — Трэ направился к ним, и в складках черной мантии заиграли лучи зеленоватого света. — Похоже, представитель империи не так глуп, как кажется. Он стер все отчеты.

Только Кирк, который сам когда-то увлекался историей, мог понять что творилось в

душе вулканца, прикрывшегося маской равнодушия. Будучи дилетантом, Кирк прекрасно понимал, как ничтожны его познания в этой области, но даже он испытывал боль и гнев от того, что уничтожена историческая ценность. Во время учебы в академии Кирку приходилось встречаться с тихими, интеллигентными сотрудниками исторического факультета. Но любой из них готов был вцепиться в каждого, кто посмел бы сунуть нос в его тетради. Большая часть сотрудников занималась исторической наукой на протяжении сорока-пятидесяти лет. Вулканец же потратил на изучение древних рукописей в шесть раз больше времени. Любой человек на его месте вышел бы из себя от негодования, но Трэ молчал. Кирк подумал, что сейчас он похож на потухшую звезду. Кирк тихо сказал:

— Мы зайдем к вам попозже.

Трэ поднял глаза, и капитан заметил, что они полны гнева.

— Нет, — мягко произнес вулканец. — Не будем напрасно терять время.

Мой гнев, — он с трудом произнес последнее слово, — к делу не относится, я сумею с этим справиться. Так что не будем ничего откладывать, нельзя позволить клингонам выиграть время.

Кирку пришла в голову мысль, что недавнее нападение на Трэ и попытка убийства не нанесли ему большего оскорбления, чем уничтожение документов.

— Теперь, — продолжал Трэ, — нам остается только экстраполировать данные заново из подлинных источников.

— Но на это уйдут годы! — воскликнула Келлог. — Черт возьми, ведь у вас на это ушли многие годы!

Трэ мельком взглянул на нее и оставил эти слова без ответа, сочтя их не стоящим внимания всплеском эмоций.

— Давайте посмотрим на дело с другой стороны, — сказал Кирк. — У Спока была лишь какая-то пара секунд для передачи информации. Он говорил только самое главное. Мы искали число 1867 повсюду: в кодах и данных компьютеров, в судовых журналах и так далее, но нигде ничего не нашли.

Сейчас я абсолютно уверен в том, что это число — дата какого-то события на Земле, порядковый номер года в земном летоисчислении.

— Если ты считаешь, что это год, то речь может идти только о Земле, заметил Маккой, — потому что в этой части галактики клингоны могли отправиться только на Землю. В другом случае им пришлось бы вмешиваться в историю карсидов и в свою собственную.

— Нельзя назвать вашу аргументацию вполне убедительной, — резко заявил Трэ, снова обращаясь к Кирку, — но ваши слова не лишены смысла.

Я почти готов согласиться с ними.

— Спасибо, — поблагодарил Кирк.

— Так что же происходило на Земле в 1867 году по старому летоисчислению? — спросил Маккой.

— В Японию хлынули торговцы с запада, что способствовало реставрации Мэйдзи, происшедшей в следующем году, — начал рассказывать Трэ. — На юге Соединенных Штатов Америки произошло неудавшееся восстание. В это время американцы уже начали вести политику систематического геноцида по отношению к племенам, издавна проживавшим на континенте и на островах Тихого Океана. В Китае продолжались «опиумные» войны. В Англии престол занимала королева Виктория. В России делались первые попытки реформировать сельское хозяйство, крепостных крестьян уже освободили. Жизнь или смерть одного человека никак не могла бы повлиять на все эти события.

Кирк скрестил руки на груди, задумчиво глядя в глубину кабинета Трэ.

Умом он понимал, что вулканец прав. Никакое мелкое происшествие не оказало бы большого влияния на историю Земли, тем более в направлении, которое требовалось клингонам. Огромные усилия и средства, вложенные в этот проект, должны были оправдаться. И все же...

На Кирка нахлынули воспоминания о гардиане. Холод сковал грудь Кирка едва он вошел в те ледяные ворота и перешагнул через каменный круг.

Омерзительно воняло одноокисью углерода, шел дождь, Эдит Келлер что-то кричала. Если бы тогда он знал, как поступить, как исправить то, что они натворили...

Позднее это узнал Спок. Тогда с ним были только Спок и Маккой. В памяти Кирка возник голос Спока. Он отзывался многократным эхом в голове Кирка... «Белый карлик, Кхлару, фактор Тиллмана, гардиан...»

Внезапно он спросил:

— Будь вы на месте клингонов, чтобы вы попытались изменить?

Вулканец ответил:

— Я бы сбросил небольшую ядерную бомбу на город Вашингтон в США, федеральный округ Колумбия, и сделал бы это в октябре 1963 года в земном летоисчислении.

— Почему? — спросил пораженный Маккой. Как большинство людей, он привык думать о Вашингтоне то, что думают обычно туристы: там полно полуразрушенных памятников, а цены слишком высоки.

— В то время Вашингтон был столицей Соединенных Штатов, — заговорил Трэ, — в 1963 году напряженность между союзниками и так называемым блоком коммунистов достигла предела. Бомбардировка послужила бы поводом к страшной разрушительной войне. Лет через пятьсот уровень радиации снизился бы до незначительной величины, и клингоны сумели бы быстро прибрать все к рукам. Результат предсказуем, но само по себе это событие могло ничего не значить до тех пор, пока на Земле не появились бы посланцы других миров.

— Понятно, — мягко произнес Кирк, — только в таком случае мы говорим не об истории Земли.

— Но мы же предположили, что 1867 — это дата в земной истории! запротестовал Маккой.

— Я обязан напомнить вам, доктор, — сухо прервал его Трэ, — что в то время примерно треть всего населения Земли называла 1867 год годом Змеи.

Он снова повернулся к Кирку:

— Принадлежит эта дата к истории Земли или нет, но на политические события всегда влияла экономика. Я не нахожу места, где клингоны могли бы изменить ход истории с выгодой для себя.

— Я согласен с вами, — сказал Кирк. — Полагаю, что мы не там ищем.

— Поясните, что вы имеете в виду? — потребовал Трэ.

— Думаю, ты прав, — заметила Келлог.

— Как это? — спросил Маккой.

— Даже не знаю, как все объяснить, — начал Кирк, прохаживаясь от компьютера к длинной кушетке, — история Земли богата различными событиями, но до того, как мы вступили в контакт с другими цивилизациями, на Земле не происходило ничего такого, что могло бы сейчас служить нам подсказкой.

Если уж клингоны решились исказить ход истории и послали кого-то на Землю с этой целью, они должны быть абсолютно уверены в успехе.

Экспериментировать в этой области слишком рискованно, да и стоит недешево.

А поскольку вы утверждаете, что история — это история борьбы различных сил и экономических укладов, то нужно вспомнить такое событие, которое могло изменить все к их выгоде. Какой исторический эпизод мог привести к последствиям, важным не только для Земли, но и для всей галактики?

— В 1867 году таких событий не могло быть много, — заметила Мария.

С минуту подумав, Трэ кивнул.

— Я вас понял. И поэтому сомневаюсь в том, что во второй раз данные передавал действительно Спок. Эта дата слишком неправдоподобна.

— Вы хотите сказать, — вмешался Маккой, — что вторую передачу инсценировали

клингоны, чтобы ввести нас в заблуждение?

— Мы проверили, — ответила Келлог. — Это действительно голос Спока, сомнений быть не может.

— Может быть, нас заманили в ловушку? — пожал плечами Трэ. — У клингонов хватает различных средств воздействия на психику.

— Нет, — настаивал на своем Кирк, — Спок не станет сотрудничать с клингонами, даже если его будут резать на куски.

— Но он наполовину человек и слишком слаб для вулканца, — заметил Трэ. — Допустим, что ловушки здесь нет. С чем мы остаемся? Из имеющейся информации мы должны сделать вывод о месте и природе события, которое, как заметил доктор Маккой, должно быть незначительным, но иметь влияние на всю галактику. Таких событий просто не происходило на Земле в 1867 году.

— Не происходило? — переспросил Кирк. — Может быть, надо искать не то событие, которое произошло, а то, которое только могло произойти, но не случилось?

— Так мы зайдем черт знает куда, — вздохнув, сказала Келлог. — Если мы начнем думать о том, чего не было...

— Да, о чем-то, что должно было случиться, но не случилось, повторил Кирк. — Так что же не произошло на Земле в 1867?

— По-видимому, вторжение клингонов, — с иронией сказал Маккой.

— Нет, — внезапно произнес Трэ. — Не вторжение клингонов, а вторжение карсидов.

Все трое изумленно уставились на вулканца.

— Мне попадались отчеты разведывательной службы, в которых описывались попытки карсидов проникнуть на Землю. Они собирались следовать своей обычной схеме. Сначала торговые концессии, затем постепенное увеличение своего влияния и, в итоге, полный захват территории с превращением местного населения в рабов. Но неожиданно они натолкнулись на жесткое сопротивление местных властей, и пришлось все отложить. Задержка оказалась роковой, так как в это же время в системе Ориона начались восстания. Проект был отложен до лучших времен, и поскольку восстания перешли в настоящую революцию, о нем вообще пришлось забыть.

Вулканец легко поднялся и подошел к своему бесценному хранилищу различных сведений, устроенному в задней стенке кабинета. На полках и ячейках не было абсолютно никаких обозначений, но, с минуту подумав, Трэ достал фотокопию того перевода, который искал. Он быстро сравнил копии с оригиналами и снова повернулся к Кирку. Как и прежде, лицо Трэ было абсолютно спокойно. Вулканец давно подавил в себе вспышку гнева.

Он заговорил спокойным голосом:

— Оригиналы все еще здесь. К ним никто не прикасался. Представитель империи смог бы уничтожить отчеты, послав команды с центрального компьютера базы, но он не знал, где находятся оригиналы и какой документ требуется уничтожить.

Только Кхлару и я знали где лежат оригиналы, по которым составлялись отчеты.

Трэ взял в руки флипсиластовый ролик с переводом.

— В следующий раз, когда вы, капитан, станете утверждать, что все клингоны послушно выполняют команды своих хозяев и поэтому им нельзя доверять, пожалуйста, вспомните о Кхлару, ведь его, без сомнения, заставляли выдать этот документ.

«Да, похоже Трэ был не единственным упрямым историком на базе. О том, что ждет Кхлару на родной планете, можно только догадываться», — подумал Кирк. Он оглянулся на вулканца и внезапно понял, почему они никогда не дают волю своему гневу. Вспышки гнева людей, клингонов, кзинтов — всего лишь выстрелы из игрушечного пистолета по сравнению со взрывом, извержением вулкана, которые могли произойти, если бы вулканец не сдерживался.

Спок никогда не распространялся о своей дружбе с Кирком. Из этого Кирк сделал вывод о том, что просто вулканец никого не назовет своим другом. А Кхлару Трэ называл своим другом. Жаль, что ничем нельзя помочь бедному историку, который теперь наверняка

расплачивается за свою несговорчивость.

— Простите, я был неправ, — сказал Кирк. В это время он думал о Споке, попавшем в руки клингонов.

— Да, — прошептал Трэ, — надеюсь клингонам скоро придется пожалеть о содеянном.

Трэ снова подошел к людям. Ролик с информацией выпал из его тонких пальцев, вытянувшись тонкой лентой.

— Кхлару очень долго занимался изучением отчетов разведывательных служб. Я помню, что он работал именно над этим отчетом и, минуточку... он нашел какое-то место в середине текста: «В то время я обнаружил, что они очень не любили чужеземцев. Именно из-за этого традиционного свойства характера люди и отказались принять новую технологию. Согласно сведениям, добытым из отчетов, все предложения карсидов встречали резкий отпор из-за проводимой против них кампании. Эту фанатично проводимую кампанию возглавлял один человек. Все это кажется еще более странным, если вспомнить о тогдашнем уровне развития экономики. Промышленность только начинала развиваться и захватывать новые территории. В это время люди стали пренебрегать старинными обычаями и запретами». Трэ оторвался от текста и взглянул на людей.

— В каком году это происходило? — спросил Маккой, опираясь ладонью о кушетку.

— В империи карсидов это был 1056 год, что соответствует...

Трэ повернулся к пульту и быстро набрал ряд букв и цифр. И тут у него резко изогнулись брови — такого очевидного выражения эмоций Кирк никогда раньше не наблюдал у Трэ.

— В земном летоисчислении это 1873 год.

— Тысяча восемьсот семьдесят третий? — Маккой быстро обменялся взглядом с Кирком. Это... Трэ снова выпрямился.

— Карсиды обычно посылали на планету, которую собирались захватить, автоматически управляемые корабли. Это делалось примерно три карсидских года до первых контактов. Так что первые корабли должны были появиться где-то в 1868 году.

— Очень близко, — прошептала Мария Келлог в воцарившейся тишине, чертовски близко!

— Значит, клингоны выбрали 1867 год, — сказал Кирк. — Позднее им пришлось бы встретиться с кораблями карсидов. Как звали того мелкого чиновника, который умудрился спасти планету? Трэ снова обратился к своим записям:

— Это был представитель правительства на территории старого Вашингтона, человек по имени Эрон Стемпл.

Глава 12

Стрелки часов приближались к шести и на землю опускалась холодная зимняя тьма. Работы на лесопилке продолжались. За окнами конторы кружилась белая метель. При свете бледной луны снежинки сверкали словно крошечные звездочки.

В маленькой комнате горела лампа. Здесь царили мир и покой. От горячей плиты доносился аромат кофе. Перышко Ишмаэля весело поскрипывало, выводя все новые и новые колонки цифр в толстой бухгалтерской книге, в которую до этого дня долго никто не заглядывал. Ишмаэля охватило ощущение полного покоя. Нечто подобное он уже когда-то испытывал, но не мог точно припомнить, где и когда это было. Очевидно, многие воспоминания остались за барьером, разделившим его разум на две части. Попытаться пересечь этот барьер — все равно, что ловить рукой вечно ускользающий предмет в геоновом поле.

Иш на минуту задумался, вспоминая что такое геовое поле и как его получить. Он хорошо представлял себе весь процесс, но никак не мог понять, где и когда этому научился. Как только Ишмаэль пытался что-нибудь вспомнить, откуда-то подкрадывалась мучительная боль, и все погружалось в белый туман. В памяти сохранились только зрительные образы: далекие звезды, очертания зеленых холмов, окружающих Сан-Франциско.

На минуту Иш прикрыл глаза. Уже поздно. Бидди, несомненно, давно пришла и вместе с Эроном ждет Иша к ужину. Он вернулся к своим цифрам, чтобы поскорее разделаться с расчетами. Как и прежде, его мучила смутная догадка о том, что всю эту работу можно было бы сделать гораздо быстрее.

За окном слышались чьи-то шумные шаги, тишину нарушили громкие мужские голоса:

— Ишмаэль! Эй, Иш! Иди сюда!

Иш увидел, как в контору входят братья Болт и понял, что с тишиной и покоем придется проститься.

Джейсон оглядел письменный стол Иша и остановил взгляд на его ботинках.

— Иш, где твои цепи? Джереми, возьми ключ с гвоздя иними оковы с бедного раба.

Джереми сделал вид, что ищет ключ от воображаемых оков.

— Джейсон, ключа нигде нет. Боюсь, Эрон проглотил его.

— Злодей! — закричали Джейсон и Джошуа разом, набрасываясь на вращающийся стул Эрона. Стул испуганно скрипнул. Джереми ухмыльнулся и принялся крутить ногой сиденье единственного в «компании» стула, а Джейсон пристроился на уголке письменного стола Иша.

Ишмаэль аккуратно закрыл бухгалтерскую книгу и положил на нее руки.

Некоторое время он с вежливым любопытством рассматривал братьев.

— Чем могу быть полезен, джентльмены?

— Я рад, что ты спросил об этом, — возбужденно заговорил Джейсон. Между прочим, ты действительно можешь быть нам полезен.

— Боюсь, что да. Просто так вы бы не пришли.

— Ишмаэль, — продолжал Джейсон, наклонясь к нему через стол, — как ты смотришь на то, чтобы отправиться в Сан-Франциско?

— Я уже был в Сан-Франциско.

— Мы отправимся туда не по делам, а развлекаться, — сказал Джейсон заговорщическим тоном.

Иш испуганно отпрянул.

— Послушай!

Джейсон оперся руками о стол. Его карие глаза блестели от возбуждения, а на губах появилась лукавая улыбка. Этот сильный красивый парень явно жаждал приключений. Он принялся уговаривать Иша:

— Тебе наверняка известно о том, что Эрон решил отказаться от пари, но за определенную сумму. Он хочет пятьдесят тысяч долларов наличными.

— Да, я знаю.

— Так вот, — продолжал Джейсон, — конечно, с его стороны это мужественный поступок, и я ценю его благородство. Через пять лет гора Брайдл Вейл будет стоить в десять раз дороже, потому что Сиэтл строится и потребность в лесоматериалах будет только расти. Но не знаю, догадываешься ли ты о том, что у нас просто нет таких денег и взять их пока нигде. А теперь слушай внимательно. В этих краях человек может быстро добыть все необходимое, нужно всего лишь рискнуть. Кроме того, потребуется храбрость, предприимчивость и некоторая сумма денег.

— Но, — продолжил Иш за него, — если нет ни смелости, ни предприимчивости, то можно обойтись и одними деньгами.

— Верно, — согласился Джейсон, — но чтобы добыть денег, много денег, нужно и вложить много денег, а если их нет, остается надеяться только на удачу.

— Или совершить преступление, — вставил Джошуа, вытаскивая из кармана жестяную флягу. Глотнув, он передал флягу Джереми. Ишмаэль давно понял, что братья успели побывать у Лотти и изрядно накачались перед тем, как отправиться на лесопилку.

— Если вы собрались ограбить банк в Сан-Франциско и просите меня приглядеть за лошадьми, пока сами будете набивать карманы...

— Нет, этот способ не годится, — со смехом отозвался Джошуа. Джейсон обязательно зацепится за что-нибудь, а Джереми с перепугу выстрелит в кого-нибудь из нас.

— С какой стати, — запротестовал самый младший из братьев.

— Послушай, — Джейсон заговорил серьезным тоном, — в Сан-Франциско полно денег. Туда стекается множество золотых ручейков. В игорных домах на Монтгомери-стрит каждую ночь выигрывают и проигрывают целые состояния.

Иногда благодаря одной карте человек кладет в карман сотни долларов.

Ишмаэль, только подумай об этом...

— Я подумал, — сухо отозвался Иш, — и решил, что лучше уж я присмотрю за вашими лошадьми.

— Иш! — Джейсон сложил ладони так, как будто хотел вместить между ними все золото Сан-Франциско. — Прошу тебя, не спеши с ответом. Мне известно, каким фокусам с цифрами ты обучил Джошуа. Хотя я и не понимаю, как это получается, но не сомневаюсь в твоих способностях вычислить все, что угодно. Цифры запоют и запляшут, стоит тебе только пожелать. А еще я знаю, что выигрыш — не простая случайность, Джош сотни раз говорил мне, что все можно рассчитать. Просто выпадают разные варианты, — он понизил голос, как человек, предсказывающий судьбу. — Иш, нужно разработать систему. У нас есть книга, по которой Джош освоил все карточные игры.

Вдвоем вы сумели бы все рассчитать. Черт побери, ты и один справишься, ведь у тебя необыкновенные мозги. А мы с Джереми будем играть по твоей системе. Там всего-навсего пятьдесят два варианта. Иш, ты нам нужен. Нам требуется твоя помощь. С тобой мы справимся с любыми проблемами, но без тебя ничего не выйдет.

Ишмаэль подумал, что Джейсон Болт из тех людей, которые способны поставить на карту все свое состояние. И все же, что он теряет? Если братья лишатся горы, то Джейсону все равно придется начинать с нуля.

— Это безумие, — заявил Иш, глядя на Джейсона.

— Ты нам нужен, — снова повторил Джейсон. Иш молчал.

— Черт побери, Иш, ты должен нам помочь, — тихо сказал Джереми. — Без тебя мы пропадем, хотя бы дай нам шанс.

Ишмаэль смотрел то на Джейсона, то на Джереми. Ему вспомнились голоса Джереми и Кэнди, певших в заброшенной шахте. Иш смутно представлял себе, что такое любовь, но где-то в глубине его памяти хранились воспоминания об этом чувстве.

Однажды Джошуа научил Иша некоторым карточным играм. Вычислить различные комбинации не представляло ни малейшего труда, он почти автоматически проделывал это, играя дома с Бидди. Иш задумчиво произнес:

— Кому-то придется объяснить мне правила карточных игр...

Джейсон издал радостный вопль, такой громкий, что его, наверное, было слышно в Портленде.

— Ты согласен? Я готов расцеловать тебя.

Иш напустил на себя неприступный вид:

— Надеюсь, ты будешь сдерживать свои эмоции.

Братья Болт до того развеселились, что, смеясь, затеяли дружескую потасовку. Джейсон снова взялся за флягу, и даже Иш, никогда не видевший смысла в употреблении алкогольных напитков, из вежливости отпил немного.

Это напоминало ритуал, которым завершается заключение сделки. Ишу пришло в голову, что, видимо, братья действительно доверяют ему, раз просят помощи в деле, нарушающем планы его «дяди». Он был благодарен им за доверие.

Предложение показалось Ишу интересным.

* * *

Через десять дней они были в Сан-Франциско. «Совсем в другом Сан-Франциско», —

подумал Ишмаэль, пробираясь сквозь толпу в шикарном игорном доме на Монтгомери-стрит. Разодетые в шелка и увешанные бриллиантами богатые красавицы и их спутники бросали карты на столы, обитые зеленым сукном. От вращающихся черных и красных колес рябило в глазах.

Иш прекрасно выглядел в черном вечернем костюме. Кружевная рубашка и тонкое черное сукно с шелковистой отделкой подчеркивали его стройную фигуру, в то время как Джейсон, никогда прежде не носивший дорогой одежды, имел весьма странный вид и чувствовал себя довольно неловко. Теоретик Иш держался спокойно, как профессионал, а практикам Джейсону и Джереми явно было не по себе среди зеркал, хрусталя и ярко горящих ламп. Они стояли в коридоре между игорными залами, откуда доносился шум людских голосов, пение и звуки фортепиано. Время от времени слышался веселый женский смех и громкие восторженные восклицания мужчин. В баре на другом конце коридора шумели еще больше. У стойки бара два брата, судя по запыленной одежде, погонщики скота — затеяли спор из-за девицы с темноволосым картежником.

Пока Ишмаэль тихо давал инструкции Джейсону, ссора возле стойки разгоралась. Соперники уже просто кричали друг на друга.

— Тебе нужно твердо помнить две вещи, — спокойно внушал Иш Джейсону, — ни в коем случае не напивайся и неукоснительно следуй нашей схеме. Когда надо играть — играй, а когда не надо — отказывайся, какие бы карты ты ни держал в руках в этот момент.

Но Джейсон, отвернувшись, словно завороченный наблюдал за калейдоскопом лиц и красок в игорном зале.

— Иш, — бросил он через плечо, — я знаю, на что иду и чем рискую. Тут уж или все или ничего, так что твои предостережения излишни.

— И все же лучше лишний раз выслушать предостережения, чем совершить ошибку.

Джейсон взглянул на него и рассмеялся:

— Мамочка, не волнуйся, твой сын не подведет тебя. Джош, отведи Иша в бильярдную и научи его играть. Пошли, Джереми, пора и нам кое-что выиграть.

Они направились к игорным столам. В головах обоих звучали слова Иша и Джошуа, которые полторы недели вбивали им в мозги, как пользоваться разработанной Ишем системой. Джош смотрел вслед братьям словно мать, в первый раз провожающая сыновей в школу. Ему очень хотелось помочь им, но помочь больше было нечем.

Джейсон остановился и с улыбкой повернулся к Джошу и Ишу:

— Вы не хотите пожелать нам удачи?

— Удача, — произнес Ишмаэль назидательным тоном, — вам потребуется менее всего.

Ссора в баре пьяных погонщиков скота с картежником перешла все границы приличия. Девица, из-за которой все началось, спокойно допила свое вино и удалилась под руку с каким-то неряшливо одетым типом. Из кармана его потертого бархатного сюртука торчала флейта. Оставшиеся трое не обратили на это никакого внимания, продолжая оскорблять друг друга.

Ишмаэль нахмурился: сцена показалась ему знакомой, но где он мог наблюдать нечто подобное, вспомнить не удавалось. Джошуа нетерпеливо кивнул:

— Иш, ты идешь?

Ишмаэль поплелся за ним в бильярдную, так ничего и не вспомнив.

В целом Ишмаэль остался доволен тем, как провел этот вечер. Игорный дом показался ему забавным. Разобравшись в правилах игры в бильярд, Ишмаэль не нашел в них ничего сложного. Здесь та же геометрия и векторы, как... как в чем-то очень знакомом, но только то не было игрой. Местные шлюхи попытались было заигрывать с ним, но быстро поняли, что связываться бесполезно и удалились. Позднее они вернулись, чтобы просто понаблюдать за его игрой. Когда через несколько часов Джейсон вернулся в бильярдную, чтобы отчитаться, он застал чопорного племянника Стемпла без пиджака.

Расстегнув ворот кружевной рубашки, тот наносил меткие удары по шарам, а какая-то девица в ярко-зеленом платье держала его пиджак. Ее подруга охраняла выигрыш Иша.

Иш в очередной раз ударил кием, девица в зеленом подала ему кусок мела, и он поблагодарил ее со своей обычной мрачноватой любезностью, не обращая никакого внимания на полуобнаженную грудь и стройную ножку. Иш полностью сосредоточился на игре. Подойдя ближе, Джейсон проворчал:

— Ну и дела, Иш. Скоро ты тут, наверное, всех оставишь. Из тебя бы вышел прекрасный игрок.

Иш перегнулся через стол и легко столкнул друг с другом семь шаров.

Отскочив от бортов, они полетели точно туда, куда ему было нужно.

— Думаю, ты ошибаешься, — ответил он, но Джейсону показалось, что Ишу комплимент пришелся по душе.

На следующий день каждому нашлось занятие в Сан-Франциско. Джейсон налаживал деловые связи. Он даже попытался проверить какую-то операцию на фондовой бирже. В конторах и отелях он беседовал с теми же людьми, которых ночью встречал в игорном доме, так что у Джейсона появилась возможность наладить отношения с владельцами солидных капиталов и недвижимости из Калифорнии и восточных территорий. Неплохо иметь знакомых владельцев газет и магазинов.

Джейсон и Джереми прогуливались по широким улицам деловой части города, знакомясь с такими людьми и вещами, о каких в Сиэтле и не слыхивали. В одном из магазинов Джереми отыскал то, что хотел. На свою часть выигрыша он купил кольцо, отлитое из червонного золота и украшенное бриллиантом и маленькими изумрудами. В витрине другого магазина он увидел гитару, мимо которой просто не смог пройти. Отходя от витрины, Джейсон знал, что брат обязательно сюда вернется. Он будет экономить на всем, будет питаться одними вареными яйцами до самого конца их пребывания в Сан-Франциско, но гитару купит.

— Черт побери, можем же мы позволить себе хоть что-нибудь! — подумал Джейсон с усмешкой.

— Система работает медленно, — произнес он вслух, шагая рядом с братом к отелю «Палас», — но все же работает. Нам только остается набраться терпения и ждать.

— Это-то и удивляет меня, — сказал Джереми, ускоряя шаг, чтобы догнать своего длинноногого брата. — Мы неизменно что-то выигрываем, но и проигрываем тоже, и так каждый вечер. Но каждый раз мы уносим с собой немного больше той суммы, с которой пришли. Не знаю, почему так получается и что они там вычисляли, ведь это может быть и простым везением.

Джейсон нахмурился.

— В какой-то степени да, — согласился он. — Все-таки в любом деле нужна удача. Ни одна система не может быть абсолютно безошибочной. Чтобы там ни говорили Иш и Джошуа, дело не только в системе.

Они вышли на Маркет-стрит. В лица братьев ударил свежий ветер. Он разметал завитки рыжих кудрей Джейсона и отбросил концы его шарфа. День был пасмурный. Впереди темно-серое небо сливалось с таким же темным морем и всю эту серую массу пронзали черные мачты кораблей. Вдали виднелись очертания гор. С наступлением зимы их вершины позеленели.

— Человек не должен упускать удачу из рук. Надо заставить ее работать на себя, — продолжал разговор Джейсон. — Именно этого и не хватает Ишмаэлю и Джошу. Они слишком хладнокровны. Они могут спокойно ждать и, никогда не станут играть, если по их расчетам время не пришло. Иш и Джош лишь погреются в лучах солнца, но им никогда не поймать сам золотой шар.

— Джош уверен в правильности системы, — защищал Джереми своего среднего брата. — Ты же знаешь, как он бесится, если его задеть за живое.

— Любой человек взбесится, если ему наступить на больную мозоль, ответил Джейсон. — И собака укусит, если ее ударить. Но они не помешают нам. Ишмаэль неплохой парень, но со странностями. Он никогда не пьет, не умеет драться, не ест мяса и совершенно

равнодушен к женщинам. Я никогда не слышал, чтобы он повысил голос. В нем нет ничего человеческого.

Джерemi пожал плечами:

— Но он чертовски здорово играет в бильярд.

— Да, но с таким видом, будто занимается этим только для того, чтобы убить время.

Джейсон вынул руки из карманов и приподнял шляпу перед двумя дамами, прогуливавшимися под зонтиками. Дамы с ног до головы были укутаны в тафту и кружева.

— Знаешь, мне бы очень хотелось узнать, кем он был раньше и откуда прибыл в Сиэтл. Меня интересует, как он вообще сюда попал. Я точно знаю, что Клэнси не привозил его по морю.

— Он мог приехать из Олимпии или из Портленда, — не соглашался Джерemi, сворачивая с обочины на проезжую часть дороги вслед за братом.

— Но тогда где же его лошадь? Он словно с неба свалился.

— Эй!

Они едва успели увернуться от запряженного лошадьми фургона и поспешили подняться по мраморным ступеням дворца, в котором размещался игорный дом.

— Джейсон, все-таки это его личное дело!

— Разумеется, — согласился старший брат, — и я не собираюсь вмешиваться. Но мне не нравится то, что нам ничего не известно об Ишмаэле.

Я хочу понять, что движет каждым человеком. У одних это стремление к власти, у других — к знаниям, третьими движет любовь. Но совершенно непонятно, что движет Ишмаэлем. Он что-то скрывает. И мне очень хотелось бы узнать, что именно.

* * *

Совсем в другой части города, в длинном ущелье между двумя холмами, там где улицы и переулки вовсе узкие, а большинство домов с вывесками на китайском языке построено из картона, парусины и всяких обломков и обрезков, блуждал Джошуа. Влажный ветер пронизывал его до костей. Джошу казалось, что он бродит по этим грязным улицам уже несколько часов и выучил наизусть все вывески. При виде каждой женской фигуры у Джоша замирало сердце.

Неужели у них нет обеденного перерыва?

Больница святого Брендана имела довольно унылый и убогий вид. Никуда негодные бревна, из которых ее построили, давно почернели от сырости.

Когда-то здание было выкрашено дешевой краской, но наносили ее, видимо, в один слой, и теперь облезшая краска только подчеркивала плохое качество древесины. Все это почти бессознательно отметил про себя Джош, постоянно имеющий дело с деревом. Непонятно, как вообще здесь можно работать: не дай бог случится землетрясение, и персоналу больницы придется вытаскивать пациентов из-под руин здания.

Дверь открылась. На пороге больницы появились две женщины: первая чересчур высокая, а вторая слишком полная. На плечах у обеих серые платки, накинутые на выцветшие ситцевые платья. На улице не было тротуара, и вода текла по ней сплошным потоком. Женщины спустились с лестницы и, подхватив подолы платьев, торопливо удалились. Джош плотнее запахнул куртку и отошел под навес прачечной Ли Чанга. Уходить он не собирался. Всякий раз, когда дверь прачечной с треском распахивалась, лицо Джоша обдавало приятным теплым паром, пахнущим мылом и чистым бельем. Из больницы вышло еще несколько женщин. Они оживленно разговаривали, на ходу натягивая перчатки.

Но той, которую он искал, среди них не было. Глядя на этих женщин, не трудно было догадаться, что они очень небогаты. Их усталые лица совсем не походили на лица красоток из игорного дома.

Начало смеркаться. Мимо неизвестно зачем забредшего сюда чужака, стоящего у дверей прачечной, пробежала одетая в темные лохмотья китаянка.

Порыв ветра донес из-за угла запах рыбы и какого-то гнилья. Джошуа поднял глаза к небу, посмотрел на то место, где должно было находиться солнце, и решил, что часа через два ему пора будет собираться в игорный дом.

Дверь больницы снова отворилась. Даже не разглядев лица вышедшей женщины, Джош понял, что это та, которую он искал.

Девушка остановилась в дверном проеме и, отвернувшись от ветра, надевала перчатки. На ней было старенькое серое пальто и шляпка, из-под которой выбивались черные локоны. Девушка легко сбежала со ступенек, оглянулась и пошла дальше.

Джошуа быстро пересек грязную улицу и поспешил вслед за ней. Не успел он открыть рта, как девушка остановилась и оглянулась, как будто кто-то окликнул ее.

— Сара?

— Джош... — она слабо улыбнулась, словно посреди ненастного дня блеснул луч солнца, и застенчиво поправила очки на переносице.

— Ты не станешь возражать, если я провожу тебя? — спросил он, как будто вовсе не ради этого простоял в дверях прачечной столько времени, уже темнеет.

* * *

Ювелирный магазин Лида, отель «Ориент», Монтгомери-стрит, Керни-стрит — в этих местах оседает золото из тугих кошельков. Здесь всегда светло и шумно. На зеленое сукно летят карты, золотые и серебряные монеты. В воздухе витает аромат дорогих сигар, скрипит колесо фортуны, пахнет спиртным и духами. Слышен женский смех и звуки фортепиано, в руках игроков шелестят карты. Где-то рядом громко заспорили, зазвенели монеты и на белых манжетах крупье сверкнули бриллиантовые запонки.

Желтый свет керосиновых ламп и мягкое белое сияние газовых ламп превращают ночь в день. Джейсон Болт, одетый в дорогой черный костюм, из-под которого виднеется красный жилет, прошитый золотыми нитями, с сигарой в зубах бросает карту за картой. Рядом с Джейсоном сидит молодая дама в желтом шелковом платье с черными перьями на шляпке и держит его стакан с разбавленным виски. В дверном проеме застыл Джошуа Болт. Он смотрит на брата и безмятежно улыбается. На глаза Джоша упала светлая челка. В полночь они поужинают паровой телятиной с устрицами, а на рассвете позавтракают с шампанским.

Каждую ночь братья выигрывают и проигрывают, но всегда остаются с прибылью.

Дважды их пытались обокрасть.

В первый раз это случилось ранним утром, когда возбужденные после выигрыша, все четверо вывалили из дворца Флоринды на улицу. Они шагали по Керни-стрит с таким видом, будто все вокруг было их собственностью. Ветер трепал полы их темных плащей, впереди и сзади ярко светились огни игорных домов. На город опускался утренний туман. Сначала он сгустился над побережьем, потом окутал более респектабельные районы города. Туман оказался на руку злоумышленникам.

Неизвестно, что бы случилось дальше, если бы старавшийся не обращать внимания на дым сигар Ишмаэль внезапно не остановился, подняв руку.

Остальные тоже остановились в недоумении. Некоторое время Иш молча прислушивался. Наконец, он тихо сказал:

— Впереди за углом нас поджидают.

Джейсон взглянул на него, затем на окутанные густым туманом дома и на сбегавшую вниз улицу.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Я слышу, как там переговариваются. Они переминаются с ноги на ногу и не собираются уходить. Я уверен, что за углом стоят люди.

— Но, может быть тебе... — начал было спорить Джейсон, но тут же замолчал, вспомнив о происшествии в шахте.

В тумане лицо Ишмаэля, обрамленное прямыми и черными, как у индейца, волосами

казалось очень странным, даже немного жутким. Джейсон вздрогнул, сам не зная отчего.

— Мы можем пойти в обход, — наконец произнес Джейсон. — Мы находимся недалеко от китайского квартала. Давайте пробираться в отель боковыми улицами.

Предлагая это, Джейсон знал, что те люди все равно не отстанут, а будут незаметно преследовать их. Пока они шли вверх по Пайн-стрит и спускались к Гранту, Ишмаэль прислушивался, пытаясь определить, где сейчас находятся их преследователи. Временами звуки шагов долетали и до Джейсона.

Туман стал еще гуще. Джейсон прошептал:

— Приготовьтесь! — и поднял свою эбеновую трость.

Сражение было недолгим. Один из нападавших выстрелил, но к счастью, из-за тумана, пуля ни в кого не угодила, а выстрелить во второй раз он не успел. Джейсон увидел, как Иш пригнулся, уклоняясь от удара противника, причем сделал это так ловко, как будто специально обучался искусству борьбы. Противником Иша оказался человек огромного роста и габаритов, но Ишмаэль схватил его легко, словно клочок сена, и с силой швырнул на грязную мостовую. Больше Джейсон ничего не успел заметить, потому что на него напали сзади. Джейсон вырвался, успев уклониться от удара, и сам стукнул противника тростью. От нападавшего мерзко воняло потом, грязной одеждой и перегаром. Джейсон ударил его коленом в пах, они сцепились и упали. На Джейсона набросился кто-то еще, пытаясь схватить его за горло. Лежавший на земле Джош успел заметить растерянный взгляд старшего брата. Тем временем Джереми пытался сбросить с себя другого негодяя, а Ишмаэля схватили сзади.

Еще один бандит шел на Иша с ножом.

Дальнейшие события разворачивались так быстро, что Джейсон не успел ничего сообразить. Он только увидел как Ишмаэль изогнулся словно кот, сбросил с себя нападающего и, встав на одно колено, с невероятной силой перебросил его через плечо так, что тот налетел на своего товарища. Не успели эти двое прийти в себя, как Иш был уже на ногах. Чтобы справиться с ними, ему не потребовалось никакого оружия, он не стал даже сжимать кулаки. Иш просто положил руки на плечи одного из бандитов и надавил.

Затем проделал то же самое со вторым. Оба попадали на землю как подкошенные. Ишмаэль шагнул к мерзавцам, нападавшим на Джейсона. Один из них, громко ругаясь по-итальянски, попытался наброситься на Иша, но тот без всякого усилия поднял его и швырнул в туман. Тело с шумом покатилося вниз. Из темноты еще долго слышались отчаянные крики и проклятия. Но больше всего Джейсона поразило выражение лица Ишмаэля. На нем не было следов гнева, торжества или еще каких-либо эмоций. Не дрогнул ни один мускул, как будто все это происходило с другими, а Иш оставался равнодушным свидетелем происшествия.

Остальные грабители как-то незаметно растворились в тумане. Братья Болт и Иш остались одни.

— Черт возьми, что ты с ними сделал? — спросил Джейсон Иша, ощупывая ссадины на шее.

На земле лежал тяжело дышащий Джереми. Иш стоял рядом и рассматривал свои собственные ладони с таким видом, будто обнаружил в них что-то новое.

Казалось, он сам удивлен тому, что справился так легко с целой бандой.

— Я... — начал было Ишмаэль, и замолчал, сморщившись словно от боли, затем, тряхнув головой, продолжал:

— Это очень просто, когда поймешь принцип.

У Джейсона сложилось впечатление, что Иш сам не понял, как все это вышло.

— Идемте, — позвал Иш, — если они не совсем дураки, то вряд ли вернутся, но людям свойственно совершать необдуманные поступки.

Он нагнулся и помог Джошу встать на ноги. Иш и братья направились к своему отелю, их темные плащи сливались в одну сплошную тень.

Джереми с Джейсоном немного поотстали, и Джереми тихо спросил:

— Теперь ты понял, почему он старается никогда не выходить из себя?

Глава 13

Во второй раз жертвой нападения оказался один Джошуа. Правда, Джейсон потом очень сомневался, что нападавшие хотели просто обчистить карманы Джоша.

— Ты, наверное, уже забыл, что значит гулять по городу при свете дня как все нормальные люди, — сказала со вздохом Сара Гэй.

Из-за туч неожиданно появилось яркое солнце, и весь город засиял в его лучах. Над голубой водой закружились ослепительно белые чайки. С моря потянуло соленым ветром, наполнявшим сердца людей тоской по дальним странствиям.

Джошуа брел по улице в ужасном настроении. «Не видать мне в жизни счастья», — думал он.

Сара вздохнула. Последнее время с ее лица исчезло обычное выражение усталости и озабоченности.

— Я чувствую себя прямо-таки злодейкой и преступницей из-за того, что сбежала сегодня, оставив пациентов без присмотра.

Джош, улыбнувшись, сказал:

— Ночи я провожу в игорных домах и мерзких притонах, а сейчас, днем, отправился на прогулку со злодейкой из больницы святого Брендана.

Сара засмеялась. Город с его домами и тесными улицами остался позади, а внизу, у подножия холма, показались песчаные дюны с небольшими островками травы между ними. Джош и Сара взбирались на гребень холма.

— Ну и как у вас идут дела? — спросила она, приподнимая подол юбки, чтобы не испачкать его землей. — Я имею в виду систему, которую вы решили испытать в Сан-Франциско. Мне не раз приходилось слышать о том, что люди приезжали сюда со своими системами, собираясь выиграть горы золотых монет, а уезжали без единого гроша в кармане.

— Думаю, все дело в недостатках системы, — отозвался Джош. Математика никогда не подведет тебя, если ты сам не наделаешь ошибок.

Просто большинство людей плохо умеют считать и им не под силу создать сложную систему. До сих пор я не встречал человека, способного проделывать такие сложные расчеты, как Иш Маркс. И его система работает. Жаль только, что она работает очень медленно, это выводит Джейсона из терпения. Он жаждет быстрой и блестящей победы, а в таких случаях математика помочь бессильна.

— Ясно, — улынулась Сара. — Значит в этом и состоит секрет игорных домов. Парча и бриллианты появляются там, где есть точный математически, расчет, о чем обычные посетители совершенно не подозревают. Поэтому владельцы заведений всегда остаются в выигрыше, даже если не принимать во внимание доходы, получаемые от продажи огромного количества спиртного.

Джошуа рассмеялся — его настроение заметно улучшилось. Он подал девушке руку, чтобы помочь перебраться через камень.

— Ты правильно все поняла. Но откуда у тебя столько информации насчет игорных домов? На лице девушки появилась лукавая улыбка:

— Ты думаешь, в больницу попадают только добропорядочные старушки?

Джошуа замолчал, задумавшись о тех ярко разодетых и раскрашенных дамах, которых встречал в игорных домах. Теперь он убедился на собственном опыте, что значит проторчать всю ночь среди шума и гама, в калейдоскопе огней и дыму сигар, а утром наглухо закрыть окна шторами и наконец лечь спать, чтобы, проспав до вечера, снова отправиться туда же. Как и эта стройная девушка, идущая рядом, он был рад снова оказаться на свежем воздухе при свете дня.

А каково прожить так всю жизнь? Видеть солнце лишь когда оно случайно разбудит тебя, проникнув сквозь щель в занавеске, и проклинать его за это?

От таких мыслей Джошу стало не по себе. Он-то, по крайней мере, в любой момент может вернуться в Сизтл. А тем женщинам с фальшивыми улыбками и лицами, покрытыми густым слоем пудры и румян, чтобы скрыть следы усталости, наверняка бежать некуда.

На самой вершине холма Джош и Сара нашли большой камень и сели передохнуть. Отсюда был виден весь город. Дома казались маленькими, как корбочки от печенья. У причала теснились корабли со свернутыми парусами.

Волны с шумом и пеной разбивались о скалы.

— Сара, почему ты решила стать медицинской сестрой? Как тебе пришла в голову такая мысль?

Сара взглянула на него, сверкнув стеклами очков, и отвернулась.

Поколебавшись минуту, она вздохнула, очевидно решив довериться ему вопреки своей обычной привычке:

— Это не совсем верно, вообще-то я не медицинская сестра.

Она обхватила колени руками, и Джош заметил, что от тяжелого труда сквозь бледную кожу проступили вены. Из ее прически выбилось несколько черных прядей.

— По профессии я врач. Я выучилась на врача в Филадельфии. Мне здорово помог дядя Дэвид, и я сдала все экзамены.

Джошуа был поражен.

— Врач? — Джош тут же вспомнил как все удивились, когда Иш высказал свою догадку.

Сара кивнула и снова засмотрелась на город.

— Тебя это сильно удивляет?

— Просто... просто я не знал, что женщина может стать врачом. Разве это разрешено законом?

— Среди женщин нет врачей, — она заговорила срывающимся голосом. Закон разрешает женщине работать врачом, но на практике это невозможно.

— Да?

Она вздохнула и спросила с кислой улыбкой:

— Если бы ты заболел, то к кому скорее обратился за помощью: к женщине-врачу или к мужчине?

Джош неуверенно ответил:

— Я обращусь к любому врачу, которого смогу найти.

— А если у тебя будет выбор? Из нескольких мужчин и одной женщины?

Он задумался, соображая, что ему придет в голову первым.

— Я м-м... я не знаю.

— Зато я знаю.

К своему стыду Джошуа понял, что она права.

Сара продолжала:

— Поэтому я и приехала в Сан-Франциско. Вначале я была настолько наивна, что решила заняться частной практикой в Филадельфии. Но все закончилось уже через месяц. Никто не подбрасывал мне писем с угрозами, никто не поджигал мой дом. Просто ко мне никто не приходил. Я просиживала в своем кабинете день за днем, неделю за неделей, но пациентов не было.

Тогда я стала предлагать свои услуги в больницах города. Там думали, что я хочу ухаживать за больными и, внимательно изучив мой диплом, предлагали поработать медсестрой. Все считали меня девицей с причудами.

Она вздохнула и начала поправлять заколки в прическе, медленно подбирая выбившиеся локоны. Потом Сара продолжала свой рассказ:

— Тогда я решила отправиться в Сан-Франциско. Мне казалось, что здесь не хватает врачей, и я смогу найти работу по специальности. Я хотела лечить людей, хотела набраться врачебного опыта, но ничего не получилось.

Может быть, на востоке Соединенных Штатов я бы и нашла работу в таком же

большом городе как Сан-Франциско, но только в том случае, если бы там очень не хватало врачей. Здесь большую часть населения составляют мужчины, а мужчина позволит женщине Прикоснуться к нему скальпелем только в случае крайней нужды. Твой друг Ишмаэль — единственный мужчина, которому пришла в голову мысль о том, что женщина может быть врачом. В Филадельфии я лечила только тех женщин, чьи мужья осмелились доверить мне здоровье своих жен, а таких мужей нашлось совсем немного. Женщинам нелегко пробивать себе дорогу в жизни, в этом я убедилась на собственном опыте.

Сара избегала взгляда Джоша. Она перебирала пальцами длинную траву, выросшую в расщелине скалы. У Сары были тонкие и нежные черты лица, но руки казались не по-женски крупными и сильными. Она разглаживала пальцами длинные травинки.

— Таким образом, теперь я работаю врачом в больнице святого Брендана, хотя официально числюсь медицинской сестрой. Об этом известно доктору Киллайену и сестре Шейле. Если бы руководство больницы решило нанять еще одного врача, чего они никогда не сделают, несмотря на загруженность работой, они бы, конечно, взяли мужчину.

Сара вздохнула и продолжала;

— Во всяком случае, теперь я имею врачебную практику. Больше мне пока надеяться не на что. Джошуа взял ее ладони в свои.

— Боже, как люди глупы! Сара, я...

Но она высвободила руку и, приложив палец к губам, прошептала:

— Нет, Джошуа.

— Но я... — не унимался Джошуа. Сара покачала головой:

— Я буду делать свое дело, Джошуа, и стану тем, кем хочу стать.

По ее глазам Джошуа видел, что Сара понимает, о чем он хочет сказать и обо всем догадывается.

— Джошуа, я врач. Да, я занимаюсь неженским делом. Только не говори, что лучше мне было бы выйти замуж, иначе мы поссоримся.

Джош молчал. Он смотрел ей в глаза и не знал, что сказать.

Предложение выйти за него замуж вместо того, чтобы влачить это полуголодное существование, она сочла бы оскорблением. «Неужели эта дверь навсегда захлопнулась передо мной?» — с горечью подумал Джош. Только теперь он осознал, как Сара нужна ему. Похоже, он чувствовал это с той минуты, когда впервые увидел ее в меблированных комнатах. И вот теперь он не может просить ее руки.

Вздыхнув, Джош сказал:

— Люди — глупые создания. Я уверен, ты — прекрасный доктор.

— Ты говоришь так, потому что равнодушен ко мне? — Сара лукаво улыбнулась, но глаза смотрели серьезно.

— Ты — честный человек. Вот почему я верю в тебя. Будь по-другому, ты бы сама оставила эту затею.

Сара широко улыбнулась:

— Спасибо.

Джош попытался исправить положение;

— Ты поужинаешь со мной сегодня?

Сара рассмеялась:

— Ну конечно. Меня не так уж часто приглашают на ужин, пусть даже это делает джентльмен, проводящий каждую ночь за карточным столом.

— Прекрасно. Я уже предупредил братьев, что хочу сегодня отдохнуть. Я зайду за тобой часов в восемь.

— Ты решил отдохнуть от игорного дома? Значит ты ходишь как на работу туда, где люди отдыхают? О мистер Болт, боюсь, вы слишком порядочный джентльмен. А я... Что случилось?

Джош внезапно остановился и стал что-то разглядывать на земле. Они уже почти спустились с холма, и под ногами шуршал песок. Джош наклонился, изучая какие-то следы

на песке.

— Здесь кто-то был, — медленно произнес он. — И похоже, не раз и не два. А вот совсем свежие следы, их еще нисколько не припорошило ветром.

Сара слегка нахмурилась и сказала:

— Значит, кто-то слышал наш разговор. Но мы не говорили ничего такого, о чем нельзя беседовать при посторонних. Разве что о моей работе, к которой люди странно относятся.

Джош выпрямился и тряхнул головой, как будто желая отделаться от назойливой мысли.

— Кому могло понадобиться незаметно следить за нами и подслушивать?

Он нахмурился, вспомнив, о чем Джейсон предупреждал еще в самом начале их предприятия. Джейсон говорил, что они не должны бродить по городу поодиночке. Недавнее происшествие на Керни-стрит послужило подтверждением его слов. Джош стал вслушиваться в тишину, но не уловил ни единого звука.

— Не нравится мне все это, — сказал он наконец, — давай возвращаться в город. Я зайду за тобой в восемь часов.

* * *

— Вспомнил! — воскликнул Джейсон и так громко щелкнул пальцами, что развязывавший свой шелковый галстук Джереми вздрогнул и оглянулся на него.

— Что вспомнил?

Джереми стянул галстук с шеи, бросил его на комод и стал выкладывать на него все имеющиеся в бумажнике и карманах монеты. Золото и серебро засверкало на фоне кроваво-красного шелка. Шторы на окнах были как обычно наглухо задвинуты, но даже если их открыть, все равно за окнами ничего не видно из-за плотной стены утреннего тумана. Часы показывали половину шестого. В это время в гостиничном номере всегда царил жуткий холод словно в ледяной пещере.

— Помнишь тех двоих парней, которых я заметил прошлой ночью в доме Флоринды? — Джейсон опустился на колени перед камином с дровами, стараясь развести огонь.

— Ну конечно, ты весь вечер пытался вспомнить, где мог видеть их раньше, — сказал с улыбкой Джереми.

Он знал, что брат старается никогда не забывать лица и имена встреченных им людей и просто выходит из себя, если не может вспомнить, где и когда встретился с каким-то человеком. Видимо, это было связано с привычкой Джейсона держать все под контролем. И, скорее всего, по той же причине его так интересовало прошлое Ишмаэля Маркса.

— Мы закажем завтрак в номер или пойдем куда-нибудь? — спросил Джереми.

— Я вспомнил, что те двое парней проезжали прошлым летом через Сиэтл, — продолжал Джейсон говорить о своем, не обратив внимания на вопрос Джереми. — Ты помнишь их? Тогда они показались мне очень странными. Я подумал: похоже, они кого-то искали, потому что задали мне уйму вопросов.

Джереми пожал плечами и стал греть руки над огнем.

— Джейсон, я не помню. Джейсон нахмурился:

— Мы сидели у Лотти. Но я точно не помню, был ты в тот раз с нами или нет. Джош точно был, он должен помнить... Кажется ты, Иш, появился немного позднее.

— А... это имеет какое-нибудь значение?

— Вообще-то нет. Просто хотелось бы знать, нашли ли они того, кого искали.

Джейсон поднялся на ноги и, подойдя к комоду, начал сортировать и пересчитывать монеты, которые небрежно бросил младший брат.

— Если они все еще ищут того человека, то он обязательно объявится в Сан-Франциско. Здесь рано или поздно все появляются, нужно только дожждаться. Так где мы будем завтракать?

— Предлагаю пройтись куда-нибудь, — произнес оторвавшийся от бумаги Ишмаэль.

Ночью Иш довольно долго наблюдал за Колесом Фортуны и теперь решил произвести кое-какие вычисления.

— Чтобы прогреть эту комнату до приемлемой температуры, потребуется не меньше часа. Думаю, мы найдем лучший способ провести время, чем сидеть здесь и дрожать от холода над чашкой кофе.

— Не пора ли будить Джоша? Не дожидаясь ответа, Джереми направился к двери комнаты, в которой жили Джошуа и Ишмаэль.

Он уже предвкушал злорадное удовольствие, которое получит, когда начнет вытаскивать брата из теплой постели. Как все на свете младшие братья, он любил слегка поиздеваться над старшим.

Джейсон улыбался. Ишмаэль начал было говорить:

— Я не думаю, что...

Но Джереми вернулся с растерянным видом.

— Его там нет. Постель не смята, так что, он даже не ночевал.

Джейсон присвистнул, вскинув брови. Джереми произнес, качая головой:

— На Джоша это не похоже. — Дорогой братишка, — начал Джейсон, покровительственно опуская на плечо Джереми руку, — я должен кое-что сообщить тебе, некоторые факты из биографии такого уважаемого джентельмена, каким является наш брат...

В этот момент в дверь постучали. Братья и Ишмаэль переглянулись. Иш встал и пошел открывать.

В коридоре стоял портье, коренастый мужчина средних лет с рыжими бакенбардами, одетый в форменную ливрею с медными пуговицами.

— Мистер Болт? — спросил он, переводя взгляд с Ишмаэля на Джейсона, затем на Джереми, — мистер Джошуа Болт?

Джейсон шагнул вперед.

— Я — мистер Джейсон Болт, моего брата сейчас здесь нет.

Портье кивнул, ничуть не удивившись тому, что мистера Джошуа Болта нет в столь ранний час:

— Сэр, внизу какая-то дама спрашивает, может ли она видеть Джошуа Болта.

Джейсон подмигнул Джереми и улыбнулся с торжествующим видом.

Джереми нетерпеливо спросил:

— Она назвала свое имя?

— Мисс Гэй.

Это имя ничего не говорило братьям, но Ишмаэль спросил:

— Она внизу?

— Да, сэр. Сказала, что торопится на работу. Свое отношение к работающим женщинам он выразил, произнося слова «торопится на работу».

— Я спущусь к ней, — сказал Ишмаэль, протягивая портье монету, и исчез за дверью.

Портье хотел было идти, но Джейсон остановил его жестом и подал ему еще несколько монет.

— Пока Ишмаэль будет развлекать птичку Джоша, мы можем начать завтрак.

Едва Иш спустился в холл, Сара Гэй подняла голову. Она очень обрадовалась, увидев знакомое лицо, и ее обычно строго сомкнутые губы расплылись в счастливой улыбке. В этом шикарном дворце ее простое платье из темно-синего ситца с белым воротником показалось мрачным и жалким. А обстановка в отеле была действительно роскошной. Хозяева не пожалели средств на то, чтобы перевезти сюда самую дорогую мебель, какую только могли найти. Ишмаэль про себя давно отметил, что сочетание малиновых обоев, фиолетовой обивки массивной мебели, инкрустированных канделябров и тяжелых бархатных портьер свидетельствовало о дурном вкусе владельцев гостиницы. Хотя, если бы Иша спросили, что такое хороший вкус, и кто научил его разбираться в таких вещах, он не смог бы ответить,

Еще когда Иш брел по лесу с Эроном и Бидди, у него возникло чувство, будто он вот-вот скажет что-нибудь такое, о чем никто здесь никогда не слышал.

Он отбросил эти мысли и учтиво поклонился мисс Гэй.

— Мистер Маркс, — быстро заговорила она, — пожалуйста, не думайте, будто я собираюсь что-то выведывать или вмешиваться не в свое дело. Будьте так добры, ответьте на мой вопрос: могли ли какие-то обстоятельства помешать вчера вечером Джошуа Болту покинуть отель?

Этот вопрос явно удивил Иша.

— Напротив, мисс Гэй, вчера он вышел из отеля в половине восьмого, сказав, что у него есть собственные планы на вечер.

Сара опустила глаза и стала рассматривать свои перчатки. Ее лицо приняло озабоченное выражение.

— Как раз этого я и боялась. Мы собирались поужинать вместе, и он должен был зайти за мной в восемь часов, — тихо сказала Сара.

* * *

Они решили разделить на две группы. Братья проверяют полицейские участки, а Сара и Ишмаэль поищут в больницах.

— Мы все равно не сможем проверить в других местах, — прошептала Сара, когда они с Ишем вышли на недавно проснувшуюся улицу. Туман еще не совсем рассеялся.

— Во всяком случае, ветер теперь дует в другую сторону и начался отлив.

Она произнесла эти слова равнодушным тоном, но Иш не попался на ее удочку. У него давно уже выработалась привычка угадывать скрываемые людьми эмоции. И, вдобавок, он не забыл того, что она как-то раньше говорила об агентах, вербующих матросов обманым путем.

— Кажется, в этих местах хватает профессиональных моряков, так что вряд ли кто-нибудь станет гоняться за таким далеким от морского ремесла парнем, как Джошуа?

Сара пожала плечами.

— Все зависит от того сколько кораблей сейчас нуждается в рабочих руках. Это можно выяснить, но только, если его уже затащили на судно, и оно ушло в море, мы не сумеем ничем помочь. На побережье полно всяких подземных ходов и пещер, почти как в китайском квартале. Там его никто не сможет найти. Я...

Из тумана внезапно возникла темная фигура и раздался мужской голос:

— Доктор Гэй! Мы уже отправились искать вас, а вы сами появились.

К удивлению Ишмаэля, мисс Гэй остановилась и низко склонила голову перед незнакомцем, появившимся из тумана.

— Ваше высочество! — воскликнула она, — мистер Маркс, разрешите представить вас Его Высочеству Нортону Первому, императору Соединенных Штатов и правителю Мексики. А это собаки Его Высочества.

Пораженный Ишмаэль переводил взгляд с мисс Гэй на «императора» и обратно. Он прекрасно помнил рассказ Эрона о государственном устройстве Соединенных Штатов. Эрон говорил, что страной правят президент и конгресс, члены которого избираются на демократической основе. А здесь, среди грязи и мусора, в величественной позе стоял какой-то странный англичанин, облаченный в изношенную военную форму красного цвета и развевающийся на ветру плащ. Упомянутые собаки — пара лохматых дворняг, большая и поменьше, грозно рычали, и император Нортон погрозил им пальцем:

— Господа! Как вам не стыдно! Такое поведение не делает нам чести.

Затем он повернулся к Саре и поклонился:

— На днях, проходя мимо больницы, я видел вас в компании некоего молодого джентельмена. В свое время вы оказали мне немало услуг, так что, когда сегодня утром я нашел этого же молодого джентельмена лежащим без сознания возле какой-то двери в

китайском квартале...

— Что? — воскликнула Сара, хватая его за рукав. Обычная сдержанность покинула ее.

Император Соединенных Штатов снисходительно улыбнулся и погладил ее по плечу.

— Дорогая, не волнуйтесь. Мы отвели его в дом надежных друзей, а затем отправились искать вас. Хорошо, что мы так скоро встретились.

— Отведите меня туда, — попросила Сара.

* * *

Они нашли Джошуа в задней комнате макаронной фабрики, что на Вашингтон-стрит. Он лежал на набитом соломой тюфяке. Единственное окно с выбитыми стеклами кто-то прикрыл рваным куском картона, но было не очень холодно, поскольку комната согревалась паром, валившим из расположенной в соседнем помещении кухни. Входя в это убогое жилище вслед за мисс Гэй и императором Соединенных Штатов, Ишмаэль удивленно оглядывался по сторонам.

В комнате находилось примерно с дюжину китайцев. При появлении императора и его спутников все склонились в учтивом поклоне, но Иш чувствовал, что они незаметно следят за вошедшими. В комнате валялось еще несколько тюфяков, ими явно часто пользовались. В углу Ишмаэль заметил прикрытый люк. Своими необыкновенными ушами он уловил какие-то шорохи под землей.

— Только не подумайте, доктор, что ваш знакомый напился, — заговорил император. — Я мгновенно улавливаю запах спиртного и могу с уверенностью сказать, что он ничего не пил. Скорее всего, это какое-то наркотическое средство.

Сара опустилась на колени возле безвольного тела Джоша и стянула с него дорогой плащ. Один из китайцев заговорил:

— Это не есть мак. От него нет никакой известной нам запах.

Китаец низко поклонился. Это был маленький худой человечек неопределенного возраста с жидкой длинной косой.

— Если бы он спал в опиумном притоне, этот плащ давно бы исчезать.

— Пожалуй, он прав, — согласился Ишмаэль, опускаясь на колени рядом с Сарой и пытаясь нащупать пульс на запястье Джоша. — Да и одежда совсем сухая. Наверное, он недолго лежал на улице.

— Его дыхание совершенно чистое, — сказала Сара, наклонившись над лицом Джоша, — нет абсолютно никакого запаха.

— В карманах мы тоже ничего не нашли, — сказал окруженный китайцами император, — мы искали какие-нибудь документы, поскольку нам о нем известно только то, что последние четыре дня он постоянно провожал вас домой из больницы святого Брендана. Сначала я сам было решил, что он пьян, но оказалось не так.

Сара осторожно приподняла голову Джоша и ощупала его затылок. Потом задумчиво покачала головой и снова опустила его голову на тонкую подушку.

Пальцы Сары случайно коснулись волос на виске Джоша, и она сразу нахмурилась.

Император заглянул через ее плечо.

— Что бы это могло быть?

Сара неуверенно ответила:

— Похоже на следы ожогов.

Она быстро вскинула голову, услышав, что Иш с шумом вздохнул.

— Что с вами? Все в порядке?

Даже при тусклом свете, падающем из дверного проема, было видно, как напряглись мышцы его лица. Иш схватился за висок, а над его верхней губой выступили капли пота. Иш замотал головой, и боль утихла.

— Нет, ничего, — тихо сказал он. В это время зашевелился Джош. Он открыл глаза и испуганно крикнул:

— Я не буду!

Сара сжала его руки. Сначала Джош сопротивлялся, затем вздохнул и успокоился. На его лице выступил пот. Сара спросила спокойным голосом:

— Джош, о чем ты?

Тот снова открыл глаза, недоуменно посмотрел на девушку и, тихо застонав, повернул голову.

— Что ты здесь делаешь, Сара, я хотел сказать мисс Гэй? Где я? — он оглянулся по сторонам и, увидев китайцев, снова застонал.

— Вы находитесь на макаронной фабрике Йе Хан Сонга, — объявил Нортон.

— Что? А-а, — по лицу Джоша пробежала судорога, — как я сюда попал?

Я...

— Джошуа, что с тобой случилось? — заговорил Ишмаэль мягким голосом, но внезапно замолчал, сообразив, что вот-вот сморозит какую-то чушь, император Соединенных Штатов нашел тебя лежащим без сознания в китайском квартале. Это случилось примерно час назад. Ты помнишь, что произошло?

Джош хотел было отрицательно покачать головой, но скривился от боли.

Пальцы Джоша инстинктивно потянулись к вискам, но, едва прикоснувшись к шрамам, он снова сморщился.

— Нет, — сказал он, отчаявшись что-либо вспомнить, — ничего. Как будто со мной ничего не случилось. Последнее, что я помню, это то, как вышел из отеля, чтобы зайти за Сарой, я хотел сказать, за мисс Гэй, поправился он. — Но кто же нашел меня?

— Я объясню тебе все позднее, — прошептала Сара.

Ишмаэль молча наблюдал за происходящим. Душевно больной император в нелепой военной форме беседовал с пожилым китайцем, а Сара сосредоточенно считала пульс Джоша. Тусклый свет отражался в круглых линзах ее очков. Иш снова вспомнил о давних приступах боли. Приложив пальцы к маленьким квадратным шрамам, сохранившимся на висках, Иш подумал, что Джош еще легко отделался, раз начисто не лишился памяти.

* * *

— Кладу двойку.

— Отбой.

— Дама.

— Отбой.

— Восьмерка трэф тому господину.

Крупье поднял холодные как у акулы глаза и неприятно улыбнулся.

— Игра окончена. Кто будет делать ставки на этот раз?

Безвкусно раскрашенные карты блестели при свете газовых ламп.

Кажется, ночь подходила к концу. У Джоша Болта, стоявшего в проеме двери плечом к плечу с Ишмаэлем, возникло ощущение, будто он провел с игорных домах всю свою жизнь. Накопившаяся усталость переросла в отвращение к игре. Казалось, он не видел дневного света уже много лет. Гора Брайдл Вейл, ради которой они затеяли игру, журчание ручья в пяти футах от двери дома, бесконечный шум дождя, шуршание стекающих с сосновых иголок капель, — все это казалось теперь несбыточной мечтой.

Джош искоса глянул на своего необыкновенного товарища. В одной рубашке, с взъерошенными волосами, Иш, похоже, был готов играть в бильярд бесконечно. Джейсон прав. Это не человек.

Джереми неукоснительно соблюдал последовательность игры, которой ему велел придерживаться Ишмаэль, и проиграл. Джейсон еще держался, но шансов выиграть у него было мало. В конце концов и он проиграл. Они проигрывали всю ночь.

«Такой трудной ночи у них еще не было», — подумал Джош. Система подвела. Как человек, хорошо разбирающийся в математике, Джош понимал, что сегодняшняя неудача так

же закономерна, как и прошлые выигрыши, но в то же время он прекрасно понимал чувства Джейсона. Как истинный игрок, старший брат тяжело переживал каждый проигрыш, а особенно те моменты, когда по уговору ему нельзя было вступать в игру.

Джош понимал, что сейчас Джейсон не думает о деньгах. Судя по сверкающим бешеным огнем глазам, в душе Джейсона бушевала настоящая буря.

Джереми играл относительно спокойно: обычно его радость при выигрышах уравнивалась легкой досадой при проигрышах. Кроме того, Джереми не обладал быстрой реакцией. Он спокойно следовал рекомендациям Джошуа и Ишмаэля. Но упрямая натура Джейсона не терпела никаких уз.

В довершение ко всему, они проигрывали уже вторую ночь кряду.

Конечно, это дело случая, и Джош с Ишмаэлем заранее предупреждали Джейсона о такой возможности. Тогда Джейсон заверил их, что все понял. Но Джошу очень не нравился блеск глаз Джейсона, когда тот сбрасывал карты.

Позади них в бильярдной какой-то человек прорычал:

— Это все детские забавы. Здесь нет игр для настоящего мужчины.

Вошедший отодвинул плечом Иша от Джошуа. Джош увидел очень крупного мужчину, одетого в черное. Для фермера он был одет слишком роскошно. Из его шелкового галстука торчала булавка в форме шахматного коня. От мужчины сильно пахло виски, но отпугивало не это. С первого же взгляда чувствовалось, что этот человек готов к любым неприятностям и в случае опасности сразу схватится за оружие.

Джейсон наклонился вперед за карточным столом, сверкнув красным с золотой нитью жилетом, и взглянул на свои карты. Он снова проиграл.

Стоявший сзади великан прорычал:

— Для этой игры требуется не больше ума и навыка, чем для «фараона».

Черт бы вас побрал! Найдется в этой дыре хоть один человек, умеющий играть в шахматы?

Не повернув головы, Ишмаэль спросил:

— А каковы будут ставки?

Условились, что мат обойдется проигравшему в двести долларов.

Королева будет стоить сто долларов («Как любая шлюха в этом городе», заметил кто-то), ладьи пойдут по семидесяти пяти, слоны и кони по пятидесяти, пешки по двадцати. В поисках шахмат таинственный господин обошел все питейные заведения, расположенные на этой улице. В конце концов ему удалось найти шахматы у хозяина одного из заведений. Тот держал их для украшения комнаты.

Ишмаэль одержал победу над незнакомцем после семи ходов.

— Черт побери! — взревел верзила. — Попробуй-ка выиграть у меня еще раз!

Теперь Иш объявил ему мат через три хода.

— Ну и мошенник, ты обыграл меня, как мальчишку! — заявил незнакомец, вынимая из кармана бумажник.

Он разгладил черные усы и, закулив сигару, задумчиво посмотрел на попавшего в ловушку короля. Потом странный господин снова обратился к Ишу:

— На этот раз я обязательно выиграю. А сейчас, покажи-ка мне еще раз, как тебе это удалось.

Несмотря на то, что кошелек уязвленного незнакомца похудел на шестьсот долларов, он не собирался сдаваться. Джошуа пристроился в углу бильярдной и следил за игрой вместе с небольшой кучкой зрителей. Видимо, они достаточно разбирались в игре, чтобы не мешать посторонними разговорами. Человек в черном вовсе не валял дурака: он внимательно обдумывал каждый свой ход. Но, очевидно, Иш умел рассчитывать на три-четыре хода вперед. Джошуа понял с самого начала, что Иш выиграет и на этот раз.

Напряжение росло. И в бильярдной собралось еще несколько зрителей.

Это были случайные люди: пара карточных аферистов, танцовщица в наряде из красного шелка, хозяин ранчо из Вирджинии, маленький неряшливо одетый господин в

клетчатых штанах, похожий на коммивояжера, и тощий ковбой в поношенной черной рубашке. Все молча следили за игрой. Время от времени входил хозяин заведения, наблюдавший за тем, как идут дела в игорных залах.

Кто-то тронул Джоша за рукав. Джереми прошептал:

— Что они тут затеяли?

— Играют в шахматы, — ответил Джош. Джереми посмотрел на поле сражения с неподвижно застывшими фигурами и снова повернулся к брату:

— Джош, послушай, у тебя с собой оставшиеся деньги?

Этот вопрос сразу вывел Джоша из задумчивости.

— А в чем дело?

— Джейсону улыбнулась удача. Он выигрывает и выиграл уже много. Он удвоил ту сумму, с которой мы сегодня пришли сюда. Джейсон выиграл тысяч пятнадцать и, похоже, чем больше он ставит, тем больше выигрывает.

Джош нахмурился. Все это ему сильно не нравилось.

— Он не должен делать такие ставки.

— Но Джош, ему необыкновенно везет! Ведь, в конце концов ради этого мы и пришли сюда.

В растерянности Джош оглянулся на неподвижно застывших вокруг шахматной доски зрителей. Все увлеклись игрой. Нужно было срочно принимать решение. Он вспомнил, как Ишмаэль говорил, что главное — не поддаваться эмоциям, везет в игре или не везет. Глядя на орлиный профиль склонившегося над шахматной доской Иша, Джош подумал: «Интересно, понимает ли он, как высоко могут подняться ставки в игре?» Джош давно обнаружил, что порой этот чудаковатый не разбирается в простейших вещах и бывает наивен как ребенок.

В математических способностях Иша Джош никогда не сомневался, но понимал ли Иш, насколько сильно могут захватить эмоции во время игры?

Джош отдал брату бумажник с оставшимися восемью тысячами. Он видел, как Джереми бесшумно исчез за дверью. И тут Джоша охватила паника. В это время, — а было уже около трех часов утра, — игорные залы начинали казаться каким-то кошмарным наваждением. Ишмаэль объяснял это недостатком кислорода в воздухе и отравлением никотиновыми парами. Все краски казались более яркими, чем раньше, а шум стихал за исключением выкриков крупье и восторженных восклицаний тех, кому посчастливилось выиграть. Джош отделился от группы наблюдающих за шахматной партией и перешел в другой зал.

С первого же взгляда он понял, что Джереми несколько не преувеличивал. Джейсон восседал в центре небольшой толпы. Его взъерошенные волосы падали на глаза, но брат не замечал этого. Вокруг лежали кучки золотых монет, они блестели не менее ярко, чем глаза Джейсона. Он оседлал удачу и прямо-таки сиял от счастья. Сегодня он чувствовал себя победителем, которому улыбнулась богиня удачи.

Джереми не упомянул об одном обстоятельстве: Джейсон играл не в ту игру, в которую должен был. Теперь он играл в покер.

— Повышаю ставку, — объявил Джейсон равнодушным тоном, и Джошуа почувствовал, что его сердце остановилось.

Все повторилось сначала. Покер так же непредсказуем, как поведение сидящих вокруг стола людей: хладнокровного завсегдатая игорного дома, пары фермеров и землекопа из Вирджинии. Мелких ставок в игре никто не делал.

Джош услышал, как на стол упали карты. Джейсон придвинул лопаткой стопки монет. Он улыбался.

Джереми прошептал:

— Джош, он как в лихорадке. И ему везет. Джейсона никто не сможет остановить.

Джошуа с отчаянием смотрел на брата. В другом зале Ишмаэль задумался над шахматной доской, изогнувшись словно черный кот. Джош успел заметить, как Джейсон

принял двойку, дважды увеличил ставку и снова выиграл.

Все происходило, как в кошмарном сне. Джошуа наблюдал за событиями, в ход которых не мог вмешаться. Он быстро подсчитал сумму денег, лежавших на столе возле локтя Джейсона. Там лежало вдвое больше всего их общего капитала, около тридцати тысяч долларов. Его брат сидел с потным лицом и играл, повинуюсь инстинкту, который можно назвать своего рода системой. Он использовал невероятные шансы и выигрывал, поднимал и поднимал ставки, и каждый раз деньги оставались у него. Джошуа следил за игрой, словно загипнотизированный, понимая, что сейчас на карту поставлено их будущее, и все зависит от необыкновенной интуиции его брата.

Хриплый голос Ишмаэля вывел Джоша из оцепенения.

— Что он делает? — лицо Ишмаэля казалось высеченным из камня.

— Джейсон выигрывает, — сказал Джош, но прозвучало это как-то неуверенно.

— Он играет как обычный картежник, — произнес Иш спокойным голосом, но Джош сразу понял, что тот просто в шоке.

— Он решил довериться инстинктам, а не строгой системе.

— Но у него прекрасное чутье, — тихо произнес подошедший с другой стороны Джереми.

Джейсон не стал менять карту и выиграл с тремя семерками, взял три карты для следующей партии и снова выиграл. Ставки выросли. На столе лежало уже больше тридцати тысяч долларов — Джейсон снова увеличил ставку и выиграл. Наверное, здесь было шумно, ведь в соседней комнате играли в бильярд, а за карточными столами сидело много людей, но Джош не слышал ничего. Он с ужасом и одновременно с восторгом следил за тем, как Джейсон отбросил все здравые рассуждения и системы и играл, повинуюсь одному лишь инстинкту, выигрывая партию за партией. «У нас сегодня все получится, подумал Джош. — Мы выиграем эти деньги, выкупим гору, вернемся домой».

Его охватил какой-то безумный восторг. Душное помещение уже не казалось таким отталкивающим. Теперь весь мир сосредоточился за игорным столом, на котором высились горы золота, сверкающего при свете газовых ламп.

Джейсон принял двойку и выиграл. Один из фермеров спасовал, другой взял карту и поднял ставку. С минуту подумав, третий игрок сделал то же самое.

— Остановись! — отчаянно прошептал Джошуа. — Ради бога, остановись!

Джейсон снова поднял ставку. Золото перед ним сверкало как огонь.

Соперник ответил тем же и подтолкнул вперед лежавшие перед ним деньги.

Джош прошептал: «Ты проиграешь!»

После непродолжительного раздумья Джейсон тихонько подвинул вперед сверкавшую перед ним кучу денег.

Глава 14

Обратно до Сиэтла они добирались на судне, перевозившем скот в Ванкувер. За все три дня пути Джейсон Болт не перемолвился с братьями и словом — его мучила совесть. Он понимал, что натворил. В сумерках мужчины молча сошли с трапа. Кроме саквояжа Джереми нес футляр с гитарой. Все снова были в привычных фланелевых рубашках. джинсах и застегнутых на все пуговицы плащах.

На пристани их встречали Кэнди Прайт, Эрон Стемпл и Бидди Клум. Кэнди и братья обнялись, причем Кэнди умудрилась обнять всех сразу. В быстро сгущающихся сумерках они направились по дороге домой. Бросив на братьев прощальный взгляд, Ишмаэль заметил, что Джереми и Кэнди немного поотстали от других. Джереми пошарил в карманах и протянул девушке маленькую обтянутую бархатом коробочку. Кэнди на минуту остановилась, затем взяла коробочку и чмокнула Джереми в щеку. Скоро они скрылись в темноте.

Иш задумчиво брел за Эроном и Бидди по грязной дороге, ведущей к лесопилке.

— Полагаю, ваша экспедиция не увенчалась успехом, — с усмешкой произнес Эрон. Ишмаэль вскинул брови.

— Если бы Джейсон Болт чего-то добился, вы бы неплыли сюда вместе со всяким дерьмом.

— И все же это было забавно, — Иш задумался, не зная, стоит ли упоминать о странном случае, происшедшем с Джошем, затем продолжил:

— Если бы Джейсон придерживался системы, то еще каких-нибудь десять дней, и он выиграл бы столько, сколько нужно. Но он решил рискнуть по принципу «все или ничего» и остался ни с чем.

— О боже! — воскликнула Бидди. — Не может быть! Иш, ты должен все рассказать мне. Я никогда не была ни в Сан-Франциско, ни в других больших городах. Вы, наверное, ужасно чувствовали себя во всех этих игорных притонах.

— Верно, — согласился Ишмаэль, — если бы не деньги, которые я выиграл в шахматы, не знаю, как бы мы смогли заплатить по счету в отеле.

— Шахматы? — Стемпл удивленно взглянул на «племянника». — Черт побери, кто научил тебя играть в них?

— Мой... — начал было Ишмаэль, но в голове вдруг образовалась пустота и он не смог договорить фразу до конца.

* * *

— Я уверена, что справлюсь, — произнесла Бидди Клум, выпрямившись.

Перед ней лежала шахматная доска с расставленными фигурами.

— Не сомневаюсь, — согласился Ишмаэль. — Тебе потребуются лишь время и настойчивость.

Часы над камином зашипели и пробили половину девятого. Эрон сложил газету, снял очки и пошел за плащом Бидди, собираясь проводить ее домой.

За последние несколько месяцев количество обитательниц барака здорово поубавилось, и Бидди проводила больше времени в большом доме возле лесопилки. Обычно она заходила туда несколько раз в неделю. Бидди готовила ужин для двоих холостяков, но частенько задерживалась и попозже, садясь где-нибудь с клубком ниток и спицами, в то время как Эрон просматривал бумаги, а Иш читал. К своему удивлению Эрон обнаружил, что в компании хорошо знакомых людей Бидди чувствует себя как рыба в воде. Он даже пришел к выводу, что раньше ошибался насчет этой девушки. Эрон привык к ее обществу и не имел ничего против присутствия Бидди, если только она не нервничала и не пыталась привлечь к себе внимание мужчин, как другие девушки.

Сейчас она училась играть в шахматы, наблюдая за игрой Эрона с Ишмаэлем. С тех пор, как Ишмаэль вернулся из Сан-Франциско, они играли почти каждый вечер. Как большинство новичков, она не рассчитывала заранее ходы и не понимала, почему постоянно проигрывает, но Эрон заметил, что Бидди никогда не забывает ходов и не болтает во время игры. Но когда они играли, Бидди с удовольствием обсуждала новости и сплетничала. Сейчас обсуждали предстоящую свадьбу Кэнди и слух о серьезной ссоре между Джейсоном и Джошуа Болтами. Познакомившись с Бидди поближе, Эрон пришел к выводу, что девушку напрасно считают бестактной, ведь она всего лишь очень наблюдательна и хорошо знает, кто чего стоит. Эрон даже обнаружил, что ему не хватает Бидди в те вечера, когда они с Ишем оставались вдвоем.

Когда Эрон вышел из комнаты за плащом Бидди, девушка встала, и Иш услышал, как какой-то маленький металлический предмет звякнул, ударившись об пол. Он нагнулся и поднял крошечный серебряный кулон, свалившийся с цепочки возле камина. Иш поднес его к лампе, но кулон оказался очень мал, не больше ногтя, и рассмотреть его при этом свете оказалось нелегко.

— Ой, Иш — Бидди уже направлялась к нему, держа в руках серебряную цепочку. Я

только сейчас заметила, что потеряла его.

— Я слышал, как он упал. — сказал Иш.

— Ты... — начала она недоверчиво, — не может быть, ты просто смеешься надо мной.

Ишмаэль хотел было возразить, но передумал и промолчал. Людей удивляет многое из того, что он считает само собой разумеющимся.

Когда-нибудь он обязательно попадется на этом. Люди не способны поверить в существование таких вещей, о которых они не имеют представления.

— Очень симпатичный, — сказал Иш, держа кулон на ладони, — это же Пеш-ае-шз, правда? — Иш произнес это странное название на незнакомом языке неожиданно для себя самого. — Французская лилия? — повторил он по-английски и перевернул кулон. На обратной стороне кулона он разглядел маленькую звездочку — то, что искал, когда рассматривал кулон возле камина.

— Да, — сказала Бидди, — думаю, это настоящее серебро.

Иш прикинул в уме, сколько может весить кулон.

— Видимо, ты права.

У Иша возникло ощущение, будто эта вещь ему давно знакома. Кто-то рассказывал ему о французском геральдическом знаке. Кажется, рассказывала женщина. Теперь он ясно вспомнил ее лицо.

— Откуда у тебя это? — спросил Иш, беря из рук Бидди цепочку и продевая ее сквозь крошечное отверстие в кулоне.

— Ой, спасибо, Иш, я сама. Кулон принадлежал моей бабушке Ларкин.

Бабушка хотела, чтобы я отдала его своей дочери, когда она у меня родится, — при этих словах Бидди печально улыбнулась. — Наверное, это случится не скоро.

Иш понимал, как ей не хочется возвращаться в почти опустевший барак.

Сейчас там осталось всего несколько девушек, да и те заняты подготовкой к свадьбе Кэнди. «Какая никому не нужная жестокость! — подумал он, соединяя вместе концы разорвавшейся цепочки и загибая ногтем серебряную проволочку.

— Она не заслужила такого наказания!»

— Разве это так уж важно? — спросил он, помогая просунуть цепочку под белый кружевной воротничок.

Вопрос Иша почему-то крайне удивил Бидди, она повернула к нему голову, но ничего не сказала. Ее каштановые волосы упали на руки Иша.

— Неужели время имеет такое большое значение? Не лучше ли подождать и выбрать что-то стоящее, чем соглашаться на первое, что тебе предложат?

На лице Бидди появилось испуганное выражение, и Иш заметил, как ее глаза наполнились слезами.

— Ты намекаешь на условия того дурацкого пари? — прошептала она.

— Неужели ты так плохо думаешь обо мне? — спросил Иш.

Бидди хотела было отойти, но Иш удержал ее за плечи и не отпускал, пока она раздумывала. Когда Иш почувствовал, что Бидди расслабилась, он опустил руки.

— Прости, — тихо сказала она, затем повернулась, чтобы видеть его лицо. — Приятно услышать, что ты считаешь, будто у меня есть выбор.

На это сказать было нечего. В комнату вошел Эрон. Он уже надел пальто, а в руках держал плащ Бидди. Когда Бидди оделась, они под руку вышли за припорошенный снегом порог.

Ишмаэль запер за ними дверь и снова опустился в кресло. Шахматные фигуры по-прежнему стояли на доске. Ему пришла в голову мысль, что существует другой, более сложный способ игры. Иш взял в руки две пешки и задумался. Почему ему кажется, что фигуры могут двигаться не только вперед-назад, но и вверх-вниз?

С кем же он мог играть раньше? И почему порой ему представляется, будто в шахматы можно играть с какой-то машиной?

Иш поставил пешки на место. Видимо, он ничего не сумеет вспомнить, пока снова не

поможет случай. Возможно, когда-нибудь произойдет то же самое, что случилось с кулоном Бидди.

Иш был уверен в том, что видел не другой кулон с геральдической лилией, а именно этот. «Я видел его, держал в руках, — думал он. — И теперь я узнал его. Но почему из всего, что мне кажется знакомым, я узнал лишь французскую лилию Билли Клум?»

Иш помнил кулон совершенно ясно. Прежде на его ладони он выглядел немного по-другому. Звездочка почти совсем стерлась и ее можно было разглядеть только при очень ярком свете. И все-таки это тот же самый кулон.

Но ведь он чужой на планете, а эта вещь — фамильная драгоценность, принадлежащая семье Бидди и передающаяся из поколения в поколение! Бабушка Ларкин — смутно знакомое имя эхом отдавалось в его мозгу. Кто же говорил, что у них в роду была прапрабабушка Ларкин? В памяти всплыло лицо какой-то женщины, ее голос.

Он знал ее, знал очень хорошо.

Это невозможно. Ишмаэль поднял голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало, висящее над камином. Иш смотрелся в зеркало каждый день с тех пор, как однажды проснулся в доме на Игл Хед Пойнт, и это не давало ему забыть, что он чужой среди людей, самозванец под маской человека.

Ишмаэль запустил пальцы в свои черные волосы, отбросив их со лба.

Странное строение черепа стало еще заметнее, когда он открыл свои необычные брови. Шрамы на висках почти исчезли, остались лишь два зеленоватых пятнышка. Что это было? Случившееся стерлось из памяти точно так же, как из памяти Джоша пропали несколько часов. Но только, когда Джош пришел в себя, он увидел лицо друга и любимую женщину. Джошуа очнулся на родной земле.

Ишмаэль прижал ладони к бровям, и тут же появилась мучительная боль в голове. Так повторялось всегда, когда он пытался что-то вспомнить. Что же все-таки произошло с ним? И почему подобная история приключилась с Джошем?

Он все еще сидел, задумчиво глядя на огонь в камине, когда вошел вернувшийся Стемпл. На обратном пути Стемпл тоже что-то обдумывал. Он необычно тихо стянул с себя ботинки и снял пальто.

Ишмаэль взглянул на Эрона:

— Ты несправедлив к Бидди. Стемпл хрипло рассмеялся:

— Могу гарантировать, она заполучит мужа еще до второго января. И совсем неплохого мужа, — добавил он вызывающим тоном. — Джейсон Болт вполне подойдет ей.

— Несомненно, — отозвался Иш безразличным голосом, — и все же она будет страдать по твоей вине.

Теперь уже Эрон заговорил так резко, как обычно говорят люди, пытающиеся оправдать свои дурные поступки:

— Иш, если бы Бидди Клум не очутилась в Сиэтле, и если бы страх лишиться горы не вынуждал Джейсона Болта сделать ей предложение, а он его обязательно сделает в канун Нового года, — я говорю это потому, что достаточно знаю Болта — она бы так и осталась старой девой. Не забывай и о том, что я дал возможность Болту откупиться от пари, но он не сумел воспользоваться ею. Я даже не уверен в том, что правильно поступаю, отказываясь от горы.

— Из-за Бидди?

Стемпл отвернулся и пошел вешать пальто.

— Эрон, — начал Иш, едва Стемпл вернулся, — одного я никак не могу понять: чем плоха Бидди Клум? Мне непонятны ваши представления о красоте.

Наверное, это из-за того, что я здесь чужой и не испытываю никаких чувств к вашим девушкам. Я не знаю, кто из них красив, а кто нет. Но я понимаю, что Бидди — хороший, надежный друг. Неужели люди так слепы, что не замечают этого?

Эрон вздохнул:

— Боюсь, именно так. Я прекрасно понимаю тебя. Поэтому я и не думаю, что поступаю

дурно, вынуждая Джейсона жениться на ней. Мне нравится Бидди.

Когда ты был в Сан-Франциско, она постоянно приходила сюда, и я привык к ее обществу. Конечно, мне жаль, что начнутся пересуды, поскольку до сих пор никто не проявил желания жениться на ней, а все остальные девушки уже вышли или выходят замуж. Но я уверен в том, что Джейсон сделает ей предложение, и для Бидди это неплохо. Она будет хорошей женой.

Ишмаэль поднял брови.

— И ты переживешь это спокойно?

— Ты о чем? О том, что я не получу гору? Это не так уж страшно.

Эрон пожал плечами и отправился спать.

* * *

— Ишмаэль!

Иш обернулся и сквозь капли мелкого дождика разглядел спешащего за ним по Мэдисон-стрит Джейсона Болта.

К восторгу девушек, еще живущих в бараке вместе с Бидди, накануне Рождества выпал снег. Ишмаэль никак не мог понять, почему это так обрадовало их тем более что затем погода резко изменилась, и теперь улицы покрывала замерзшая смесь подтаявшего снега и воды.

Иш только что вышел из женского барака. Там царила веселая суматоха все готовились к завтрашнему венчанию Кэнди. Ярko горели лампы, пахло сосновыми ветками и рождественской елкой, до сих пор стоящей в гостинной.

Ее слегка поблекшие украшения почему-то напоминали Ишу об императоре Нортоне Первом. Выйдя на улицу, он погрузился в унылую атмосферу ненастного вечера. От сырости у Иша заныла нога.

Джейсон поравнялся с Ишмаэлем, и они побрели дальше по улице. Вид у старшего из братьев Болт в последнее время был неважный, и Иш понимал, что причина кроется не в переживаниях из-за женитьбы младшего брата. Иш догадывался об истинной причине, и это невероятно злило его. В то же время Иш постоянно убеждал себя, что не стоит так переживать из-за поступков людей. В конце концов, это их дело.

Ветер прямо-таки сбивал с ног. За воротник пальто Джейсона сыпалась снежная крупа. От такой погоды настроение Джейсона окончательно испортилось.

— Иш, — заговорил Джейсон, — у меня есть к тебе предложение, можно даже назвать его деловым предложением.

— Последнее деловое предложение обошлось тебе в потерю сорока тысяч долларов за карточным столом, и, кроме того, тебе пришлось занять у меня семьсот долларов.

— Но я вернул тебе долг, — напомнил Джейсон Ишу. — И смогу вернуть любой другой.

— В самом деле?

— Ишмаэль, тебе ведь нравится Бидди Клум, правда?

— Да.

— Ты не собираешься предложить ей выйти за тебя замуж?

Этот вопрос застал Иша врасплох. Ему такое никогда не приходило в голову, даже сама мысль о женитьбе казалась чудовищной.

Джейсон продолжал:

— Даже если дядя не велел тебе делать ей предложение до пятницы, ты вполне сможешь сделать это завтра вечером.

Иш, не задумываясь, ответил:

— Нет, я не могу жениться ни на Бидди Клум, ни на ком-либо еще.

На этот раз шокирован был Джейсон. И не столько словами, произнесенными Ишмаэлем, сколько убежденностью, с которой он их произнес.

— Но почему? Да, я помню, дамы в Сан-Франциско говорили, что ты холоден как рыба, но...

— Они правы, я действительно равнодушен к женщинам, — спокойно отозвался Ишмаэль. — Дело в том, что мне просто нельзя жениться. У нас в роду есть наследственное заболевание — слабоумие. Мой отец, женившийся на сестре Эрона, никогда не страдал им, но двое моих дядей с его стороны находятся в психиатрических лечебницах, и их дети тоже больны. Поэтому я давно знаю, что мне нельзя жениться. Никакая на свете женщина не будет иметь от меня детей.

Иш не слишком ловко вышел из положения, но во всей этой вымышленной истории есть доля правды: он никогда не женится на земной женщине. По удивленному лицу Джейсона Иш видел, что тот поверил во всю эту чушь и понял, что по сравнению с некоторыми вещами судьба горы Брайдл Вейл просто мелочь.

— Прости, пожалуйста, — наконец произнес Джейсон, — я не подозревал ни о чем подобном...

— Ничего страшного, — ответил Иш. — Я давно ко всему привык, да и не так уж часто приходится сожалеть о своей дурной наследственности. Если бы не она, я бы обязательно женился на Бидди. Редко встречаются девушки, из которых могут получиться прекрасные жены. Но я никак не могу жениться.

На этот раз Иш сказал чистую правду, и Джейсон поверил ему. Поэтому он быстро перевел разговор на другую тему.

Позднее, шагая к лесопилке в полном одиночестве, Иш снова обдумывал свои слова. Ветер дул ему в спину, неся с собой снег с дождем.

Поврежденная нога Иша снова заныла. Ишмаэль как-то раньше говорил Эрону, что не испытывает ни любви, ни желания к этим хрупким, ласковым земным девушкам. Но лучшего товарища, чем Бидди Клум, трудно найти.

«Мне придется жить здесь, в чужом мире до самой смерти. Как долго это может продлиться? До какого возраста доживали мои предки? Неужели я всегда буду один? Но других вариантов не существует. Сейчас я, по крайней мере, знаю, чего не должен делать. Если у меня появится сын, он окажется наполовину человеком, наполовину неизвестно кем, и повсюду будет чужим. Он никогда не узнает, почему...» — нет, это было бы ужасно не только по отношению к Бидди, но и к ее ребенку.

Ишмаэль старался не поддаваться свойственным людям эмоциям. Многие их чувства казались ему странными. И все же он почему-то тосковал по этому нерожденному ребенку, шагая по темной и скользкой дороге.

Глава 15

— Этого будет достаточно? — спросил Кирк, засовывая сверток с блестящими полупрозрачными листами флимсипласта в целлофановый пакет.

Обернувшись, он увидел, как Мария Келлог взяла в руки конец длинной, складывающейся гармошкой ленты, непрерывно выползающей из факса.

— Наконец-то, — заметила командир базы, когда конец ленты упал у ее ног.

— Ты не знаешь, библиотека Конгресса — это не того ли Конгресса, членом которого избрали Эрона Стемпла?

— В то время она была совсем небольшой, — отозвался Кирк, — но как все бюрократические учреждения, зажила своей собственной жизнью и существует до сих пор.

Мария подняла ленту и начала складывать ее.

— Черт, Джимми, взгляни сюда! — она протянула Кирку верхний конец ленты. — Этот материал только что скопировали прямо с рукописей. Не думаю, что им кто-нибудь интересовался с 1867 года.

Кирк прошел через все маленькое помещение, и взглянул через ее плечо.

Очевидно, Мария не ошиблась. Вместо информации, выдаваемой компьютером в

обычном виде, по факсу была получена фотокопия страниц первоисточника подлинных документов правительства территории Вашингтон за период с 1860 по 1870 год.

Сидевший за столом Маккой укладывал упакованные в целлофан свертки в небольшие квадратные коробки. Он проворчал:

— Ясно, почему.

После того, как материалы сфотографировали на микроплёнку, а затем вывели на экран, чтобы получить графическое изображение, они были введены в память компьютера и хранились там несколько веков. Теперь же эти материалы прошли через четыре передающие космические станции, затем их скопировали и распечатали. В итоге качество печати настолько ухудшилось, что прочесть информацию стало почти невозможно. Подобное происходило почти всегда, когда они пользовались гиперлучом для получения материалов из банка данных библиотеки Конгресса.

Но Кирк лишь заметил:

— Хорошо. Значит клингоны не имели доступа к этой информации. Они могли проследить за Стемплом лишь до 1872 года, но не раньше. В 1867 году им придется разыскивать его и других людей, живших возле границы, а на это уйдет много времени.

Маккой взял у Келлог сложенную ленту, опустил ее в пустой пакет и запечатал.

— Это все?

— Кажется, да.

Кирк подошел к двери и слегка приоткрыл ее. В коридоре никого не было. Сняв с плеча трикодер, он проверил его показания. До шестнадцатого коридора вокруг главной артерии базы-комнаты с факсом было пусто. Трикодер реагировал на любые жизненные формы, даже на муравьев. На «Энтерпрайзе» существовали большие системы сканирования пространства. Их оборудование занимало несколько комнат. Зато они могли отличить кошку от лисы на расстоянии больше пяти миль. Но чаще всего члены экипажа пользовались ручными трикодерами, хотя с их помощью невозможно отличить клингона от моллюска.

Кирк закрыл дверь.

— Путь свободен.

— Прекрасно, — отозвался Маккой, — может быть, нам что-то удастся.

Келлог начала подписывать розовые бланки декларации груза. Затем она передала их Кирку, чтобы он тоже расписался, и приклеила их к крышкам коробок, по сторонам которых были этикетки с надписью: «Живые микроорганизмы — не кормить!».

Взяв коробки, Маккой проворчал:

— Я же все-таки врач, а не историк-исследователь и не секретный агент.

— А каково по твоему мнению мне возиться с факсами словно конторскому служащему, в мои-то годы? — усмехнулась Келлог. Когда Маккой уходил, она добавила:

— Постарайся не столкнуться с клингонами!

— Большинство агентов представителя империи не профессионалы, сообщила Мария Кирку через несколько минут.

Они тихонько шли по коридору в сторону транспортного отсека, держась на некотором расстоянии от Маккой, но и не отставая, чтобы видеть, не идет ли за ним кто-нибудь другой.

Рабочий день на базе только начинался. В коридорах появились ученые, технический персонал и работники службы безопасности.

— На базе совсем немного граждан Империи Клингонов, я имею в виду штатских, а не агентов. Их досье, разумеется, безупречны.

Кирк усмехнулся.

— И ты их, конечно, изучила.

Мария пожала плечами.

— Какой смысл быть командиром, если ты не просматриваешь время от времени имеющуюся информацию.

Мария заложилла руки за спину и озабоченно нахмурилась, шагая рядом с Кирком.

— Джимми, — спросила она через минуту, — как ты думаешь, не навредим ли мы

кому-нибудь? Я имею в виду отдаленные последствия.

В это время они протискивались сквозь обычную толпу, собравшуюся перед буфетом. Пара стоявших там кзинтов шумно приветствовала командира базы, Мария же ответила сквозь зубы и что-то проворчала.

— Мы узнаем об этом только когда все закончится, — сказал Кирк.

— Я хочу сказать, может быть, все это тянулось на протяжении нескольких веков? Если клингонам удалось добиться того, чего они хотели, мы все равно не узнаем об этом, потому что мы развивались по своему собственному пути.

— Черт побери, — добавила она с отчаянием, — мы даже не можем говорить об этом, потому что не хватает слов, чтобы верно выразить мысли.

— Но, — спокойно сказал Кирк, — в том-то и состоит проблема с путешествиями во времени. К счастью, пока она больше теоретического плана, поскольку мы еще не можем выполнять такие полеты. Затея Клинтонов страшна еще и тем, что, однажды вмешавшись, они не смогут контролировать результаты своих действий. Я слышал легенды о том, что в древности существовала такая цивилизация, научившаяся путешествовать во времени. Так вот, после таких полетов жители планеты уже ничего не делали и постепенно цивилизация пришла в упадок. Если бы клингоны добились цели, мы могли бы вообще никогда не существовать или стать еще хуже самих клингонов. В 1870-х...

— Командир Келлог!

Кирк и Келлог остановились и поздоровались с нервным худощавым офицером, облаченным в черную с золотом форму служащего Империи Клингонов.

Он быстро шагал в их сторону из сто девятого коридора. Его подстриженная по правилам черная борода явно имплантирована и покрашена. То же самое можно сказать и о его прическе. Клингоны мужского пола придают гораздо больше значения таким вещам, чем люди. У офицера было такое выражение лица, какое обычно бывает у тех, кому постоянно приходится оглядываться.

Но такие лица почти у всех клингонов, даже занимающих самое высокое положение.

— Полковник Нэчрт, — приветствовала его командир базы, четко произнося фамилию клингона и сурово глядя ему в глаза.

— Командир, я собирался направить вам докладную записку, — сказал представитель империи, — и в ближайшее время я вернусь к этой теме.

— Что вы имеете в виду?

Голос Нэчрта мгновенно стал строже, как будто он слегка повернул какой-то выключатель внутри себя:

— Я говорю о правильности маркировки контейнеров, в которых перевозят опасных живых существ.

Кирк заметил, как клингон перевел взгляд с Келлог на него самого. Как и все клингоны, он бессознательно стремился к тому, чтобы разговаривать с мужчиной, а не с женщиной.

— Ящики, в которых транспортируются опасные или нежелательные живые существа, должны иметь соответствующую маркировку. Вопреки этому один из членов бригады обслуживания, уважаемый в империи и находящийся под моей защитой работник, сильно пострадал от пельза, которого переправляли на борт «Энтерпрайза». В результате травмы он едва не лишился пальца. Ящики должны иметь более четкую маркировку, а животное полагалось усыпить.

— Что бы ни содержалось в тех ящиках, они были плотно закрыты и, несомненно, заперты, — сказала Келлог, заставив представителя империи перевести взгляд на нее и как бы напоминая о том, что по правилам представитель империи должен обратиться к ней, а не к командиру корабля. И они, наверняка, имели этикетки, не правда ли, капитан?

— Да, конечно, — ответил Кирк, — позднее я сам видел их в лаборатории доктора Маккоя.

— И все же этикетки были неправильно наклеены, — упрямо стоял на своем клингон, по-прежнему обращаясь скорее к Кирку, чем к командиру базы.

Не дождавшись ответа от Кирка, он повернулся к Келлог и, повысив голос, заговорил:

— Командир, имейте в виду, что ваша дружба с командой этого корабля и благосклонное отношение к офицеру, занимающему довольно высокий пост в Федерации, не остались незамеченными, и мириться с этим не станут.

Командир базы обязан занимать нейтральную позицию. Если бы кто-нибудь из наших военных допустил подобную оплошность, ваша реакция была бы совсем иной. На одном из других ящиков, доставлявшихся на тот же корабль, была надпись «Цети ил». Что если бы ящик открыли? Илы размножаются в вентиляционных системах словно мушки. Один из них мог бы уничтожить эту базу.

— Мне не в чем себя упрекнуть, полковник, — резко сказала Мария, — а ваше отношение к случившемуся нельзя назвать беспристрастным. Вы доложили о случившемся и я приму меры к тому, чтобы инцидент не повторился. Но, поскольку ваш служащий не имел права открывать запертые ящики не зависимо от их содержимого и маркировки, советую вам сделать то же самое. Желаю всего наилучшего, сэр.

Она отвернулась и быстро зашагала прочь. Кирк поспешил за ней. Сзади послышался злобный выкрик полковника Нэчрта.

— Я пошлю вам докладную записку!

— А я прочту ее, — отгрызнулась Мария через плечо, не останавливаясь, — а что касается вас, капитан, и тех ящиков...

Они завернули за угол, где больше не могли быть услышаны, и Мария усмехнулась.

— Где же это вы раздобыли живого польза? Я не знала, что они есть на базе.

— У нас был один в зоологической лаборатории. Мистер Зулу привез его контрабандой под видом документов.

— О Боже, — воскликнула Келлог, побледнев, — сейчас ты мне скажешь, что и цети ил...

Кирк, улыбнувшись, покачал головой:

— Это просто грязь, насыпанная сверху на материалы, полученные по факсу. Но думаю, что теперь никакие агенты представителя империи не станут совать нос в ящики, которые мы доставляем на борт «Энтерпрайза».

* * *

— Лучше бы это были живые триблы, — вздохнул мистер Зулу двадцатью минутами позже, когда дверь конференц-зала на борту «Энтерпрайза» бесшумно отворилась, чтобы впустить Кирка.

— Лучше погибнуть, задохнувшись от их испарений, чем возиться с флимсипластовыми лентами.

— Так-так, — пробурчал Маккой, поднимая голову от кипы документов о правах собственности и лицензий, которые перебирал все утро.

— Куда-куда? — спросил лейтенант Гильден, угрюмый худошавый молодой человек, который оторвался от работы в своем любимом историческом отделе, чтобы помочь разобрать и привести в порядок материалы.

— Сюда-сюда, — приветливо сказал Ухура, заходя в конференц-зал вслед за Кирком с четырьмя чашками кофе в руках.

— Сейчас, сейчас, — отозвался Кирк.

Сидевший в дальнем углу у компьютера Трэ поднял голову. Компьютер установили здесь, когда было решено разместить в зале группу, работающую над проектом «Гардиан». У Трэ было такое выражение лица, как будто он ожидал чего-то лучшего. Несомненно, он провел немало времени, выслушивая рассказы Зулу, Гильдена, Ухуры и Маккоя. В памяти Кирка почему-то возник голос Спока, говорившего:

«Я чувствую себя так, как будто меня одурманила целая команда хокасов...».

Учитывая опасность, которой подвергались люди и документы, всю информацию об

Эроне Стемпле решили перенести из кабинета Трэ на борт «Энтерпрайза». Когда начали поступать материалы из библиотеки Конгресса, стало ясно, что агенты представителя империи не оставят их в покое. Кроме того, после нападения на Трэ Кирк понял, что полковник просто непредсказуем в своих действиях. По этой причине круг исследователей решили по возможности не расширять, а включить в него лишь тех, кто уже был знаком с проблемой: самого Кирка, Трэ, Маккоя, Зулу, Ухуру и Келлог, хотя им нужно было успевать выполнять и свои прямые обязанности.

Единственным посторонним, включенным в группу, стал лейтенант Гильден. Ему поручили приводить в порядок информацию, которую поставляли остальные, отбрасывать ненужное и составлять каталог имеющихся сведений.

А сведений поступало огромное количество. На переоборудование конференц-зала в нечто среднее между библиотекой и буфетом ушло около двадцати четырех часов. Теперь зал заполнили кипы переданных по факсу переводов старых отчетов разведывательной службы карсидов, материалы, полученные из библиотеки Конгресса, фотокопии страниц древних книг. Все это было навалено вперемешку с грязными кофейными чашками, обертками от леденцов, пустыми стаканами и тарелками.

Ухура взяла на себя обязанность поддерживать контакты с внешним миром. Являясь офицером службы связи, она не могла уделять работе над проектом «Гардиан» так много времени, как Зулу и Маккой. Если у тех становилось меньше работы, когда корабль находился на базе, то у нее, наоборот, число обязанностей только увеличивалось.

Материалы из библиотеки Конгресса получили так скоро только благодаря приоритетным каналам космической связи, принадлежащим командиру базы. А Кирку пришла в голову идея взяться за выполнение зоологического проекта, что объясняло столь долгое присутствие «Энтерпрайза» на орбите и позволяло доставлять на корабль ящики почти без риска, что их попытаются вскрыть агенты представителя империи Клинтонов.

Кроме них о происходящем знали лишь мистер Скотт и его подчиненные, которые под руководством Аурелии Штайнер занимались переделкой двигателей «Энтерпрайза». Двигатели нужно было усовершенствовать таким образом, чтобы они выдержали перегрузку, возникающую при преодолении временного барьера, и затем не вышли из строя во время обратного путешествия.

«Вообще-то это даже неплохо», — подумал Кирк, оглядев небольшой, заваленный вещами конференц-зал. На протяжении последних трех дней у него просто не было времени думать о судьбе Спока. Кирк вспоминал о нем лишь просыпаясь утром или в короткие минуты отдыха. Несмотря на свое ворчание по поводу секретных агентов, Маккой тоже выглядел достаточно энергичным.

Угроза того, что кто-то может изменить весь мир, вытеснила из их умов менее важные проблемы. Когда все закончится...

Кирк заставил себя не думать о самом неприятном. Закончится это нескоро, и к тому времени боль утраты станет не такой острой. Кирк наблюдал за работой своих товарищей: Зулу просматривал заголовки новой кипы деловых бумаг, полученных из Портленда и его окрестностей, и протестующе ворчал, Гильден разложил очередной пасьянс из карточек, а Ухура беседовала о чем-то с Маккоем и даже заставила его слегка улыбнуться. «Если у нас ничего не выйдет, мы можем лишиться будущего. Или даже окажется, что у нас не было прошлого», — подумал Кирк.

— Итак, джентельмены, — сказал он, садясь во главе стола и отодвигая кучу переводов, переложенную карточками и обертками от леденцов, — что вам удалось выяснить?

Зулу положил на стол стопку листов.

— Мне кажется, мы нашли их, капитан.

— В 1867 году?

Слегка шевельнув ногой, Трэ повернулся на стуле и вынул лист бумаги из принтера.

— В архиве города Сизтла, расположенного на территории Вашингтон, хранятся

записи о том, что некий Эрон Стемпл, зарегистрированный как владелец лесопилки, приобретал земельные участки в 1856, 1860 и 1866 годах. Этот человек владел немалым состоянием. В 1869 году он стал первым членом местного отдела народного образования, и в том же 1869 году Эрон Стемпл был избран мэром Сизтла. В 1872 году он выставил свою кандидатуру на пост члена палаты представителей от территории Вашингтон и, очевидно, был избран. О нем пишут как о человеке, занимавшемся благотворительностью и умевшем делать деньги.

— Знаете, — задумчиво произнес Маккой, опуская руки на кучу флимсипласта, — именно это меня и удивляет во всей нашей истории.

— То, что он был известным филантропом и владел лесопилкой? — спросил Кирк.

— То, что он был первым человеком, отнесшимся к карсидам с недоверием. Трэ утверждает, что они никогда не представлялись как пришельцы из другого мира, наоборот, ловко выдавали себя за людей одной национальности со своими жертвами. Почему Стемпл заподозрил их в дурных намерениях? Как сумел он так быстро прийти к этому заключению, ведь судя по датам первого отчета карсидов о контактах с землянами и первому письму Стемпла, предназначенному президенту Гранту, он почти сразу же раскусил их.

Трэ сказал:

— О нем пишут как об очень проницательном человеке, хорошо разбирающемся в людях.

— То же самое можно сказать и о Чарльзе Диккенсе, хотя и не думаю, что он пришел бы к такому выводу. Он был викторианцем, а викторианцы самые догматичные и упрямые дельцы, которые только существовали. Пришельцы с другой планеты? Да они бы никогда в такое не поверили.

— И Герберт Уэллс был викторианцем, — заметил Кирк, — и Жюль Верн тоже. Это отцы научной фантастики. Уэллс писал о вторжениях на Землю, не говоря уже о путешествиях во времени.

— Вторжение, — сказал Маккой, — а не экономическое порабощение. И в девятнадцатом, и в двадцатом веке люди бы над этим только посмеялись.

Никто не отнесся бы к такой фантазии серьезно. Только Стемпл и, к счастью, президент Грант, любивший пропустить рюмочку, поняли всю опасность. Эрон оказался сообразительным парнем — он не мог не быть таким, раз организовал лесопилку в то время. Но как он догадался о возможности проникновения инопланетян? Стемпл был простым предпринимателем, проживавшим недалеко от границы и имевшим склонность к политике.

— Ты так думаешь? — Кирк откинулся на спинку стула. — Возле границы вертелось много людей, и людей с очень разными биографиями: романтики, бродяги, карточные аферисты и прочие плуты, делавшие деньги самыми неожиданными способами. Наверное, Стемпл обладал неплохими мозгами и очень богатым воображением, позволившим ему прийти к такому выводу.

Кирк выудил из кучи бумаг всего одну фотографию, полученную по факсу.

Достаточно неплохую, если учесть, что она просуществовала века и была передана через огромное пространство световых лет. Официальный снимок, сделанный, возможно, перед выборами. Человек получился на нем с застывшим лицом, какие бывали у жертв долгой экспозиции.

Кирк рассматривал мясистое лицо с чувственными губами, рыжеватыми бакенбардами, обрамленное жестким белым воротником. Темные, глубоко посаженные глаза производили неприятное впечатление. «Почти лицо негодяя», — удивленно подумал Кирк, вспомнив о том, что Стемпла считали филантропом, не говоря уже о его контактах с инопланетянами. Это вовсе не лицо романтика. Человек с хитрыми, полуприкрытыми глазами наверняка лишен воображения.

Деловой человек, занявшийся политикой и ничего больше.

Что могло его заставить рисковать заработанной с трудом репутацией, выступив с заявлением на секретном заседании Конгресса, посвященном первым контактам с

карсидами? Почему он был так уверен в своей правоте? Что заставило его упрямо стоять на своем? — сведения о его поведении имелись в отчетах секретных агентств карсидов. Подошедший Маккой произнес;

— И все же, хотя Герберт Уэллс ничего не знал о карсидах, он мастерски описал путешествие во времени.

— Я вот о чем думаю, — заговорил Кирк, кладя на стол фотографию, собираются ли клингоны убить его или подстроить что-нибудь такое, из-за чего он изменит свое решение?

Трэ даже замер, прервав процесс воссоздания карты Сиэтла по старинным документам.

— Вы считаете, что Эрон Стемпл имел контакты с представителями других цивилизаций до появления карсидов?

— Это только предположение, — отозвался Кирк, — у него могло быть более богатое воображение, чем у других людей и более упрямый нрав.

Длинные пальцы вулканца беспокойно забегали по краям нескольких карт, аккуратно складывая их в стопку. Флимсипласт вообще гораздо труднее складывать в стопки, чем бумагу, хотя этот материал значительно плотнее.

— Возможно, ваша догадка верна, капитан, — продолжил разговор Трэ, но не думаю, что для клингонов, взявшихся за выполнение своего проекта, это имеет какое-нибудь значение. Как и представитель их империи, клингоны предпочитают простые решения. Если мы преодолеем временной барьер, то, скорее всего, нам придется спасти жизнь этого человека, а не решать теоретические проблемы.

Глава 16

— Разве Бидди не собиралась к нам на ужин перед танцами? — спросил Эрон Стемпл, завязывая галстук перед маленьким круглым зеркальцем, которое он обычно использовал для бритья.

— Вообще-то она собиралась зайти, — отозвался Иш, прислонясь к дверному косяку.

По случаю свадебной церемонии и танцев поверх черного свитера Иш надел куртку из шотландки в черную и синюю клетку и облачился в черные воскресные брюки. Его длинные волосы свисали словно лошадиная грива и почти касались воротника. Разглядывая в зеркале лицо Иша рядом со своим, Стемпл уже не замечал тех странных особенностей, которые наводили на мысль о том, что его «племянник» — пришелец из другого мира. Иногда он даже забывал, что Ишмаэль на самом деле никакой ему не родственник и лишь выдает себя за землянина.

Ишмаэль скрестил руки на груди обычным человеческим жестом и сказал:

— Полагаю, Джейсон Болт проводит мисс Клум на свадебную церемонию и потом на танцы.

Уязвленный Эрон отвернулся. Иш продолжал:

— В конце концов, она ведь должна стать его женой.

— Но он еще не сделал предложения, — раздраженно буркнул в ответ Эрон.

— Ты так считаешь? — отозвался Иш и захромал вниз по лестнице, а Эрон так и застыл, молча глядя в пространство.

* * *

В бараке раздавались громкие звуки скрипки и банджо, щелкали кастаньеты. Дощатые стены украшали венки из зеленых веток падуба с ярко-красными ягодами, наполнявшими помещение особым ароматом. Теперь картинки, когда-то развешанные по стенам рукой Бидди, выглядели нелепо и неуместно. Воздух в узкой длинной комнате разогрелся от ярко горящих свечей и керосиновых ламп. Пахло воском, сосной и гвоздикой, а когда дверь кухни отворялась, разгоряченных танцоров обдавало запахом сладких пирогов.

Кажется, здесь собрался весь Сиэтл. Лотти нарядилась ради праздника в платье из ярко-

голубой тафты. Смеясь, она прижалась к плечу капитана Клэнси, щеки которого прямо-таки пылали. На капитане был его лучший выходной костюм, а седеющие бакенбарды он аккуратно подстриг. Кэнди Болт вся светилась от переполнявшей ее радости. В свои чудесные волосы Кэнди вплела веточку жимолости, выращенной в теплице Сан-Франциско и доставленной сюда капитаном Клэнси с величайшей осторожностью. Джереми Болт от счастья и гордости готов был выскочить наружу из своего застегнутого на медные пуговицы жилета. Возле столов с закуской остановился бледный одинокий Джошуа. Рассеянно улыбаясь, смотрел он на танцующих быстрый шотландский танец. Раскрасневшуюся от возбуждения Бидди Клум поддерживала могучая рука Джейсона Болта.

Вокруг мелькало множество других лиц — лиц лесорубов и нью-бедфордских девушек, вышедших замуж совсем недавно или помолвленных.

Именно их Джейсон называл создателями нового города. Эти люди — отважные строители нового мира — стали первыми американцами, поселившимися на неосвоенной территории. Пока пары весело кружились в ярком свете ламп, снаружи все засыпало снегом.

Глядя на жизнерадостную толпу людей, Ишмаэль подумал: они все вместе, они едины. Это как команда корабля, летящего в космическом пространстве.

И, как ни странно, впервые с тех пор, как Иш очнулся в домике Стемпла и увидел свое отражение в зеркале, он ощутил себя одним из них. Каким бы чудом его ни занесло сюда, и кем бы он ни был на самом деле, теперь Иш стал частицей Сизтла. Кто сказал, что все живущие здесь должны быть непременно земными людьми?

Ишмаэля тронули за рукав.

— Ты пойдешь танцевать?

Обернувшись, он увидел Бидди. Ее обычно бледное лицо разругалось, а глаза сияли словно два бриллианта. Темно-синее платье подружки невесты очень шло ей.

Уже начали образовываться пары для следующего танца. Звуки настраиваемых инструментов почти утонули в общем шуме и гаме.

— Я не знаю, как это делается, — извинился Иш.

— Ой, я тебя научу, — она потащила Иша в круг. Непривычное занятие потребовало выдержки и внимания. Ишу мешала больная нога, он совершенно не представлял себе, что должен делать, и все же получал какое-то необъяснимое удовольствие от движения в такт музыке. Танцуя с молодыми девушками, кружась по комнате, держа их за плечи, за руки, за талии, Иш наконец-то ощутил, в чем состоит привлекательность этих веселых юных созданий. Хотя Иш и не чувствовал физического желания обладать ими, все же теперь ему стало понятнее, как такое происходит с другими.

Стоявший в противоположном конце комнаты Джейсон Болт наблюдал за танцующими. «Может быть, все окажется не так плохо, как представлялось раньше», — подумал он. Познакомившись поближе с Бидди Клум, Джейсон оценил многие ее достоинства. А сейчас, наблюдая за тем, как она вспыхивала и заливалась смехом, кружась в паре с невозмутимым племянником Стемпла, он пришел к выводу, что временами она бывает даже хорошенькой. Джейсон поискал глазами Стемпла, но хозяин лесопилки еще не появился. «Лучше уж разделаться с этим до его прихода», — решил Болт. Стемпла тоже угнетает неизвестность, и если он захочет, то найдет способ сорвать все дело.

Как только музыка смолкла, Джейсон собрал всю свою волю в кулак, чтобы сделать последний решительный шаг. Джейсон понял, что ему не отвертеться еще тогда, когда Бидди Клум только сходила с корабля капитана Клэнси.

Люди с шумом и смехом потянулись к столам с угощениями. Джейсон подошел к Бидди и взял ее за руку.

— Бидди, можно с тобой поговорить?

Он поискал глазами укромное местечко, где можно спокойно побеседовать. Просторная комната была битком набита людьми, а в каждом углу либо стояла еда и напитки, либо ворковала парочка. Выходить на улицу не хотелось: хоть ветер и переменился, обещая улучшение погоды, все же снаружи было холодно. Гору нужно спасать, но Джейсон не

собирался мерзнуть, пока будет делать предложение Бидди. В конце концов он провел ее сквозь толпу в тихий уголок под лестницей, где девушки устроили вешалку.

Перила отгородили их от света и шумной толпы. Даже украшенные зелеными ветками перила наводили Джейсона на мысль о тюремных решетках.

Джейсон держал руки Бидди в своих ладонях.

— Бидди, — тихо начал он, — думаю, что время пришло, — Джейсон поднес ее пальцы к губам и посмотрел сверху вниз на ее вытянутое лицо, показавшееся сейчас совсем некрасивым из-за падавшей тени. Но деваться было некуда, и Джейсон заставил себя произнести:

— Ты выйдешь за меня замуж?

Бидди улыбнулась, и ее невзрачное лицо словно осветило солнце.

— Ой, Джейсон! Ты делаешь мне честь своим предложением, — она ласково сжала его руки, — хотя я и не могу принять его, но все же...

— Что? — едва выдохнул Джейсон. Даже в кошмарном сне не могло привидеться, что какая-нибудь женщина, и менее всего Бидди Клум, сможет отказать ему.

Бидди опустила свои длинные прямые ресницы.

— Я не могу принять предложение, — повторила она как бы между прочим.

Затем Бидди снова сверкнула улыбкой.

— И все же я благодарна тебе. До сих пор мне никогда еще не делали предложения.

«Охотно верю», — мрачно подумал Джейсон.

— Я никогда не подумала бы, что ты...

— Но, — такого развития событий он никак не ожидал, — почему нет?

— Потому, что я не люблю тебя, — просто ответила Бидди.

— Какое отношение имеет любовь к... — начал было Джейсон, но, спохватившись, замолчал.

— Бидди, — снова заговорил он, пытаясь держать себя в руках, — я не шучу. Я действительно хочу жениться на тебе. Пожалуйста, скажи, что ты согласна. Если ты этого не сделаешь... — он не смог выговорить, что в таком случае гора Брайдл Вейл достанется Эрону Стемплу, а придумать что-нибудь другое не успел.

Лицо Бидди помрачнело.

— Если я не соглашусь, то так и останусь старой девой? — спокойно спросила она. — Вполне возможно. Ты мне нравишься, Джейсон, очень нравишься. Ты хотел совершить благородный поступок, предложив мне выйти замуж, чтобы я не осталась старой девой. Но в Сизтле живет один человек, которого я действительно люблю, и за которого с радостью вышла бы замуж, я...

— Это Ишмаэль? — перебил ее Джейсон, — если он, то...

— Иш? — Бидди крайне удивило это предположение. — Что ты, конечно, нет. Ой, Джейсон, — добавила она с печальным видом, — я ведь не разбила твое сердце?

Шокированный и смертельно оскорбленный, Джейсон был готов свернуть ей шею, но в эту минуту внимание Бидди привлекла суматоха у входной двери.

Оттуда послышались громкие голоса и потянуло холодом.

— Ой! — беспечно воскликнула Бидди, как будто ничего не произошло, это пассажиры с почтового парохода Клэнси! — и, шурша обшитыми кружевами юбками, она промчалась мимо Джейсона, чтобы вместе со всеми приветствовать вновь прибывших.

В зал успел войти только один человек — стройная темноволосая девушка; Джейсон не сразу узнал ее, потому что девушка сняла очки, мгновенно запотевшие — в теплом помещении. Джош крикнул: «Сара!» так громко, что заглушил шум толпы. Сара подняла свои огромные близорукие глаза, в которых можно было прочесть одновременно и испуг, и отчаянную храбрость. Джош уже протискивался сквозь толпу, собираясь сжать девушку в объятиях.

— Сара! Ты здесь! Я никогда бы не... я хочу сказать...

— Мисс Гэй, если я не ошибаюсь? — спросил подошедший с другой стороны Джейсон.

Надев очки, она взглянула на него с независимым видом:

— Я — доктор Гэй. Я практикующий врач и имею лицензию.

Если Сара ожидала встретить у этого серьезного крупного мужчины, которого мельком видела в Сан-Франциско, что-нибудь вроде высокомерного удивления, то она здорово ошиблась. В Сиэтле слишком долго не было врача.

Джейсон обрадованно спросил:

— Значит, вы приехали в Сиэтл, чтобы работать врачом?

Нервно, Сара поправила выбившийся локон.

— Да, я надеюсь найти здесь работу. Но, вообще-то, я приехала в Сиэтл для того, чтобы выйти замуж, — и добавила, испуганно взглянув на Джоша, так мне кажется...

Джош просто просиял. Таким его еще никто никогда не видел.

— У меня нет кольца, но я достану его для тебя, клянусь, что достану...

— Джош, насчет этого не волнуйся...

Джейсону оставалось только улыбаться. Наконец-то нашлось объяснение странному поведению Джоша, ведь по своему обыкновению он все тщательно скрывал. Во время недавней ссоры с Джейсоном он заявил, что брата его проблемы не касаются. Узнав в чем дело, Джейсон почти забыл о тяжелом ударе, нанесенном ему Бидди Клум.

Появление Бидди заставило его опять вспомнить о ней. Девушка подошла к Джейсону и вместе со всеми приветствовала незнакомку. Едва Джейсон собрался отвести Бидди в сторону, положив ей на плечо руку, как в комнату вошел Эрон Стемпл. Вид у него был даже более угрюмый и неприятный, чем обычно. Эрон сразу уставился на Джейсона и его спутницу.

Джейсон позвал:

— Бидди!

Девушка снова подняла на него глаза. Выбравшись из толпы, Джейсон заметил, как щеки Билли внезапно порозовели от смущения, когда она инстинктивно уцепилась за его руку.

Джейсон и Бидди пересекли уже половину комнаты, когда «Эрон, видимо прийдя к какому-то решению, бросился вслед и догнал их возле столов с угощениями.

Бидди остановилась, вопросительно глядя на Стемпла.

Эрон сказал;

— Бидди, можно сначала я поговорю с тобой?

Девушка перевела взгляд на Джейсона, как бы спрашивая разрешения.

Болт внимательно посмотрел на Стемпла. Он подозревал, что тот затевает очередную подлость, но, встретившись с тем же мрачным таинственным взглядом, спокойно произнес:

— Безусловно.

Стемпл взял Бидди за локоть и медленно проводил ее в угол.

«Он что-то задумал, — подумал Джейсон, наблюдая за их разговором.

Стемпл догадался о том, что я собирался сделать ей предложение. Но, клянусь, он не сможет мне помешать. Я сохраню гору любой ценой — даже если мне придется сегодня бежать, вместе с Бидди».

Затем, к крайнему удивлению Джейсона, Бидди вздрогнула и пристально посмотрела в лицо Эрона. С радостным визгом, слышимым, наверное на дворе, если бы не шум толпы, собравшейся вокруг Джошуа и Сары, Бидди бросилась в объятия Стемпла. Пораженный Джейсон с открытым ртом следил за тем, как эти двое обнимались. Лицо Эрона потонуло в волосах девушки. Эрон и Бидди снова посмотрели друг другу в глаза, и, наконец, их губы слились в долгом счастливом поцелуе.

Музыканты приготовились исполнять следующий танец, и Бидди с Эроном пришлось протискиваться среди сгрудившихся пар. Эрон пришел в себя, и его лицо приняло обычное холодное выражение. Одной рукой он по-хозяйски обнял Бидди за талию.

— Джейсон, — тихо сказал Эрон, — ты все-таки выиграл пари. Я сделал предложение мисс Клум выйти за меня замуж.

Джейсона как будто ударили между глаз.

— Ты... что?

— Я собираюсь жениться на Бидди.

Черные глаза смотрели с вызовом, ожидая реакции Джейсона и, казалось, говорили: только попробуй сказать что-нибудь! Я сверну тебе шею и взорву эту проклятую гору, если ты посмеешь! Джейсон с усилием выдохнул:

— Я... я желаю вам счастья... Эрон, это замечательно!

На смену крайнему удивлению пришел буйный восторг, как только до Джейсона дошло, что ему все же удалось соскользнуть с крючка!

— Примите мои поздравления. Могу я поцеловать невесту?

Бидди подставила свою целомудренную щеку и спросила:

— Ты что-то хотел сказать мне, Джейсон?

— Теперь это уже неважно, — ответил он, и добавил совершенно искренне:

— Билли, я счастлив за тебя. Не по какой-либо другой причине, а именно за тебя.

— Спасибо, Джейсон, — ласково сказала она, и Эрон повел ее к танцующим.

К Эрону незаметно приблизился один из работников лесопилки и тронул его за плечо.

— Там вас спрашивает какой-то незнакомец. Он стоит возле здания конторы.

— Прямо сейчас, ночью?

— Говорит, что у него важное сообщение. Он прибыл из Ванкувера с важной информацией насчет продажи лесных участков к северу отсюда. Он хочет поговорить о финансовой стороне этого дела.

Эрон нетерпеливо кивнул. Откуда-то появился Ишмаэль. Стемпл сказал:

— Бидди, ты не станешь возражать, если с тобой пока побудет Иш? Я скоро вернусь. Бидди застенчиво улыбнулась:

— Хорошо.

Эрон выразительно взглянул на «племянника». Удивленный Иш пошел танцевать с Бидди.

Скрипки заиграли «В долине у красной реки».

Уже одетый, Эрон на минуту задержался в дверях, чтобы окинуть взглядом помещение, этот оазис в пустыне. Он увидел, как Ишмаэль закружил Бидди в вихре танца. Они походили на брата и сестру. Вид у Иша был серьезный, но его глаза улыбались. Рядом с ними танцевали Джошуа и доктор Гэй, Джереми и Кэнди. Клэнси отплясывал с Лотти, качаясь сверх меры.

Джейсон отошел в сторону с большим бокалом пунша. Он напоминал неожиданно отпущенного на свободу преступника, который уже собирался было провести всю жизнь в тюремной камере. По сосновому полу шуршали длинные юбки, сливаясь в одну общую ритмично раскачивающуюся массу. Иш подтолкнул Бидди в середину круга, и все танцующие разделились на две большие группы левую и правую, а затем с шумом и смехом стали пробегать сквозь ворота, образованные из рук.

Эрон задержался взглядом на одной из пар, затем тряхнул головой, пытаясь отогнать глупые мысли.

Вначале Эрону казалось, что всякая чушь лезет ему в голову лишь потому, что ему просто будет не хватать Бидди в доме, ведь он успел привыкнуть к ней. Он даже не допускал мысли о чем-то большем между ними. А может быть, настойчивые призывы Иша относиться к Бидди по справедливости заставили его взглянуть на девушку другими глазами. Об этом трудно судить.

Эрон даже не совсем понял, что Бидди ответила, когда он сделал ей предложение, потому что эта сводящая с ума женщина была непредсказуема.

«Я должен выбросить всю эту чушь из головы», — думал Стемпл, глядя, как пары расходились и снова соединялись и усмехнулся. Некрасивая, бестактная девица, на которой ни один нормальный мужчина добровольно не женился бы. И он не наделал бы глупостей, но, войдя сюда и увидев Бидди под руку с Болтом, он понял, что просто не сможет жить дальше, если она станет женой Джейсона.

Пройдя по кругу, пары снова соединились. Ишмаэль закружил в танце Бидди. Он что-то сказал, и та звонко рассмеялась.

«Ишмаэль никогда не станет таким как мы, — подумал Эрон, — но сегодня, плавно раскачиваясь в ритме танца, он так близок к людям, как никогда».

Улыбнувшись своим мыслям, Стемпл застегнул пуговицы и шагнул в ночь.

Звуки скрипок остались позади. В морозном воздухе от его дыхания шел пар, как из чайника. Снегопад прекратился, а под ногами лежала смесь грязи со льдом. На черном небе появились первые, едва различимые из-за спутанных ветвей высоких деревьев звезды.

Эрону показалось, что сквозь черные ветки он разглядел движущуюся красную звездочку.

* * *

Танцы закончились. Мужчины и женщины смеялись и никак не могли отдышаться.

Иш видел, как Эрон уходил. Хотя никто ничего не сказал ему, Ишмаэль понял, что произошло между Эроном, Бидди и Джейсоном. Это были логичные поступки, что порадовало его. Держа Иша за руку, Бидди разговаривала со стоявшей рядом Сарой и обещала навестить ее в Сиэтле в это ужасное время года.

— Плыть на корабле не так уж страшно, — заметила Сара, быстро поправляя прическу. — Как только мы миновали Золотые Ворота, море успокоилось, и все стало на свои места.

— Тебе пришлось добираться одной с пристани? — спросила Бидди. — Я помню, как впервые оказалась в Сиэтле год назад. Все было как теперь, только под ногами вместо снега хлопала грязь...

— Нет, — улыбнулась Сара, — капитан Клэнси пошел вперед, чтобы успеть на церемонию венчания, а я отправилась вместе с другими пассажирами.

Почему-то я не вижу их здесь, нет, вот они возле двери.

Иш посмотрел в сторону двери и увидел двоих смуглых незнакомцев. Как только он остановил на них свой взгляд, мужчины поспешили выскользнуть за дверь. Ишмаэль вздрогнул как от удара и нахмурился.

ЭТО БЫЛИ КЛИНГОНЫ.

«Что нужно клингонам на свадьбе Кэнди?» — подумал он.

Едва незнакомцы исчезли в темноте, его словно окатили ледяной волной.

Он вспомнил испытанную когда-то боль. Клингоны.

Транспортный корабль. Эрон.

— Иш? — Спок обернулся. Женщина, которую он держал за руку, с беспокойством следила за ним. — С тобой все в порядке? У тебя совершенно зеленое лицо.

Ничего не ответив, он отпустил ее руку и быстро захромал через зал.

Протиснувшись между столпившимися возле двери людьми, он вышел наружу.

Клингонов нигде не было видно.

Вокруг стояла мертвая тишина. Было очень холодно. В темноте сверкали серебряные звезды, светились золотистым светом окна барака. Спок пристально вглядывался в спускающуюся к пристани темную улицу, но не замечал никаких признаков движения. Снег под ногами смешался с грязью, так как люди без конца ходили туда и обратно, и невозможно было обнаружить никаких следов.

Но Спок знал, куда идти. Логичнее всего было бы устроить засаду в лесу, отделявшем лесопилку от города. Некоторое время он размышлял, не напасть ли ему на них сзади, но затем отбросил эту мысль. С поврежденной ногой он не мог быстро передвигаться по лесу. Поэтому Спок пошел по дороге, стараясь держаться в тени последних городских домов. Пока он вслушивался в ночь, в голове прокручивалась лавина мыслей и воспоминаний.

Должно быть, клингоны охотились за ним много месяцев. Они не располагали информацией о том, чем он занимался в 1867 году, и поэтому клингонам пришлось обскать

все побережье Тихого океана. Но в конце концов они оказались в Сан-Франциско, а через этот город рано или поздно все проезжают, как однажды выразился Джейсон Болт.

В первый раз клингоны его упустили. Но Спок прекрасно помнил, как в дверях дома миссис О'Шоннесси стоял Джошуа Болт с высоко поднятой лампой.

В ту ночь они совершили первое нападение. Эрон после этого не появлялся в Сан-Франциско, но зато туда вернулся Джошуа.

Последние дома остались позади, а Спок шел все дальше и дальше. Ветер продувал насквозь его клетчатую куртку и надетый под нее свитер. Наконец на снегу появились четкие следы Эрона. Его никто не преследовал.

Должно быть, Джошуа быстро выдал все необходимые сведения, когда клингоны применили устройство вывода информации из памяти живых существ.

Странно, что они не убили его.

Невмешательство? Волновой эффект? По статистике, риск волнового эффекта Доплера непрерывно нарастает в достаточно длительном промежутке времени. Клингонам никогда не справиться с этой проблемой. Историк Кхлару, чье имя Спок нашел в банке данных на корабле, возможно, и не сумел отговорить представителя империи от опасного плана, но все-таки сделал то, что было в его силах.

Спок крался в тени первых деревьев начинающегося леса и внимательно прислушивался, как он это делал в ту самую ночь в Сан-Франциско. Это напоминало ему нечто другое. Он вспомнил залитые светом игорные дома и вкус шампанского. Там он чувствовал себя человеком среди людей, хотя часто замечал, как глупо и нелогично они себя ведут.

«Сейчас не до того», — сказал он себе, отбрасывая посторонние мысли.

Спок остановился в тени большой сосны, дотронулся до ствола в том месте, где клингоны прикасались к коре, и его пальцы чуть не околели. Внутри что-то, кольнуло. Они будут ждать за лесопилкой.

Спок бесшумно двинулся дальше. Он хорошо знал лес, в отличие от клингонов. Он исходил эти места прошедшей осенью вместе с Бидди Клум или Джошуа Болтом и Эроном Стемплом, переживая за людей, среди которых ему пришлось оказаться. Больше он не позволит себе так отдаваться эмоциям. И все же Спок понимал, что независимо от того, сможет ли он остановить клингонов, ему суждено еще долго жить среди людей. Если «Энтерпрайз» не появился за последние четыре месяца, то вряд ли он вообще когда-нибудь прилетит.

Дорога круто повернула. Отсюда Спок видел грязное месиво на дворе лесопилки, слегка присыпанное тающим снегом. Пространство вокруг лесопилки казалось голым и изуродованным из-за торчащих из земли пней. Рев пилы заглушал лесные звуки.

На середине дороги под звездным небом одиноко стоял Эрон Стемпл.

Очевидно, что-то насторожило его и он остановился, прислушиваясь. Когда Спок заторопился к нему, припадая на занывшую от холода ногу, Эрон повернулся, пожал плечами и, видимо, успокоившись, снова побрел в сторону лесопилки.

— Эрон!

Стемпл испуганно обернулся. В это мгновение за деревьями справа от Эрона вспыхнул зеленый огонек, и он упал как подкошенный.

Спок быстро соображал. Если клингоны не посмели убить Джошуа в Сан-Франциско, они не станут убивать и его. Тем более, что они приняли Спока за обычного человека, а не за пришельца из другого мира. Все эти мысли мгновенно пронеслись в его голове, пока он, выскочив из своего укрытия, мчался к распростертому на земле Стемплу. Из-за острой боли он споткнулся возле Эрона, что помешало клингонам выстрелить во второй раз.

Спок осторожно перевернул тело Эрона. То, что он увидел при свете звезд, было страшно.

Дисрапторы клингонов — гадкое оружие. Они предназначены для того, чтобы запугивать, причинять боль и убивать. К счастью, выстрел оказался не совсем точным,

поскольку Эрон обернулся на крик Спока. Но правую половину лица и груди задело частью заряда и теперь там зияли рваные раны. Спок понимал, что при точном попадании Эрона разорвало бы на части. Стемпл с усилием вздохнул, и из его рта и носа потекли тонкие струйки крови. В потемках кровь казалась черной, а лицо — белым как мрамор.

Где-то рядом захрустел лед. Под тяжелым сапогом сломалась ветка. Спок обернулся, и его лежащее на снегу колено дернулось от холода и напряжения.

Из темного леса появились два привидения — два клингона.

— Отойди от него, — резко сказал тот, что был пониже.

Несмотря на все предпринятые ими усилия стать похожими на людей, живущих возле границы — длинные спутанные волосы и измененные хирургическим путем уши и брови, не узнать клингонов было просто невозможно. Спок даже подумал, что сам, вероятно, выглядит не лучше. Того из них, что повыше ростом, он когда-то встречал, а другого видел впервые.

Их не было среди тех клингонов, которые пытали его на борту корабля.

Интересно, знакомы ли им записи, сделанные во время допроса? Если да, то его голос, несомненно, узнают.

Спок отнял руку от лица Стемпла. Она была вся в крови — Что вы с ним сделали? — спросил Спок хриплым шепотом.

— Тебя это не касается.

Свет звезды падал на ствол дисраптора. Выстрел с такого расстояния не оставил бы от них обоих живого места. И здесь не Сан-Франциско, где обилие людей мешало клингонам воспользоваться неизвестным на Земле оружием. Спок не двинулся с места.

— Меня это очень даже касается. Вы убили моего дядю и благодетеля, сказал он, стараясь не смотреть на черное дуло, — да еще и моего друга.

В ушах Спока звенело от рева пилы. Ветер завывал гораздо тише. Но все же он уловил и другие звуки. Где-то далеко скрипели мужские ботинки и слышался женский голос. Над Споком и Эроном нависли две тени. После долгой погони охотники склонились над своей жертвой, которую заслонил от них стоявший на коленях Спок.

— Убирайся отсюда! — Клингон нацелил на него свое оружие. Было видно, как напряглись его мышцы. Спок ответил:

— Нет.

Тогда второй преследователь сказал на грубом диалекте Клинжая:

— Ты же знаешь, мы не можем... Ты, дурак...

— Заткнись, — огрызнулся другой на том же языке, — я не забыл, что нам говорили. Никаких людей... но ведь об этом никто не узнает.

Спок изо всех сил старался не выдать того, что понимает язык клингонов, ведь если его убьют, он ничем не поможет Стемплу. Из разговора стало ясно, что клингонам запрещено убивать других людей, но если они догадаются о неземном происхождении Спока, ему несдобровать.

— Убирайся, а то отправишься на тот свет вместе с ним, — тихо сказал клингон.

Но Спок не пошевелился. Он уже отчетливо слышал голос Лотти, говорившей:

— Джейсон, я знаю, он попал в беду. Двое сегодняшних незнакомцев — те самые, которые побывали у нас в сентябре...

И голос Джейсона, негромкий, но встревоженный.

— Я видел их в Сан-Франциско...

Убийца-Клингон произнес:

— Мы предупреждаем в последний раз. Надеюсь, дружище, ты не станешь охранять труп, рискуя собственной жизнью. Не будем зря тратить время. Он все равно умрет.

— Тогда позвольте ему умереть спокойно, — прошипел Спок. — Я не знаю, какие у вас с ним были дела и почему вы хотите убить его, но я выстрелю, если вы сделаете хоть один шаг в эту сторону.

Спок всегда поступал слишком логично, чтобы быть хорошим актером. Он не обладал талантом дурачить простаков, как это умел капитан Кирк. Но в его голосе слышался

искренний гнев. К тому же, Спок сообразил, что клингоны сочтут такое проявление эмоций невыносимым для бежавшего от них пленника-вулканца. И в то же время другая половина его сознания понимала: эти слова не пустая угроза, а предостережение.

Теперь был ясно слышен голос Клэнси:

— Успокойся, дорогая. Ты за кого больше переживаешь — за Эрона или за Ишмаэля? Ты говорила...

— Я не знаю, не спрашивай. Ради Бога, пошли быстрее!

Клингоны переглянулись. Тот, что был повыше и держал дисраптор, сказал:

— Убей его и пойдем отсюда.

Второй клингон обернулся и с минуту смотрел на Спока, склонившегося над телом.

— Мы убили его, — тихо сказал он, — ему не выжить.

— А тот другой? Он же видел нас?

— Что он видел? — отозвался клингон визгливо. — На границе полно бандитов и бродяг. А что касается его, то он рано или поздно получит пулю в лоб из-за своей дурацкой сентиментальности. Пошли!

— Эрон! — громко крикнула Лотти, вглядываясь во тьму. — Ишмаэль!

Спок услышал, как она бежит, задыхаясь и спотыкаясь.

— Ишмаэль!

Высокий клингон все еще раздумывал, не отводя нацеленный на Спока и Эрона дисраптор. Споку пришла в голову невероятная мысль: что, если он сейчас нарушит приказ, разрешающий вносить лишь одно изменение в ход событий, и убьет их обоих? «Как типично для клингонов», — подумал он с отвращением.

Второй клингон потянул своего напарника за руку, сказав:

— Ты, дурак, идем скорее! Они уже близко!

— Ишмаэль!

Спок повернул голову, чтобы предостерегающе крикнуть, и увидел их на дороге. Под руку с грузным Клэнси и высоким Джейсоном Болтом бежала толстушка Лотти. Ее светлые волосы сверкали при свете звезд. Еще Спок заметил блестящий ствол винтовки Джейсона.

Клингоны зашевелились, и Спок быстро повернулся к ним, с готовностью убить обоих, если они попытаются выстрелить.

Но те словно испарились. Вокруг стояли лишь черные стволы деревьев, да вдали слышался какой-то шорох. Через минуту он услышал завывание мотора их транспортного средства.

Первой к Споку подбежала запыхавшаяся Лотти, Джейсон и Клэнси немного отстали. Спок внезапно понял, что все еще стоит на коленях, дрожа от холода. Он почувствовал, что смертельно устал. Как и окружившие его люди, Спок смотрел на распростертое на грязной дороге тело человека, ради спасения которого он пролетел через несколько галактик и веков.

Клингоны выполнили свою миссию и улетели. Последняя нить, связывавшая Спока с родной планетой, оборвалась. Он остался один, и он проиграл.

Глава 17

Спок отложил в сторону полые иголки и кусок резиновой трубки, затем свернул шелковый шарф, который использовал как жгут. Он очень устал и уже ничего не видел кроме допотопных инструментов, которые ему предоставила доктор Гэй, и своих собственных рук. Заметив это за собой, и сочтя симптомом переутомления, Спок решил передохнуть.

Он окинул взглядом крошечную комнату.

Джошуа Болт сгорбился в старом кресле, придвинутом к кровати. Спок помнил, что в этом кресле сидел Эрон со своими счетами, когда он сам впервые очнулся от стука дождевых капель по стеклу. Тогда боль утихла, но в голове осталась пустота. Очнувшись, Спок оказался без прошлого и будущего. Все это время приходилось жить только сегодняшним

днем.

Лицо Джоша побелело от потери крови, закрытые глаза немного запали.

На обескровленном лице брови казались темнее, чем обычно. Рядом лежал бледный, как простыня, Эрон. Лицо его очень изменилось, выглядело изможденным и было наполовину замотано бинтами, закрывавшими незаживающие раны.

Спок вздохнул. Пятьдесят один час. Джейсон и Джереми уже отдали свою кровь. У Стемпла кровотечение никак не останавливалось. Сколько понадобится времени для того, чтобы зажили внутренние органы? Как долго протянет Эрон, если ему все время вливать кровь? Спок хотел трезво оценить ситуацию, но его захлестнули эмоции.

Вздыхнув, он вышел из комнаты.

Гостиня в маленьком домике на Игл Хед Пойнт была погружена во тьму.

Спок прислонился к полке над камином, глядя на последние красные угольки, тлевшие в золе. Необходимо было срочно что-то придумать. Он понимал, что из-за смертельной усталости скоро от него совсем не будет толку, но оставить Стемпла не на кого.

Медицинская биология не была его специальностью, хотя Спок достаточно разбирался в ней, чтобы понимать, чем занимаются его подчиненные. Имейся у него сейчас минимальный набор средств и инструментов, Спок смог бы спасти жизнь Стемпла. Но без лекарств, без специального оборудования, без электричества... Он уткнулся лицом в ладони, упрямо борясь со сном.

Мелкие раны, нанесенные дисраптором, ссадины и порезы начинают затягиваться через восемь и заживать через сто часов и не требуют большого внимания. Но это в том случае, если поврежден только эпидермис.

Что касается повреждения внутренних органов у людей, то никаких исследований о том, как быстро они восстанавливаются, если не оказывать необходимую медицинскую помощь, естественно, не проводилось. Изучать это могли в своих лабораториях лишь безжалостные клингоны.

Если бы Спок смог поддерживать жизнь в теле Эрона достаточно долго, пока не найдет хоть какой-нибудь стимулятор сердечной мышцы, если бы у него было достаточное количество человеческой крови, чтобы сердце Эрона все время билось, — ох, если бы он мог поспать, а то как бы не наделать ошибок!

Спок тряхнул головой и провел рукой по волосам, боясь, что сон его одолеет. Если это случится, Эрону придет конец. Это будет катастрофой, ведь карсиды появятся уже через несколько месяцев, и кто знает, чем все это может кончиться.

Зачесывая назад черную гриву своих волос, с помощью которых он скрывал необычные для людей особенности своего лица, Спок коснулся мелких шрамов на висках и вздрогнул. Как ужасно терпеть поражение после стольких испытаний!

Сзади послышался голос Сары Гэй, произнесшей:

— Они такие же как у Джошуа, правда?

Спок вздрогнул и обернулся. Он настолько ушел в собственные мысли, что даже не заметил сидевшей в темном углу Сары. Она протянула руку, чтобы зажечь лампу, и Спок увидел ее неясные очертания. Он знал, что при свете Сара ясно увидит то, что конечно заметила, когда он зачесывал назад волосы. Ей бросятся в глаза его необычные брови и странная форма ничем не прикрытых ушей.

Она ничего не сказала, лишь молча смотрела на него при свете керосиновой лампы.

Спок знал, что доктор Гэй мыслит очень логично. Она не задавала вопросов, ответы на которые были и так очевидны. Наконец, она спросила:

— Как он?

— С Джошуа ничего не случится. — Спок только сейчас понял, почему она пришла. Но Сара покачала головой.

— Я говорю не про Джоша.

Спок пристально посмотрел на нее, затем покачал головой.

— Я не знаю. Пока что мне удастся поддерживать в нем жизнь, но не знаю, как долго

это протянется, — сказал он усталым голосом.

Их взгляды снова встретились. Еще один вопрос требовал ответа, но Сара лишь спросила — Как вы попали к Эрону?

— Мы встретились случайно, — тихо отозвался Спок. — Я не собирался ни во что вовлекать его.

Она, поднялась и, подойдя к двери спальни, заглянула внутрь. Затем, сверкнув стеклами очков, снова повернулась к Ишу и спросила:

— Что это? Я никогда не видела ничего подобного. Прошло столько времени, но раны на его лице и груди нисколько не затянулись. Кровь совершенно не свертывается. Это что-то...

— Неземное, — договорил за нее Спок. — Доктор Гэй, мне очень жаль.

Это не имеет никакого отношения к вам и почти никакого ко мне. Я оказался вовлеченным в эту историю против воли. И сделаю все, что в моих силах, чтобы спасти его.

Сара некоторое время молчала, затем спросила:

— Откуда вы?

Спок устало покачал головой.

— Название моей планеты ни о чем не скажет вам. Земные астронавты еще даже не обнаружили эту звезду.

— Понимаю, — она посмотрела на свои пальцы, лежащие на дверной ручке, затем снова подняла глаза на Спока.

— Знаете, я догадалась обо всем во время танцев.

Спок удивленно поднял брови. Сара слегка улыбнулась.

Она шагнула вперед и взяла его руку своими тонкими, длинными пальцами. Рука оказалась холодной. Спок давно заметил, что у людей ужасно холодные конечности. Затем отпустила его руку и легко провела пальцем по щеке Спока.

— Щека горячая, как при лихорадке, — сказала она таким тоном, каким, наверное, привыкла ставить диагнозы. — Где-то около сорока градусов.

Человек бы уже бредил. Вам пришлось нелегко.

Она снова взяла Спока за руку и приподняла рукав его рубашки, обнажив шрамы на запястье.

— Они появились не так уж давно, верно? У землян, когда они краснеют, испытывая сильные эмоции, шрамы становятся розовыми. Так бывает и во время танцев. Когда пары начали расходиться, вы взяли меня за руку, и я кое-что заметила. Шрамы на вашем запястье стали зелеными, как незрелое яблоко.

И после всего этого она смогла спокойно беседовать с ним и с Бидди...

Спок рассеянно потер неровное блестящее пятно на коже. Конечно, клингоны связывали его руки во время допроса. Ремни были сделаны из плотного флексипласта, и впивались в кожу как металл, едва он пытался пошевелиться.

— В будущем мне придется избегать танцев, — произнес Спок упавшим голосом.

— Но только с врачами, — спокойно заметила Сара. — Вы собираетесь возвращаться на родину?

Спок печально покачал головой и горько усмехнулся.

— Я довольно долго вообще не мог вспомнить, откуда попал сюда, родным домом Спок считал «Энтерпрайз». Но невозможно объяснить все это земной женщине. — Меня ранили, и я лишился памяти. Это было как с Джошуа, ведь из его памяти тоже исчезли события, происходившие в течение часа или двух. Может быть, для меня было бы даже лучше, если бы память не вернулась вовсе, потому что то, о чем я вспомнил, ужасно. И вернуться домой я никак не могу.

«Лучше уж пусть будет так, чем объяснять, что у него нет дома, и, если Стемпл умрет, то никогда и не будет», — подумал Спок.

— Мне очень жаль.

— Ничего страшного, — сказал Спок, как когда-то в разговоре с Джейсоном.

Сара положила руку на его запястье.

— Я знаю, что мои слова не особенно утешат вас, и все же я хочу сказать, что теперь ваш дом здесь, среди нас. Независимо от того, выживет мистер Стемпл или нет, и от всего, что с ним произошло или еще будет происходить, теперь вы один из нас. И неважно, кто вы на самом деле и за кого вас принимают люди. Мы ведь все изгнанники, — продолжала она, — и Лотти, и Клэнси, и мистер Стемпл, и девочки, и я сама. Все мы по какой-либо причине покинули родные места и оказались здесь. И никто из нас не вернется назад. Здесь наш дом. Разница лишь в том, что вы проделали более долгий путь.

В соседней комнате послышались шаги, и на пороге появился Джошуа. Он стоял, протирая глаза. Сара сразу пошла к нему.

Спок отступил в тень, вслушиваясь в их голоса. Сара тихо спрашивала о чем-то, а Джош кивал головой в ответ.

Через минуту Сара снова повернулась к Споку и, поправив очки, сказала:

— Я вернусь завтра утром. Вы продержитесь до тех пор?

Спок утвердительно кивнул, хотя ему невыносимо хотелось спать. Он машинально принес им пальто — от усталости вещи показались Споку страшно тяжелыми. Глядя, как Сара и Джош с трудом ступали по заснеженной дороге, Спок подумал, что Эрон не доживет до утра. А тогда уже будет все равно, вернется Сара или нет.

Он подошел к столу, возле которого сидела Сара, сел на тот же стул и погасил лампу, чтобы дать отдохнуть глазам. Опустив голову на руки, Спок снова стал обдумывать положение.

Так, незаметно для себя самого, Спок погрузился в тяжелый сон.

Глава 18

Земля.

Планета мирно спит во тьме как невинный младенец.

«Как она уязвима», — подумал капитан Кирк, стоя на капитанском мостике перед главным экраном «Энтерпрайза». Огромные города западного и восточного побережья погружены во мрак ночи. В околоземном пространстве нет никаких искусственных спутников, космических станций и стыковочных портов. Нигде не видно ни зловещих серебряных шариков оборонительных устройств, ни цепочек военных станций. Нет никаких следов межзвездных перелетов, которые совершались на всех планетах на первом этапе освоения космического пространства.

Прекрасная, неиспорченная Земля. Бархатные континенты, эбеновые моря.

Где-то там внизу его собственные предки сражались с апачами в Аризоне.

Предкам Маккоя пришлось бы натянуть на себя простыни и белые капюшоны, если бы они захотели навестить какого-нибудь политического деятеля или кого-либо из предков Ухуры, — с досадой подумал он.

Земле нечем защититься от похожих на змеиные головы черных кораблей империи карсидов и от коварных замыслов ее правителей. Как раз такие планеты карсиды всегда и выбирали. В древней империи прекрасно представляли состояние экономики Земли. Наука и промышленность находятся на начальном этапе своего развития, когда создаются первые станки, благодаря которым начнется бурное развитие экономики. Когда-то так было и в Клинжае. Так что, период для захвата самый благоприятный.

На невинной беззащитной Земле пока все относительно благополучно.

— И все-таки нам это удалось, — бодро произнес подошедший сзади Маккой.

Кирк оглянулся через плечо. Доктор стоял в нескольких шагах от него.

Заложив руки за спину, Маккой смотрел на экран, видимо, испытывая такой же благоговейный трепет, какой и сам Кирк всегда ощущал на мостике. Полет оказался невероятно трудным.

Из устройства связи раздался голос мистера Скотта из инженерной секции:

— Я сам не понимаю, как нам это удалось, но, кажется, ты была права.

У расположившейся за пультом научного консультанта Аурелии Штайнер сейчас же откуда-то появился маленький ротик, произнесший в ответ:

— По моим расчетам вероятность успеха составляла 97,6 процента.

Говоря это, она одновременно нажимала на клавиши белыми пальчиками.

Полдюжины голубых глаз, насаженных на длинные стебельки, вращались перед экранами с информацией. Когда дрельбы заняты, они не обращают внимания на свой внешний вид. Рядом с ней задумчиво смотрел на экран молчаливый вулканец Трэ. Он один из немногих членов экипажа «Энтерпрайза», которым было известно, что они на самом деле совершили и каких последствий можно ожидать.

Постепенно на экранах появилось изображение земного шара. Уже показались горы и окружавшие их леса. Темные облака обещали холод и снег.

Кирк вернулся на место командира. Он следил за показаниями приборов, но взгляд то и дело возвращался к спокойно спящей планете.

— Капитан, мы вышли на орбиту и готовы приземлиться, — доложил Зулу.

— Будем снижаться над Сиэтлом.

— Лейтенант Ухура, какой информацией о городе мы обладаем?

По пульту устройства связи забегали тонкие пальцы. Кирк подключил главный экран к информационной сети. Сзади собрались Маккой, Трэ и Аурелия.

Неясные силуэты на экране будто выплывали из воды. Светлые пятна постепенно превращались в деревья, здания, ручьи. Кирка удивили небольшие размеры городка. Он привык представлять себе Сиэтл огромным городом, протянувшимся от канадской границы почти до Портленда. А этот собирательный образ города, составленный с помощью трикодера на основе отражения ультразвуковых и инфракрасных волн, скорее напоминает жалкую деревушку с грязными улицами, окруженную лесом с вырубленными возле воды деревьями. Кирк видел множество подобных мест и на других планетах, высаживаться на которых запрещалось из-за очень низкого культурного развития населения.

Трэ сравнивал увиденное на экране со своими картами, поглядывая то на экран, то на бумаги.

— Вы сажаете корабль очень точно, — похвалил он Аурелию, свесившую из-за его плеча стебелек с глазами, чтобы лучше рассмотреть изображение.

— Судя по постройкам, мы окажемся в конце 1867 года или в начале 1868. Тот прямоугольник должен быть баракком Джейсона Болта, который он построил в конце 1866 года. Как видите, в отделку еще не внесены изменения. Их сделали в июле 1868 года, когда здание преобразовали в городской зал собраний и публичных выступлений.

— Почему барак? — спросил Маккой. — Барак для кого? Для лесорубов?

— В 1866–1867 годах Эрон Стемпл и другой собственник земли по имени Джереми Болт решили женить переселенцев. Из Новой Англии перевезли тридцать женщин. Чтобы где-то разместить их до тех пор, пока они не выйдут замуж, построили барак. Позднее это здание стало городским общественным залом и просуществовало до пожара, случившегося в 1889 году. Но его так всегда и называли баракком.

Маккой хмыкнул.

— Так вот откуда Стемпл получил свою репутацию филантропа!

Неудивительно, что его избрали в Конгресс.

Трэ строго посмотрел на Маккоя, Аурелия сверкнула ярко-желтым светом и от нее пахло мятой, что, очевидно, свидетельствовало о хорошем настроении дрельба.

Кирк спросил:

— Лейтенант, как насчет корабля клингонов, есть ли о нем какие-нибудь сведения?.

— Нет, капитан, — отозвалась Ухура, — хотя мы обнаружили следы выхлопного газа антимагнетера, который весьма похож на наш собственный.

Кирк мгновенно насторожился.

— След свежий?

— Четырехдневной давности, сэр.
— Его происхождение?
— Невозможно определить, капитан.
— Четыре дня, — прошептал Кирк. Вокруг капитанского мостика повисла тишина — все обдумывали, что бы это могло значить. Наконец Маккой произнес:
— Это означает, что мы опоздали.
— Нет, — упрямо запротестовал Кирк, — Клингоны не знали, где искать Стемпла. Может быть, они до сих пор ищут где-нибудь на западном побережье.
Возможно, корабль улетел, чтобы случайно не столкнуться с дронами карсидов. И невозможно предугадать, когда еще в 1867 году корабль клингонов прилетит на Землю.
— Они опередили нас на неделю, — сказал Маккой. — В то время...
— У нас прошла неделя, но, учитывая скачок во времени, клингоны могли появиться на Земле несколько месяцев или только несколько дней назад.
— Лейтенант Ухура, просканируйте трикодером все пространство вокруг города на двадцать миль. Ищите жизненные формы, не существующие на Земле.
Пальцы Ухуры мгновенно забегали по клавишам, и на экране появились новые образы. Сначала возникла расчерченная на квадраты черно-белая карта.
Потом появились покрытые снегом живые деревья, вслед за ними мертвые деревья, из которых выстроены дома. Время от времени вспыхивали огоньки, указывающие на места, где этой ночью пробежала лисица, прошел олень или человек.
Вдруг Ухура остановила изображение на экране. Среди неясных очертаний появился зеленый огонек.
— Нашли постороннюю жизненную форму, капитан. Это в нескольких милях от Сиэтла. Кирк тихо выругался. Кажется, это конец.
— Клингон? — спросил он.
Руки снова потянулись к пульту. По напряженному лицу Ухуры забегали огни. Затем она подняла расширившиеся от удивления глаза.
— Капитан, это вулканец.

* * *

Яркий свет погас и двигатели отключились. Кирк оказался в темноте среди шуршащих ветками деревьев. Землю покрывал слой грязноватого снега.
Несмотря на то, что Кирк перед выходом натянул на себя куртку с обогревающим устройством, по его телу пробежала дрожь. Вместе с холодом Кирк ощутил земные запахи воды, сосен и океана. Из глубины леса сверкнула желтыми глазами лиса и умчалась вдаль.
Хорошо знавший Сиэтл Маккой сказал из темноты:
— Согласно картам Трэ, сейчас мы стоим на том месте, где будет расположена северная стена Плазы Грейсона.
Кирк рассмеялся. В окружавшем их темном лесу горел всего один огонек.
Светилось окно маленького домика, во двор которого они зашли.
Маккой проверил показания мерцающего трикодера.
— Внутри находятся двое, — тихо произнес он. — Если Ухура не ошиблась, то один из них — Спок.
Кирк остановился под окном с одной из карт Трэ.
— Этот домик должен принадлежать Эрону Стемплу, — тихо сказал он. Все-таки Спок его нашел.
Кирк дважды постучал в дверь, но никто не отозвался. Переглянувшись с Маккоем, Кирк попробовал открыть. Дверь легко поддавалась. Видимо, здесь не от кого запирается. Двое мужчин шагнули внутрь.

В противоположном углу комнаты они увидели камин с тлеющими угольками. У другой стены стоял стол с керосиновой лампой. В ее рыжевatom свете они увидели на столе

разбросанные предметы, в которых Маккой узнал древние неуклюжие медицинские инструменты. За столом, опустив голову на руки, спал какой-то мужчина. Взглянув на спутанные черные волосы и куртку из шерстяной шотландки, Маккой предположил, что это Стемпл, и повернулся к двери, ведущей в соседнюю комнату. Кирк остановился, уловив что-то знакомое в очертаниях опущенных плеч мужчины.

Он тихо подошел к спящему.

— Мистер Спок, — прошептал Кирк, — Спок!

Спок поднял голову. Его темные глаза затуманились от невыносимой усталости, все же одолевшей вулканца. Некоторое время он тупо смотрел на Кирка и ничего не мог понять, затем снова закрыл глаза. Внезапно пальцы Кирка оказались сжаты могучими руками вулканца. Спок снова открыл глаза и сделал глубокий вдох, старательно скрывая нахлынувшие эмоции: радость, чувство облегчения, надежду на спасение, пришедшую на смену полному отчаянию. На лице Спока появилось обычное невозмутимое выражение. Кирк даже порадовался, что Спок снова стал самим собой.

— Капитан, — произнес Спок официальным тоном, — я очень рад вас видеть.

— Рад! — крикнул застывший в дверях Маккой. — Рад! И это все, что ты можешь сказать, ты, ушастый кролик с рыбьей кровью...

Доктор так обрадовался и в то же время рассердился на Спока, что сам не понимал, что говорит.

Спок спокойно сказал:

— Вы, доктор, сделали очень верные сравнения. Я рад, хотя уже не надеялся снова увидеться с вами.

Он встал и прошел мимо Кирка к двери, возле которой застыл Маккой.

При ходьбе Спок заметно прихрамывал.

Маккой произнес, смягчившись:

— Ты, старый плут.

Спок лишь поднял бровь. Эта привычка, типичная для вулканца, совершенно не вязалась с земным одеянием Спока: старомодными ботинками, джинсами и клетчатой курткой, из-под рукавов которой торчало еще что-то.

Снова повернувшись к Кирку, Спок сказал:

— Полагаю, поскольку вы нашли меня, вам известно о случившемся?

Усмехнувшись, Кирк подумал, что Спок уже выразил все свои эмоции по поводу встречи с ними, и больше от него ничего не дожидаться. Точно так же могла происходить встреча после недолгой разлуки, если бы, выйдя из бара «Уандер», они разлетелись по разным планетам, а потом вернулись. При этом Спок, конечно, не стал бы отрываться от дел. Но таков уж был Спок. И все же на запястьях Кирка остались красные отметины. Он не скоро забудет, как судорожно сжал его руки Спок, пока еще не совсем пришел в себя. Капитан сказал:

— О том, что клингоны пытались изменить ход истории? Об убийстве Эрона Стемпла?

Спок кивнул.

— Ты смог предотвратить его?

Помолчав немного, вулканец ответил:

— Не совсем.

Прихрамывая, он направился туда, где возле приоткрытой двери в другую комнату стоял Маккой.

— Доктор, теперь тебе этим заниматься, — Спок распахнул дверь и шагнул в комнату.

Как только Спок зажег лампу, вошел Маккой. Кирк последовал за ними.

Человек, лежавший в постели, был без сознания. Он дышал медленно и с усилием. Изможденное лицо бледно как у умирающего, что указывало на внутреннее кровотечение. Маккой осторожно приподнял край повязки на лице человека. Стоявший позади Кирк услышал, как врач прошептал: «О боже!»

Увидев раны, Маккой сразу понял, что они нанесены дисраптором клингонов.

Оглянувшись назад, Кирк замер. Ничего подобного раньше ему не приходилось видеть: смертельно уставший, Спок дремал, прислонившись к дверному косяку.

Как только Кирк сделал шаг в его сторону, офицер Спок с усилием выпрямился.

— Стемпл? — спросил Кирк так тихо, что его мог услышать только Спок.

Тот кивнул. Маккой воскликнул:

— Спок, сколько же времени он так лежит, находясь между жизнью и смертью?

— Дня три или четыре, — отозвался Спок немного неуверенным голосом. Я ведь не так силен в медицине, как ты, но подумал, что, если мне удастся поддерживать в нем жизнь достаточно долго, то раны в легких могут зарубцеваться...

Опустившись на колени возле кровати, Маккой быстро провел по груди Стемпла каким-то инструментом.

— У тебя бы ничего не вышло, — произнес он, — внутренние органы слишком сильно повреждены. Нам придется забрать его на корабль. Как только он до сих пор не умер!.. — Маккой сдвинул брови. — Ты наверное влил в него уйму крови, — говоря это, он уже доставал какие-то медикаменты.

— Тут все мне помогали, — снова заговорил Спок, — братья Болт, капитан Клэнси, Лотти... кровь сдали все, кто только мог. Я не знал, будет ли от этого толк. Просто пытался спасти его и не терял надежды.

Названные им имена были немного знакомы Кирку — он встречал их в списках владельцев различного имущества и на картах Трэ. Спок, видимо, хорошо знал этих людей. Очевидно, он провел в этом городе немало времени.

И он пошел на крайнюю меру, попросив у людей помощи. Спок находился в очень затруднительных обстоятельствах, раз признался в своей неспособности сласти этого человека.

— Не терял надежды на что?

Спок лишь покачал головой, опустив тяжелые веки. Честно говоря, он боялся, почти был уверен в том, что в конце концов проиграет. В любом случае Споку пришлось бы здесь остаться навечно, сознавая, что он не сумел предотвратить ужасное несчастье. Не находя слов, Кирк положил руку на костлявое плечо вулканца.

Снаружи кто-то резко постучал в дверь. Женский голос позвал:

— Ишмаэль?

Спок повернулся и направился к выходу через освещенную гостиную.

Дверь распахнулась, и вошла молодая женщина. Она казалась замерзшей и испуганной. Темные вьющиеся волосы свисали мокрыми прядями. Женщина сжимала края пальто руками в шерстяных рукавичках. Кирк увидел сквозь дверной проем, как Спок подошел к ней. Капитан чуть не открыл рот от удивления, когда его офицер положил руку на плечи женщины и привлек ее к себе.

— Бидди, с ним все будет в порядке.

— Ты уверен в этом?

Она отстранилась от его груди и с тревогой заглянула в глаза. От слез ее нос распух и покраснел. «Далеко не красавица, — подумал Кирк, наверняка не замужем».

— Сара сказала...

Спок коснулся ее щеки. Такого ласкового человеческого жеста Кирк никак не ожидал от своего невозмутимого друга.

— Все будет хорошо, — повторил Спок, — поверь мне.

Ее губы тронула слабая улыбка.

— Иш, конечно, я тебе верю. Но как...

— Бидди, — заговорил Спок, не позволяя обрушиться на себя лавину вопросов, чему он, видимо, давно научился, — там мои друзья... они позаботятся об Эроне, вылечат его. Ты сможешь подождать три дня?

— Но почему?

— Сможешь?

С минуту подумав, она кивнула, поверив в сказанное им как ребенок и вытерла тыльной стороной ладони покрасневшие глаза.

— Можно к нему?

— Нет, — мягко ответил Спок, — пока что нельзя. Но когда через три дня ты вернешься сюда, он будет в полном порядке.

— Хорошо, — неуверенно согласилась она, — но, может быть, ты расскажешь мне, как это все произошло?

— Боюсь, что нет, — Спок осторожно взял ее за руки, — меня здесь не будет. Мне нужно уйти. Девушка с ужасом посмотрела на него.

— Нет, что ты!

Молча наблюдавший эту сцену Кирк подумал, что в том мире, где Спок родился, нет ни единого существа, которому он позволил бы разговаривать с собой подобным образом и к тому же хватать себя за рукав.

Замерший от удивления Маккой прошептал:

— Кто это?

— Он назвал ее Бидди, — пробормотал в ответ Кирк, — но в наших записях значилось, что жену Стемпла звали Элизабет, так?

— Ты не можешь уйти! — протестовала Бидди. Кто будет заниматься бухгалтерией на лесопилке? Кто будет заботиться об Эроне?

— Придется тебе взять это на себя!

Внезапно покраснев, Бидди опустила голову.

— Конечно, — пробормотала она, затем спросила:

— Иш, что случилось с Эроном? Ведь это связано с... с пари, которое он заключил с Джейсоном Болтом, да?

Спок отозвался уже не таким ласковым голосом:

— Нет. С пари покончено.

Слегка поколебавшись, Бидди снова заговорила:

— Я знаю, это имело какое-то отношение ко мне. Все мы должны были найти себе женихов до конца года. Идея состояла в том, чтобы скорее выдать нас замуж. Мне известно, что ставка была нешуточной.

— С пари покончено, — повторил Спок, — а ты знаешь, какой была ставка?

Бидди покачала головой, от смущения ее щеки снова вспыхнули.

— Гора Брайдл Вейл. Я думал, Джейсон сделает тебе предложение во время танцев, но Эрон опередил его. Эрон понимал на что идет. Но он предпочел отказаться от горы, чем видеть тебя женой другого. Я хочу, чтобы ты знала об этом.

— Ну и ну, — тихо проговорила Бидди. С ее бледной щеки скатилась непрошенная слеза. — Бедняга Эрон, как же ему было тяжело решиться на такой шаг! Я имею в виду то, что он упустил шанс сделать деньги, а на Эрона это не похоже, — добавила она откровенно и не очень тактично. — Не удивительно, что у бедного Джейсона был такой несчастный вид, когда я ему отказала...

— Ты ему отказала? — Спок удивленно поднял брови, осознав только сейчас, насколько он и все остальные недооценивали эту женщину.

— Ну конечно. Я же люблю Эрона и всегда любила его. Рядом с ним чувствуешь себя как за каменной стеной, даже когда он злится и ворчит, а злится он из-за того, что все привыкли считать его негодяем, и Эрон просто не может вести себя по-другому. Кроме того, я не забыла, как ты однажды сказал мне насчет двери, которую нельзя закрывать перед своим счастьем. Я все-таки люблю Эрона, и поэтому предпочла подождать.

На лице Спока появилось нечто весьма похожее на улыбку.

— Но он и не догадывался об этом.

— Не догадывался, — отозвалась Бидди, скосив глаза в сторону как настоящая кокетка, — и никогда не догадается.

— Бидди, позаботься об Эроне.

— Этого ты мог и не говорить, — ответила она, снова покраснев. — Ты же знаешь, я просто не смогу оставить его.

Спок убрал волосы с ее лба удивительно легким жестом и поцеловал между бровей. В темноте Кирк заметил, что Маккой просто в шоке.

Внезапно Бидди обняла Спока и прижалась к нему.

— Ой, Иш, я буду скучать по тебе. Потом она отвернулась, очевидно, смутившись окончательно, и выскочила за дверь.

Когда Спок повернулся к своим товарищам, у двери в спальню стоял один Кирк. Издали доносился голос Маккоя, передававшего сообщение на «Энтерпрайз» о том, что на борт нужно будет взять всех четверых.

Глава 19

Первое, что услышал Эрон, придя в сознание, был голос Ишмаэля. Эрон не мог понять, о чем он говорил: Иш произносил какие-то странные слова, но с той же интонацией, с которой он рассуждал о математике и логике. За последние четыре месяца Стемпл настолько привык к необычному голосу «племянника», что считал его природной особенностью Иша.

Иш говорил:

— Фактор Тиллмана в сочетании с гравитационным полем Эриданова Облака и блуждающей звезды белый карлик, создают гравитационный вектор, который, в свою очередь, может вызвать мгновенный перепад во времени, если пролетающий через облако корабль развивает достаточно высокую скорость и обладает соответствующей массой. Добиться этого чрезвычайно сложно, и я не думаю, что клингоны еще раз решатся пойти на такое, даже если однажды снова сложатся благоприятные условия. Особенно, если учесть, что на этот раз у них абсолютно ничего не вышло.

Такую речь произнес Ишмаэль. «Ни один человек не смог бы ничего понять», — подумал Стемпл.

И тут до него дошло, что к Ишу вернулась память. Кто-то другой произнес с легким южным акцентом:

— В том и забава, чтобы землекопа взорвать его же миной... Есть прелесть в том, Когда две хитрости столкнутся лбом!

— Именно так, доктор.

«Южный акцент?» — подумал Стемпл. Голова у него кружилась. Эрон решил, что, видимо, здорово напился. Цитируют Шекспира? Но в Сиэтле нет южан, нет никого, с кем Иш мог вести подобные разговоры.

И еще один голос. Тихий голос друга, сказавшего по-английски:

— Спок, мы очень скучали по тебе. Мы уже думали, что потеряли тебя навсегда.

Снова заговорил Ишмаэль:

— Я сам в этом не сомневался.

Стемпл попытался открыть глаза. Было светло. Постепенно он различил силуэты троих мужчин, стоявших в дверном проеме.

Эрон сообразил, что Ишмаэль не только все вспомнил, но и нашел своих друзей. Иш снова оказался в своем мире, а не в мире Стемпла.

Теперь понятно, почему густой северный лес казался Ишу совершенно чужим. В этом мире все другое — и вещи, и материалы, из которых они сделаны. Эрон никогда не видел ничего подобного. Он вспомнил слова Иша, когда они приехали в Сан-Франциско:

— Я вижу комнаты... помню цвет стен, даже то, как проложена проводка и где установлены розетки... Но все это напрасно. Значит, все-таки это имело смысл.

Наконец, Эрон увидел, что возле двери в своей обычной позе, заложив руки за спину, стоит сам Ишмаэль. На лацкане голубой форменной куртки блестела золотистая эмблема. Волосы коротко подстрижены — точно так же, как и тогда, когда Эрон нашел его. Сейчас странные уши и брови Иша сразу бросаются в глаза. А ведь в последнее время он стал так

похож на человека... Но все изменилось. А вот стоящие с ним мужчины... Эти люди вполне могли бы однажды сойти с корабля капитана Клэнси. Они ничем не отличаются от наших парней, к примеру от братьев Болт. Тот, что помоложе, даже похож на Джейсона держится с таким же высокомерием, словно вожак в волчьей стае.

В эту минуту как раз он и заговорил:

— Как тебе удалось бежать?

Иш — очевидно, его настоящее имя Спок — ответил:

— Я совершенно не помню, как выбрался из корабля клингонов, капитан.

Я только помню, как меня допрашивали, но о том, что случилось потом, могу лишь догадываться. До того, как меня поймали, я успел выяснить, что транспортное судно клингонов оснащено двумя дополнительными аварийными устройствами.

— Это позволило получить дополнительную мощность в момент преодоления временного барьера, — отозвался тот, кого Спок называл капитаном. — Мы тоже многое изменили в корабле. Хотя, в общем-то ничего серьезного не добавилось — так, двери да лампы.

— Ну да! Видимо отсек, в котором меня временно заперли, пока решали, что со мной делать, имел замок, соединенный как раз с такой системой.

Корабль был оснащен специальным помещением для арестованных с отдельной схемой запираания дверей, как на настоящем боевом корабле. Когда произошло третье падение мощности, я мог выбраться из отсека и перейти в соседнее помещение. Но это лишь мои догадки, поскольку я ничего не помню с того момента, как меня начали допрашивать при помощи устройства вывода информации из памяти и до тех пор, как очнулся в домике Эрона.

— И не удивительно, — отозвался южанин, худощавый мужчина средний лет в голубой форме. — Наверное, в этот период ты летел на автопилоте, да, на автопилоте и еще черт знает на чем.

— Доктор, выражение «черт знает на чем» не может служить логическим...

— Нет, — отозвался доктор, — и на этом я настаиваю. Исходя из твоей любимой логики, можно сказать с уверенностью, что у тебя не было ни малейшей возможности расстроить планы клингонов. Особенно в том состоянии, в котором ты находился. Но на Земле ты вел себя как человек, в этом все дело.

Брови Спока подскочили:

— Люди действительно совершают нелогичные поступки и страшно упрямы.

— А если бы не чисто человеческие нелогичность и упрямство, вы, мистер Спок, давно уже были бы трупом погибшего вулканца.

— Но если бы не физическая и психическая стойкость вулканца, то, согласитесь, доктор Маккой, я давно был бы человеческим трупом.

— Джентельмены, — воскликнул капитан, подняв руку, — не важно каким образом ты, Спок, смог сделать то, что сделал. Главное, тебе это удалось.

Ишмаэль-Спок склонил голову.

— Спасибо, капитан.

Через минуту врач грубовато добавил:

— Когда все закончится, и мы окажемся по ту сторону временного барьера, зайди ко мне в кабинет, и я займусь твоим коленом. Ты помнишь, как это случилось?

— Нет, доктор. Поскольку у клингонов всегда при себе оружие с острыми клинками, скорее всего я наткнулся на один из них, когда выбирался из отсека.

Кто-то позвал из-за двери:

— Доктор Маккой!

Доктор оглянулся, извинился и вышел. Ишмаэль и капитан остались вдвоем. Друзья молчали, глядя друг на друга.

Слова капитана были совершенно непонятны Стемплу, может быть, из-за того, что он никак не мог сосредоточиться.

— Это все объясняет, — заговорил капитан, и Иш вопросительно посмотрел на него.

— Благодаря клингонам этот человек оказался единственным на Земле, имевшим опыт общения с пришельцами из других миров. Поэтому он сознавал опасность вмешательства в жизнь людей на Земле и не сомневался в том, что пришельцы будут выдавать себя за людей.

— Не совсем так, — сказал Иш, подумав. — По крайней мере еще двое знали обо всем. Но в то время он являлся единственным человеком, кого могли избрать членом правительства. Других просто никто не стал бы слушать, и карсидам удалось бы без помех завоевать Землю. Противостоять им было бы слишком поздно. В подобных случаях «Слишком поздно» могут оказаться месяцы, иногда — недели. Своим появлением клингоны посеяли семена подозрения, что погубило затею карсидов и их собственную. Если бы им никто не помешал, они бы добились своей цели. Сколько времени понадобилось вам, чтобы выяснить подробности операции клингонов?

— Почти неделя. Мы исходили из материалов исследований, проводившихся Кхлару. Оказывается, Кхлару удалось избежать отправки обратно в Империю Клингонов. Сообщение об этом поступило перед тем, как наш корабль покинул орбиту.

Брови Спока удивленно поднялись.

— Любопытно. И, оказывается, вы преодолевали временной барьер совсем не там, где это делали клингоны — Как долго ты пробыл на Земле?

— Четыре месяца. Клингоны, охотившиеся за Эроном, пропустили его, когда в первый раз проезжали через Сиэтл, ведь у них не было точных сведений о его местонахождении. А потом они обнаружили его только через четыре месяца.

— И ты находился рядом со Стемплом все это время?

— Он представлял меня людям как своего племянника. Я работал бухгалтером на лесопилке.

Капитан одобрительно кивнул.

— Ты хорошо устроился. Что ты рассказал ему?

Ишмаэль ничего не отвечал, погрузившись в собственные мысли. Наконец, он произнес:

— Да ничего. Я и сам не знал, почему я оказался на Земле. Придя в себя, я обнаружил, что лишился памяти и ничего не помнил ни о своей цели, ни о клингонах, ни об этом... — он обвел жестом помещение, где они находились.

Эрон не знал, где они, и как называется эта комната без окон, за стенами которой что-то тихонько пульсировало.

— Я не помнил ни своего имени, ни своего прошлого. Знал лишь то, что здесь я чужой и совсем один.

Теперь капитан надолго замолчал, представив себе отчаянную ситуацию, в которой находился его друг.

— Это клингоны довели тебя до такого?

— Я сам виноват. Другого способа блокировать устройство вывода информации из памяти просто не существует. При уровне мощности, который они использовали, я бы долго не выдержал. Так что единственным выходом было вызвать у себя амнезию и кататонию.

После паузы Спок продолжал ничего не выражавшим голосом:

— Может быть, даже хорошо, что я не помню ни того, что происходило во время допроса, ни того, как сбежал от них.

— Тебя нашел Стемпл? — тихо спросил капитан.

— Да.

— И забрал тебя с собой?

— Да.

— И он знал не больше, чем ты помнил сам — только то, что перед ним пришелец из другого мира?

— Именно так, Джим. Я оказался чужим существом в чужих краях. У меня не было надежды кроме той, которую вселил в меня Эрон.

Человек по имени Джим хранил молчание. Он понял, какие муки одиночества и отчаяния пришлось испытать Ишу-Споку. Эрон догадался об этом по голосу, когда человек спросил:

— Тебе было очень плохо?

Ишмаэль отозвался официальным тоном, который в любом другом случае Эрон посчитал бы грубым:

— Напротив, капитан, было очень интересно пожить среди людей их жизнью. Я бы назвал это чем-то вроде антропологического исследования.

Их глаза встретились — глаза человека и нечеловека. Ответ мне прямо, — сказал взгляд капитана, и во взгляде Ишмаэля отразилось: ты знаешь ответ.

Капитан повернулся и подошел к кровати Стемпла, за ним захромал Ишмаэль. Эрон заметил, как удивился капитан, обнаружив, что больной пришел в себя. Если только он действительно пришел в себя, а не спит и видит сон.

Иш придвинулся поближе и взял Стемпла за руку.

— Ты среди друзей!

Эрон кивнул. Из-за слабости он с трудом мог пошевелиться.

— Значит, ты... нашел своих друзей, — Эрон сам удивился тому, как тихо прозвучали его слова, но Иш расслышал. Конечно, Иш не мог не расслышать.

— Да, память и свой дом.

— Они... тоже не похожи на тебя.

— Ты прав, — мягко сказал Иш, — я всегда и всюду оставался не таким, как все, даже в младенческой колыбели. Но рядом с вами я был дома. Я никогда этого не забуду.

— Мы тоже, — Эрон окинул затуманившимся взором лицо, ставшее для него родным и казавшееся человеческим. Стемпл понимал, что никогда больше не увидит Иша.

— Передай доктору Гэй, что я вернулся домой. Она знает.

— Да, — прошептал Стемпл. — Очень жаль расставаться с тобой. Но я рад... — Иш сжал его руку, дав понять, что расслышал эту бессвязную речь, выражавшую бурю человеческих эмоций. Немного передохнув, Эрон прошептал:

— Но почему? Ведь сейчас ты знаешь, почему?

Иш кивнул:

— Я не могу сказать тебе. Но теперь все будет в порядке.

Эрон выдавил из себя кислую улыбку.

— Мне повезло. Всю жизнь буду ломать голову. Это будет мучить, как заноза в пальце, которую невозможно вытащить.

В таком состоянии Кирк Спока никогда не видел. Спок испытывал противоречивые чувства: ему хотелось и плакать и смеяться одновременно.

— Прости меня, Эрон. Если бы я мог, то обязательно сказал бы, произнес он дрогнувшим голосом.

— Я знаю.

У Эрона слипались глаза, на него как будто что-то наваливалось и тянуло за собой во тьму. Видимо, действовало лекарство.

— Иш, береги себя!

Иш снова сжал руку Эрона.

— Ты тоже. Прощай, Эрон!

Кирк начал было что-то говорить Споку, но его подчиненный резко выпрямился и молча вышел из комнаты.

* * *

— Значит, они действительно подорвались на собственной мине.

Маккой осушил стакан и потянулся за бутылкой, предлагая выпить еще.

Кирк протянул свой стакан, Спок покачал головой — он все еще мусолил свои

полпорции. Спок в первый раз в жизни согласился выпить с ними. Хотя алкоголь не оказывал на него какого-либо заметного эффекта, уже то, что они собрались все вместе, было здорово. Маккой пришел к выводу, что Спок все-таки кое-чему научился у людей.

— И не только, — отозвался Спок, немного подумав. — Эксперимент клингонов с внедрением в прошлое не просто провалился, но и послужил предупреждением. Анализируя свои вахтенные журналы, они придут к выводу о том, что не только не добились цели, но наоборот, ускорили ход тех событий, которые стремились предотвратить. Фактически перед нами результат вмешательства в ход истории. Клингоны пытались предотвратить мое появление на Земле, но, поскольку они не знали, что следует искать неземное существо, то выбрали своей мишенью Стемпла.

Маккой взглянул поверх очков на вулканца.

— Значит, пытаясь нарушить ход исторических событий, клингоны фактически только способствовали их совершению, вынудив тебя прилететь на Землю.

— Вот именно! — сказал Спок. Кирк задумался, склонив голову.

— Тогда можно утверждать, что твое появление было предопределено. То есть, ты просто должен был появиться там.

— Но ведь так оно и случилось, капитан. В бумагах того времени вы найдете запись о том, что на лесопилке Стемпла работал бухгалтером некий Ишмаэль Маркс. Отчеты, составленные его рукой, сохранились до сих пор, и, взглянув на них, вы обнаружите мой почерк.

— Но это же абсурдно! — засомневался. Маккой.

В ответ Спок лишь приподнял брови.

— Ты хочешь сказать, что все случившееся предопределено заранее, все шло к одной цели. Но ведь ты же вулканец и всегда и во всем ищешь логику.

Так где же она в данном случае?

— Все не так просто, доктор. В философии холизма концепция целостности предусматривает единство прошлого и будущего, личностей, живых существ, а также пространства, энергии и материи. Что касается особого предназначения так называемых случайных событий, было бы нелогично делать предположения, не имея достаточной информации.

— Иными словами, можно считать, что бог существует, поскольку нет веских доказательств обратного, — заявил Кирк, удобно развалившись в лучшем из двух кресел, имеющихся в спартанском жилище доктора Маккоя. Спок примостился на краешке кровати, осторожно вытянув вперед забинтованную ногу.

— Да, если ты поклонник антропоморфизма, — заключил Спок тоном истинного вулканца.

— Спок, а как насчет остальных? — спросил Кирк, отпивая глоток золотистого бренди. Они засиделись допоздна. Капитан знал, что всем пора ложиться спать, если они собираются в восемь утра прибыть на корабль.

Завтра им предстоит покинуть орбиту Двенадцатой Звездной Базы.

— Остальных?

— Клингоны пытались прервать цепь событий, не позволивших карсидам проникнуть в общество людей, живших на земле в 1870-х годах. Но сколько других цепочек событий началось из-за их вмешательства? Событий, которые не могли произойти, если бы не внедрение в ход истории? На скольких людей кроме Эрона Стемпла ты, Спок, сам оказал влияние? Кажется, ты сказал, что по крайней мере двоим стало известно, кто ты. Сколько еще человеческих судеб изменилось из-за тебя?

— Я повлиял непосредственно на судьбы семи человек, — отозвался Спок со своей обычной точностью, — но это если не принимать во внимание эффект волны. С абсолютной точностью влияние невозможно рассчитать, капитан.

Событие может продолжаться всего несколько секунд, а его последствия могут быть глобальными. Вот почему я говорю, что мое пребывание на Земле вошло в историю города и

стало ее неотъемлемой частью. Поэтому я считаю, что мы сами продукт вмешательства в ход истории.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Маккой. Взглянув на него, Спок поставил на край стола пустой стакан.

— Я имею все основания считать, что Бидди Клум — моя прапрапрабабушка, — сказал он. — Если бы я не побывал в Сиэтле, она вряд ли бы вышла замуж и родила сыновей. Но это случилось, и случилось из-за моего вмешательства.

Проговорив все это, Спок загнулся. Судя по всему, он только сейчас осознал, что Эрон Стемпл, Бидди Клум, братья Болт, Лотти, Кэнди и доктор Гэй давно умерли, и с тех пор прошло несколько веков.

* * *

Вернувшись к себе, Кирк все еще продолжал о чем-то думать. Наступило утро, в коридорах стало совсем светло, а в комнате царил приятный полумрак. Командир в последний раз связался с базой, получив подтверждение того, что они могут стартовать в 8.00. Затем поступило сообщение от Марии Келлог, информировавшей о том, что Трэ и Кхин Кхлару улетели с Двенадцатой Звездной Базы на Вулкан. Там историк, бежавший от клингонов, надеялся получить гражданство. Представителя империи полковника Нэчрта отозвали в Клинжай, где ему, очевидно, предстояло дать ответы на множество вопросов.

Кирк автоматически началу раздеваться, размышляя о беседе у Маккоя и о той некрасивой девушке с карими глазами, которую он мельком видел в домике на горе. Она тогда была очень взволнована. Кажется, на шее у нее висела цепочка с серебряным кулоном.

Кирку пришла в голову какая-то идея, и он быстро подошел к небольшому пульту. Капитан вывел на экран биографические данные членов экипажа. Ему припомнилось, как Мария Келлог однажды сказала: какой смысл быть командиром, если ты не просматриваешь время от времени имеющуюся информацию. На темном экране появилась светлая надпись:

Спок, Счн Тчай — С 179-276-СТ

Старший лейтенант.

Специалист по вычислительной технике,

Крейсер звездного класса «Энтерпрайз»

Р.3492.6, Шихар, Вулкан.

Родители: Счн Т «чай Сарек, Хгртча, Клан, Шикахр, Вулкан.

Аманда Стемпл Грейсон, Сиэтл, Вашингтон, Земля.